

Содержание

ЗА СТРОКОЙ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КАЗАХСТАНА

Шаукенова З.К.	Послание Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана 2011 г.: основные идеологемы	5
----------------	---	---

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Ким Г.Н., Оспанов Н.М., Изимов Р.Ю., Тимофеев Л.А.	Корейские перипетии вступления в ООН	12
	Проблемы взаимодействия ШОС и стран Запада	23
	Особенности формирования региональной системы безопасности на Каспии	31
Нурсултанова Л.Н., Абен Д.А.	Сотрудничество Казахстана и стран Ближнего Востока	39
	Договор о нераспространении ядерного оружия и позиция Казахстана	48

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Бокаев С.О.	Технологическое сопровождение избирательной кампании 2011 г.	57
Алимгазинов К.Ш.	Интеллектуальные вызовы времени и проекция новаций в отечественной историографии	60
Уркимбаева Р.Ж.	Процесс активного обращения населения Казахстана в протестантские вероисповедания	63

ЭКОНОМИКА

Додонов В.Ю.	Прогнозная оценка перспектив экономики Казахстана в 2011 г.: внешние факторы и потенциал роста	67
Мухамеджанова Д.Ш.	Проблемы постсоветского регионализма	76

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Джалилов З.Г.	К вопросу об особенностях мусульманских движений и течений	90
Калыш А.Б.	Специфика одежды казахского сельского населения Северного Казахстана	99
Нуртазина Н.Д.	Из истории государственно-конфессиональных отношений в Казахстане: начало политики атеизации и борьбы с исламом (1917— 1927 гг.)	108
Абдилдабекова А.М.	Региональный подход в изучении политики царской власти в отношении казахов	114
Ксенжик Г.Н.	Источники по исследованию исторической географии Степных областей Казахстана XIX — начала XX в.	120
Шаблей П.С.	Первые мечети Семипалатинска: история возведения и архитектурный облик	127

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т.	Мавланов И.Р. Экономическая дипломатия Индии в условиях трансформации мирового порядка	136
Жаркынбаева Р.С.	Социальная Европа в XXI веке	140

SUMMARY	144
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	149
---------------------------	-----

**Казахстан
Спектр**
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ 2011/2

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск Н.Б. Сейдин
Редактор-корректор Н.И. Шестакова
Дизайн и верстка: А.К. Садуакасов, А.А. Жумагалиева
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87^а.
Телефон: (727) 264-34-04. Факс: (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» г. Алматы. Тираж 500 экз.

Contents

ADDRESS TO NATION OF PRESIDENT OF RK

Shaukenova Z.K.	2011 Address of President of Republic of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev to People of Kazakhstan: Core Ideologies.....	5
-----------------	---	---

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

Kim G.N., Ospanov N.M., Izimov R.Y., Timofeenko L.A., Nursultanova L.N., Aben D.A.	Korean Peripetiae for UN Entry..... Relations of the SCO and Western Countries..... Characteristics of Formation of Caspian Regional Security System..... Cooperation of Kazakhstan with Middle East Countries..... Nuclear Nonproliferation Treaty and Position of Kazakhstan.....	12 23 31 39 48
--	---	----------------------------

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL ISSUES

Bokaev S.O., Alimgazinov K.Sh., Urklmbayeva R.Zh.	2011 Electoral Campaign Technologies..... Contemporary Intellectual Challenges and Projections of Innovations in National Historiography..... Assertive Conversion of Kazakhstan Population into Protestantism.....	57 60 63
---	---	----------------

ECONOMY

Dodonov V.Y., Mukhamedzhanova D.Sh.	Predictive Assessment of Economic Perspectives of Kazakhstan in 2011: External Factors and Potential for Growth..... Issues of Post-soviet Regionalism.....	67 76
-------------------------------------	--	----------

HISTORY AND PHILOSOPHY

Dzhalilov Z.G., Kalysb A.B., Nurtazina N.D., Abdildabekova A.M., Ksenzhih G.N., Shabley P.S.	Characteristics of Muslim Schools and Movements: Revisited..... Characteristics of Kazakh Traditional Clothing in Rural Areas of Northern Kazakhstan..... On History of Relation of State and Religion in Kazakhstan: Beginning of Atheism Policy and Struggle with Islam (1917— 1927)..... Regional Approach to Examine the Policies of Imperial Authority in Respect of the Kazakhs..... Sources for the Study of Historical Geography of the Steppe Areas of Kazakhstan XIX — early XX century..... First Mosques in Semipalatinsk: Construction and Architecture.....	90 99 108 114 120 127
--	--	--------------------------------------

BOOK REVIEW

Laumulin M.T., Zharklnbayeva R.S.	Mavlanov I.R. Economic Diplomacy of India on Global Transformation Background..... Social Europe in the 21 st Century.....	136 140
-----------------------------------	--	------------

SUMMARY	144
AUTHORS	149

Редакционный совет

- Султанов Б.К.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
- Музапарова Л.М.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Абусентова М.Х.** — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Алшанов Р.А.** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — профессор Казахстанско-Немецкого университета, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У.** — профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Лаумулин М.Т.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Нысанбаев А.Н.** — директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М.** — помощник Президента — Секретарь Совета Безопасности РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шаукенова З.К.** — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, доктор социологических наук, профессор

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **B.K. SULTANOV**,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication N.B. Seydin
Editor-corrector N.I. Shestakova
Design & Layout: A.K. Sedvatasov, A.A. Zimnigalova
Address: 87th Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (727) 264-34-04, Fax (727) 264-49-95, E-mail: office@kisl.kz
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997, Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of IE "Volkova Ye.V." Almaty, Copies 500.

Contents

ADDRESS TO NATION OF PRESIDENT OF RK

Shaukenova Z.K.	2011 Address of President of Republic of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev to People of Kazakhstan: Core Ideologemes.....	5
-----------------	--	---

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

Kim G.N., Ospanov N.M., Izimov R.Y., Timofeenko L.A., Nursultanova L.N., Aben D.A.	Korean Peripetiae for UN Entry..... Relations of the SCO and Western Countries..... Characteristics of Formation of Caspian Regional Security System..... Cooperation of Kazakhstan with Middle East Countries..... Nuclear Nonproliferation Treaty and Position of Kazakhstan.....	12 23 31 39 48
--	---	----------------------------

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL ISSUES

Bokaev S.O., Alimgazinov K.Sh., Urkimbayeva R.Zh.	2011 Electoral Campaign Technologies..... Contemporary Intellectual Challenges and Projections of Innovations in National Historiography..... Assertive Conversion of Kazakhstan Population into Protestantism.....	57 60 63
---	---	----------------

ECONOMY

Dodonov V.Y., Mukhamedzhanova D.Sh.	Predictive Assessment of Economic Perspectives of Kazakhstan in 2011: External Factors and Potential for Growth..... Issues of Post-soviet Regionalism.....	67 76
-------------------------------------	--	----------

HISTORY AND PHILOSOPHY

Dzhalilov Z.G., Kalysh A.B., Nurtazina N.D., Abdildabekova A.M., Ksenzhik G.N., Shabley P.S.	Characteristics of Muslim Schools and Movements: Revisited..... Characteristics of Kazakh Traditional Clothing in Rural Areas of Northern Kazakhstan..... On History of Relation of State and Religion in Kazakhstan: Beginning of Atheism Policy and Struggle with Islam (1917— 1927)..... Regional Approach to Examine the Policies of Imperial Authority in Respect of the Kazakhs..... Sources for the Study of Historical Geography of the Steppe Areas of Kazakhstan XIX — early XX century..... First Mosques in Semipalatinsk: Construction and Architecture.....	90 99 108 114 120 127
--	--	--------------------------------------

BOOK REVIEW

Laumulin M.T., Zharkinbayeva R.S.	Mavlanov I.R. Economic Diplomacy of India on Global Transformation Background..... Social Europe in the 21 st Century.....	136 140
-----------------------------------	--	------------

SUMMARY.....	144
AUTHORS.....	149

Редакционный совет

- Султанов Б.К.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
- Музапарова Л.М.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Абусейтова М.Х.** — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Алшанов Р.А.** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — профессор Казахстанско-Немецкого университета, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У.** — профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Лаумулин М.Т.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Нысанбаев А.Н.** — директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М.** — помощник Президента — Секретарь Совета Безопасности РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шаукенова З.К.** — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, доктор социологических наук, профессор

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **B.K. SULTANOV**,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication N.B. Seydin
Editor-corrector N.I. Shestakova
Design & Layout: A.K. Sadvakasov, A.A. Zhumagalieva
Address: 87th Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (727) 264-34-04, Fax (727) 264-49-95, E-mail: office@kisi.kz.
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997, Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of IE 'Volkova Ye.V.' Almaty. Copies 500.

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under President of RK, Doctor of History
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under President of RK, Candidate of Economics
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at Ministry of Education and Science of RK, Doctor of History, Professor
- Alshanov R.A.** — President of 'Turan' Educational Corporation, President of Higher Educational Institutions Association of RK, Doctor of Economics, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head of Administration of President of RK, Candidate of Political Science
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Department, Kazakh-German University, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Professor of Department of International Relations and Foreign Policy of RK, al-Farabi Kazakh National University Doctor of History
- Laumulin M.T.** — Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director of Institute of Philosophy and Political Science, Ministry of Education and Science of RK, Academician of National Academy of Sciences of RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Syroezhkin K.L.** — Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science, Professor
- Tazhin M.M.** — Aide to President, Secretary of National Security Council, Doctor of Social Science, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shaukenova Z.K.** — Deputy Director of KazISS under President of RK, Doctor of Social Science, Professor

Послание Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана 2011 г.: основные идеологемы

ШАУКЕНОВА З.К.

Через ежегодные послания происходит формирование идеологии

Первое Обращение Президента народу датируется маем 1990 г., до 1995 г. оно адресовалось Верховному Совету. Практика ежегодных посланий Президента к народу вводится с 1995 г., когда новой Конституцией это было вменено в обязанность Главы государства.

Первое Послание Президента прозвучало в октябре 1996 г. и имело традиционное название «О положении страны и основных направлениях внутренней и внешней политики на 1997 год». Однако историческим по своему значению стало второе по счету Послание Президента «Стратегия развития Казахстана до 2030 года», озвученное в октябре 1997 г. Именно с него сегодня ведется отсчет президентских посланий.

В 2001 г. Президент впервые выступил с Посланием весной, а не осенью, что существенно повысило влияние Послания на бюджетный процесс. В этом же году был принят 10-летний план реализации Стратегии «Казахстан-2030». С 2004 г. практикуется принятие общенационального плана, в котором отражаются поручения Президента, высказанные в Послании текущего года.

Всего (до Послания этого года) насчитывалось 15 президентских посланий. Послания за 1996 и 1997 гг. были зачитаны в Алматы. Начиная с 1998 г., с переносом столицы, они читаются в Астане, в Парламенте РК. Послания транслируются в прямом эфире. Текст Послания публикуется в печати на следующий день.

С 2006 г. перед Посланием исполняется гимн — «Менің елім».

В целом атмосфера заслушивания Послания в Казахстане значительно сдержаннее, чем в США.

В принципе, уже начиная с Послания 1997 г., Президент старается использовать неологизмы, яркие красочные слова, которые делают текст Послания запоминающимся, броским. То есть само по себе Послание проходит технологическую обработку как имиджевый идеологический документ.

Стратегия «Казахстан-2030» являлась очень важным пробным шагом отечественной имиджмейкерской школы. В наибольшей степени она отличалась множеством примененных пословиц, поговорок, крылатых выражений. Использовались также красивые слова и обороты, в частности такие, как: миссия Казахстана, Центральноазиатский Барс, «демографический крест», «белые и синие воротнички», окончательная «доводка», мультимодульные терминалы, человеческий капитал. По сути, Послание 1997 г. задало тон в привлечении аппарата современного политического словаря.

С 2004 г. несущее смысловое слово Послания было вынесено в его название. Конкурентоспособность стала сквозным понятием, пронизывающим практически все дальнейшие обращения Президента к нации. В 2006 г. была выдвинута Стратегия вхождения Казахстана в число наиболее конкурентоспособных стран. Причем выдвижение на уровень общенационального Послания рейтинговой позиции государства означало приход качественно нового подхода в оценке эффективности развития страны. Чтобы видеть себя в современном мире, мы должны сравниваться с другими странами.

Лучшие фразы Президента из его Посланий:

1997 г.: «*Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев — вот ключевые слова, которыми следует охарактеризовать Казахстан, который мы все хотим построить*».

1998 г.: «*В этот исторический день я предлагаю вам программу демократизации и политических реформ, которая станет новой точкой отсчета в нашей национальной истории*».

1999 г.: «*“Блуждающий характер” ближайшей истории заставляет нас с особым вниманием отнестись к проблемам собственной безопасности*».

2000 г.: «*Порой приходится повторять очевидное, но истина состоит в том, что Казахстан был, есть и будет самым стабильным и безопасным государством в регионе, и мы твердо держим руку на пульсе*».

2001 г.: «*Построение Казахстана, базирующегося на прочном фундаменте политической и социальной справедливости, экономической свободы, страны, в которой будет господствовать сила Закона*».

2002 г.: «*Единство, межнациональное согласие и политическая стабильность — это главное, чего хочет наш народ. Я это знаю*».

2003 г.: «*Мне выпала честь объявить о крупнейших в нашей новейшей истории повышениях социальных расходов, которые мы начнем уже скоро и которые затронут каждого казахстанца и каждую семью*».

2004 г.: «*Мы уже доказали, что Казахстан готов к великим свершениям, а казахстанцы способны их осуществить*».

2005 г.: «*Мы всегда помнили, что демократия — это наша цель, а не начало пути. Мы знали, что демократию невозможно внедрить декретом, ее надо выстрадать*».

2006 г.: «*Одна из причин наших заблуждений в том, что либерализм власти воспринимается упрощенно, как ее слабость и неспособность наложить вето на те или иные “шалости” и “капризы” своевольных честолюбцев. Нам надо избавляться от иллюзий и заблуждений*».

2007 г.: «*Все это создает фундамент нового общеказахстанского патриотизма, обоснованной гордости и уверенности в том, что у нашего Отечества, у всего нашего многонационального и многоконфессионального общества, у наших детей — прекрасные перспективы*».

2008 г.: «*Постоянное улучшение социального самочувствия казахстанцев, всех слоев и социальных групп казахстанского общества, является и будет оставаться на первом плане государственной политики*».

2009 г.: «*Сегодняшние проблемы и то, как мы с ними справляемся, — это экзамен на зрелость и устойчивость нашего общества и государства. Думаю, что мы этот экзамен выдержим. Нам предстоит войти в новый этап своего развития и преумножить наши достижения. Уверен, что мы справимся*».

2010 г.: «*Мы вместе смогли сделать Казахстан преуспевающим и вместе мы сможем сделать его процветающим*».

2011 г.: «*Построим будущее вместе!*».

Информированность о посланиях

В 2010 г., к концу I квартала, население в большинстве своем было информировано о Послании. Каждый четвертый респондент хорошо знал о Послании как о событии, так и в содержательном отношении. Можно сказать, что эта группа респондентов — наиболее политически подкованная, квалифицированная и постоянно интересующаяся политикой часть общества. Основная масса населения — 65%, зная о Послании, не читали его и мало знают о его идейной и практической начинке. 9% респондентов вообще не знали о том, что Послание было (рис. 1).

Рис. 1. Динамика ответов респондентов на вопрос: «Знакомы ли Вы с содержанием Послания Президента народу Казахстана?»

В социальных группах чаще читают Послание средние слои. В национальном разрезе Посланием чаще интересуются представители коренной этнической

группы. В возрастном отношении Послание входит в фокус интереса чаще среди граждан среднего возраста (табл. 1).

Табл. 1. Уровень осведомленности респондентов о ежегодном Послании по ключевым социальным группам за март 2010 г.

	Хорошо знают о Послании	Осведомлены в целом
Уровень дохода		
Менее 10 тыс. тенге	21,1	90,3
От 10 до 30 тыс.	24,4	92,3
От 30 до 50 тыс.	34,8	88,7
От 50 до 100 тыс.	31,8	92,5
От 100 тыс. и выше	28,0	96,0
Национальность		
Казахи	30,0	92,5
Русские	20,0	88,8
Другие	20,4	89,3
Возраст		
До 29 лет	22,0	89,9
От 30 до 45 лет	27,4	92,3
От 46 до 60 лет	28,3	91,1
От 61 и старше	24,3	89,5

Респонденты имели больше надежд на реализацию задач Послания 2010 г. по сравнению с 2009 г. Твердую уверенность в том, что Послание будет реализовано, высказали 21,5% опрошенных, что на треть больше показателя I квартала 2009 г. (рис. 2).

Рис. 2. Динамика ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, будут ли решены те задачи, которые Президент страны Н.А. Назарбаев поставил в Послании перед государственными органами?» (%)

Значение разъяснительной работы по Посланию Президента

В рамках пропагандистской волны среди населения удастся не только расширить знания о Послании, но и видение результатов его реализации. Покажем это на примере города Алматы. В рамках II квартала 2010 г. в Алматы шла активная работа по пропаганде Послания. От этой работы наблюдались ощутимые результаты. Доля респондентов, которые заинтересовались и специально ознакомились с Посланием, выросла более чем на треть — с 17 до 26,8% (табл. 2).

Табл. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «29 января Президент выступил с ежегодным Посланием народу Казахстана. Слышали ли Вы об этом?»

	I кв. 2010 г.	II кв. 2010 г.
Да, я специально прочитал или слушал полностью выступление Президента с Посланием	17,0	26,8
Я только слышал о Послании по телевидению или от окружающих	73,9	62,9
До настоящего момента о Послании ничего не слышал	9,1	10,4

Как видим, проведенная пропагандистская кампания позволила укрепить среди алматинцев уверенность в реализуемости планов, отраженных в Послании. За прошедший квартал доля респондентов, отмечающих результаты реализации Послания, выросла с 18,8 до 27,3%, или почти на треть. При этом число респондентов, ощущающих результаты Послания не в полной мере, сократилось с 52,2 до 46,6%, или примерно на десятую часть (рис. 3).

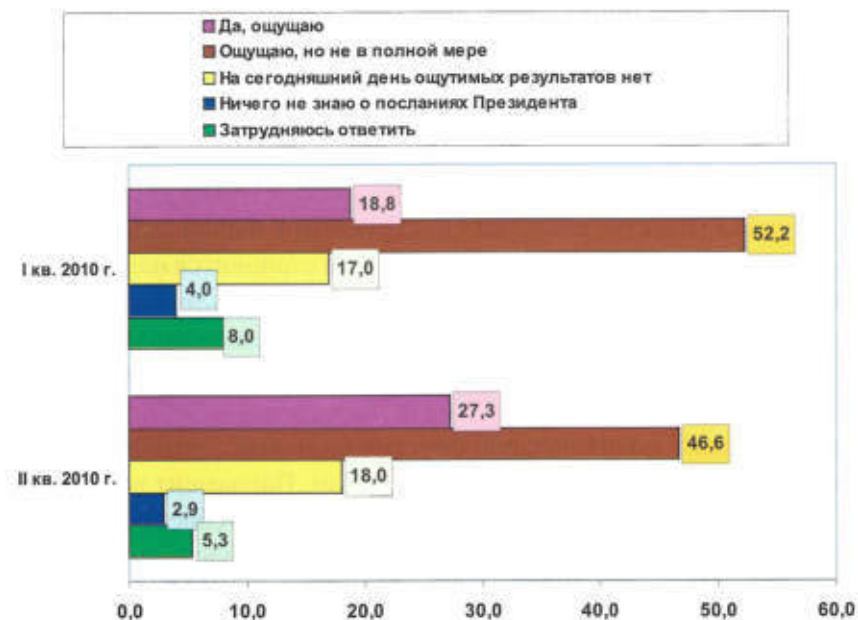

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Ощущаете ли Вы позитивные результаты от выполнения ежегодных посланий Главы государства?» (%)

При этом верили в то, что в целом задачи Послания будут решены, каждый четвертый респондент — 24,1%. В предыдущем квартале доля таковых составляла 14,5%, или более чем на треть меньше. Также сократилось число респондентов с еще более пессимистическим настроением, что будет решено менее половины поставленных задач, с 24,3 до 18,5% (табл. 3).

Табл. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, будут ли решены те задачи, которые Президент страны Н.А. Назарбаев поставил в Послании перед государственными органами?» (%)

	I кв. 2010 г.	II кв. 2010 г.
Да, задачи будут решены	14,5	24,1
Скорее всего, будет решено больше половины поставленных задач	39,1	37,9
Скорее всего, будет решено менее половины поставленных задач	24,3	18,5
Будут решены только некоторые задачи, но большинство поручений останутся невыполненными	13,4	14,5
Затрудняюсь ответить	8,7	5,0

Отметим особые политические мотивы нового Послания. Неслучайно в политическом блоке празднование 20-летия независимости Казахстана обозначено как важнейшее событие, призванное объединить всех казахстанцев ради нашего будущего. И здесь явно прочитывается главный мессидж Послания Лидера нации казахстанскому народу — «Построим будущее вместе!».

В целом следует сказать о высоком патриотическом накале нового Послания Главы государства. Некоторые аналитики спешат называть его либо предвыборной платформой, либо отчетом об успехах, теряя из виду глубину и ценность обращения Президента к народу. В реальности Президент нам дает достаточно четкие сигналы о том, что нация должна мобилизоваться и развивать самое главное — свои внутренние механизмы самодостаточности, конкурентоспособности, свою национальную мощь.

И в этом плане в качестве ключевых инструментов нашей защиты перед встающими вызовами нового этапа мирового развития становится наша *гражданская активность*, наше знание *государственного, русского и английского языков*, наш *проактивный внешнеполитический курс*, наша *сильная экономика*, в которой трудятся профессионалы, люди, заинтересованные в результатах своего труда, истинные патриоты своей страны.

Президент выводит политическую систему на новый уровень, чтобы она заработала как самодостаточный сильный механизм. Парламент волен принимать решения, Президент — их отклонять, Конституционный совет — рассматривать с точки зрения соответствия законодательству, но главную роль играет сам народ. Народ — это не абстрактная категория. Это люди, которые проявляют свою активность и понимание судеб страны.

Нурсултан Абишевич призвал казахстанцев быть более бережливыми к себе, к своей Родине, *лучше понимать ее состояние и ситуацию, в которой ей прихо-*

дится развиваться. В данном смысле Послание — это документ больший, чем просто основа для организационных мероприятий государственных органов. Это наш внутренний казахстанский пакт, соглашение, меморандум, что мы будем *оберегать наши главные достижения.* Президент их емко сформулировал в рамках девиза юбилея нашей независимости: «Бейбітшілік пен жасампаздықтың 20 (жиырма) жылы» — «20 лет мира и созидания». И данный девиз также является одной из идеологем Послания Президента 2011 г.

Корейские перипетии вступления в ООН*

КИМ Г.Н., ОСПАНОВ Н.М.

14 августа 1945 г. Япония, потерпев поражение в войне, официально приняла условия капитуляции, в результате чего Корея обрела независимость. Однако по решению СССР и США она была разделена по 38-й параллели на южную и северную зоны оккупации. Совместные попытки недавних союзников образовать временное правительство для всего Корейского полуострова не увенчались успехом.

10 мая 1948 г. выборы состоялись, но только на территории южной части Корейского полуострова. На их основе была образована Республика Корея (РК) и сформировано правительство во главе с президентом Ли Сын Маном. 15 августа 1948 г. правительство Республики Корея провозгласило Республику Корея единственно законным государством всего корейского народа. 9 сентября того же года была образована Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и сформировано ее правительство во главе с Ким Ир Сенем, которое также провозгласило себя единственно законным правительством всей Кореи. Раскол Кореи стал фактом [1]. С образованием двух корейских государств начались перипетии их вступления в ООН.

В соответствии с правилами, любое государство, которое пожелает стать членом ООН, подает заявление генеральному секретарю. Это заявление должно включать составленную в форме официального акта декларацию о готовности настоящего государства принять обязательства, содержащиеся в Уставе ООН. Генеральный секретарь немедленно передает заявление о приеме Совету Безопасности (СБ). Если Совет не примет иного решения, то заявление направляется его председателем в Комитет Совета Безопасности по приему новых членов, в котором имеется представитель от каждого члена Совета. Комитет рассматривает заявление и докладывает о своем заключении Совету не позднее чем за 36 дней до созыва очередной сессии Генеральной Ассамблеи (ГА), или если созывается специальная сессия, то не позднее чем за 14 дней до начала такой сессии [2].

В пункте 60 Правил процедуры СБ говорится: «Совет Безопасности решает, является ли, по его мнению, подавшее заявление государство миролюбивым и может ли оно выполнять обязательства, содержащиеся в Уставе и, соответственно, следует ли его рекомендовать, это государство, в члены Организации».

* Статья основана на материалах Системы официальной документации (СОД), охватывающей официальные источники ООН, начиная с 1993 г. При этом в систему ежедневно заносятся и более ранние документы ООН. СОД дает также доступ к резолюциям Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности, Экономического и Социального Совета и Совета по Опеке начиная с 1946 г. В Систему официальной документации загружены более 30-ти тысяч оцифрованных документов, переданных в дар Японии.

Если СБ рекомендует принимать государство, подавшее заявление, в члены Организации, то он направляет ГА эту рекомендацию вместе с полным отчетом о состоявшейся дискуссии. В случае отказа в рекомендации, СБ предоставляет ГА специальный доклад вместе с полным отчетом о состоявшейся дискуссии. В соответствии со ст. 18 Устава и Правилами процедуры ГА, за прием нового члена должны проголосовать 2/3 присутствующих и участвующих в голосовании членов Ассамблеи. Прием любого государства в члены ООН производится постановлением ГА по рекомендации СБ. Таким образом, для принятия нового члена требуются положительные рекомендации и положительное решение ГА [3].

19 января 1949 г. была предпринята первая попытка РК вступить в ООН. Исполняющий обязанности министра иностранных дел РК Чан Ли Кон* отправил письмо на имя генерального секретаря Ли Трюгве относительно заявления республики о приеме ее в члены ООН [4].

В южнокорейском заявлении о ее принятии в ООН отмечалось, что правительство Корейской Республики было создано непосредственно в результате решений, принятых ГА ООН 14 ноября 1947 г. и 12 декабря 1948 г. Подчеркивалось, что всеобщие выборы были проведены под наблюдением и при одобрении Временной комиссии ООН по вопросу о Кореи. Далее в заявлении говорилось о том, что избранные представители собрались 31 мая 1948 г. как Корейское национальное собрание и приняли конституцию Корейской Республики. В соответствии с этой конституцией, был избран президент Ли Сын Ман и сформировано правительство, которое приступило к выполнению своих функций 15 августа 1948 г.

В заявлении подчеркивалось, что суверенитет Республики Корея признан такими государствами, как США, Китайская Республика (Тайвань), Филиппины и Великобритания. Исполняющий обязанности министр иностранных дел Чан Ли Кон в своем заявлении от имени правительства Корейской Республики просил принять Корейскую Республику в члены Организации Объединенных Наций в соответствии со статьей 4 Устава [5].

Что же касается КНДР, то министр иностранных дел Пак Хен Енг отправил 9 февраля 1949 г. генеральному секретарю ООН прошение о вступлении своей страны в ООН в виде телеграммы**. В северокорейской телеграмме говорилось о том, что правительство КНДР представляет волю корейского народа и желает сотрудничать с другими миролюбивыми государствами в делах поддержания мира и международной безопасности. Далее в телеграмме подчеркивалось, что Северная Корея полностью поддерживает принципы и цели Объединенных Наций и готова принять обязательства в соответствии с Уставом Организации. Следует отметить, что в телеграмме северокорейское правительство не просило принять КНДР в соответствии со статьей 4 Устава, которая является обязательной для государства, желающего стать членом Организации [6].

* В документе была допущена ошибка. Правильно, в соответствии с правилами написания корейских имен кириллицей, Ко Чханг Иль, а не «Чан Ли Кон».

** Любое государство, которое пожелает стать членом Организации Объединенных Наций, направляет заявление генеральному секретарю. Это заявление должно содержать составленную в форме официального документа декларацию о том, что настоящее государство принимает на себя обязательства, содержащиеся в Уставе.

В соответствии с правилами процедуры, заявления Южной и Северной Кореи были направлены генеральным секретарем для рассмотрения в Совет Безопасности, заседание которого состоялось 15 февраля 1949 г. 409-е заседание Совбеза начал представитель СССР. В своем выступлении постоянный представитель Советского Союза в ООН Я.А. Малик возразил против включения заявления о приеме в члены Организации Республики Корея в Совете Безопасности и против передачи в Комитет по приему новых членов. Свое возражение против включения в повестку дня южнокорейского заявления Малик аргументировал следующим образом: «Режим, созданный в Южной Корее, навязан иностранными оккупационными войсками, и при наличии оккупации нельзя считать ни страну, ни народ, ни созданное в этой стране правительство свободным и независимым» [7]. Таким образом, делегация Советского Союза хотела воспрепятствовать включению южнокорейского заявления в предварительную повестку дня.

В ответ представитель США У.Р. Остин зачитал резолюцию 195 (III) от 12 декабря 1948 г., которая подтверждала легитимность выборов в РК. РК была непосредственно учреждена в результате постановления ГА. Общие выборы в РК были произведены под наблюдением и при одобрении Временной комиссии Организации Объединенных Наций по вопросу о Корее. Делегация США выступила за передачу этого заявления в Комитет по приему новых членов. За передачу заявления РК в Комитет по приему новых членов проголосовали девять против двух*, и затем на основании правил процедуры СБ своим решением направил его на рассмотрение Комитету по приему новых членов [8].

На том же заседании началось рассмотрение 3 пункта повестки дня, то есть письма от 11 февраля 1949 г. на имя председателя СБ относительно заявления КНДР о приеме ее в число членов ООН. Представитель США У.Р. Остин поднял вопрос о порядке ведения заседания и высказал мнение, что вышеуказанный пункт повестки дня по смыслу Устава не является заявлением о приеме государства в ООН. В своем выступлении Остин заявил, что «всякий может выслать такую телеграмму». Этим самым он поставил под сомнение, что ее действительно отправил министр иностранных дел КНДР Пак Хен Енг, а ни кто-нибудь другой. Американская делегация не забыла отметить, что телеграмма не отвечает условиям, согласно которым по Уставу должно быть подано заявление о приеме в члены Организации [9].

16 февраля 1949 г. Совет Безопасности продолжил свое заседание по северокорейскому вопросу. Советский представитель Малик предложил проект резолюции относительно приема КНДР в ООН [10], который гласит: «Совет Безопасности, рассмотрев заявление правительства Корейской Народно-Демократической Республики о приеме в члены Организации Объединенных Наций, постановляет передать это заявление в Комитет по приему новых членов» [11].

СССР и КНДР устраивало вступление двух Корей в ООН. Представитель делегации УССР В.А. Тарасенко заявил, что мотивы, выдвинутые против вступления Северной Кореи в ООН, являлись «неубедительными». Представитель Норве-

* В 1946—1965 гг. в число членов Совета Безопасности ООН входили 11 государств, а число требуемых голосов при принятии решений по процедурным вопросам — 7.

гии Ф. Мое подчеркнул, что голосует против передачи северокорейского прошения о вступлении по причине того, что данный документ не являлся заявлением с просьбой вступить в Организацию. Если бы приняли северокорейское заявление, в котором пренебрегли условиями 4 статьи Устава, то был бы создан прецедент, игнорирующий основной документ ООН. Следующим выступил представитель Кубы Альварес, который в своем заявлении считал необходимым проголосовать против по причине того, что в телеграмме КНДР отсутствовала декларация, составленная в форме официального акта. Председатель поставил на голосование проект резолюции Советского Союза о передаче северокорейского заявления в Комитет по приему новых членов. За передачу в Комитет проголосовали СССР и УССР, против передачи — Египет, Канада, Китай, Куба, Норвегия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Франция, воздержалась от голосования — Аргентина. Таким образом, заявление Северной Кореи в отличие от заявления Южной Кореи не прошло в Комитет по приему новых членов [12].

24 февраля 1949 г. при обсуждении в Комитете кандидатуры РК позиции стран остались прежними. После обсуждения Комитет перешел к голосованию. Восемь голосов [Аргентина, Канада, Китай (Тайвань), Египет, Франция, Норвегия, Великобритания, Соединенные Штаты Америки] были поданы за данное заявление и два голоса (Союз Советских Социалистических Республик, Украинская Советская Социалистическая Республика) — против. Представитель Кубы отсутствовал в момент голосования, но во время обсуждения поддержал просьбу РК. Комитет восьмью голосами и против — два постановил рекомендовать Совету Безопасности принять РК в члены ООН [13].

8 апреля 1949 г. на 423-м заседании СБ ООН в Нью-Йорке в повестку дня был включен доклад Комитета по приему новых членов относительно заявления РК о приеме в члены ООН, предоставленного Совету Безопасности (S/1281). На заседании присутствовали представители Аргентины, Китая (Тайвань), Канады, Кубы, Эквадора, Египта, Норвегии, США, Великобритании, СССР, УССР и Франции. В ходе обсуждения и голосования повестки дня представитель Советского Союза Я.А. Малик подверг сомнению легитимность сепаратных выборов в южной части Корейского полуострова и назвал правительство РК «марионеточным». Делегация СССР настаивала на рассмотрении заявления КНДР о ее приеме в ООН, но оно не было включено в предварительную повестку дня. СССР проголосовал против приема РК в ООН. Позицию СССР поддержала только Украинская ССР [14].

В ответ представитель США У.Р. Остин снова процитировал резолюцию 195 (III) от 12 декабря 1948 г. [15], которая подтверждала легитимность выборов в РК. Делегация США считает, что РК является миролюбивым государством, полностью удовлетворяющим условиям статьи 4 Устава, и потому проголосовала за принятие РК в ООН. Позицию США поддержали Аргентина, Канада, Китай (Тайвань), Куба, Эквадор, Египет, Норвегия, Великобритания и Франция. Хотя девять вышеперечисленных государств проголосовали за прием Южной Кореи в ООН, однако из-за права вето постоянного члена Совета Безопасности — СССР вступление РК в Организацию оказалось невозможным [16]. Правительство Чанг

Мёна 22 декабря 1951 г. попросило генерального секретаря пересмотреть заявление РК о приеме в ООН [17].

Следует отметить, что правом вето пользовался не только Советский Союз, и не только по отношению к РК. Но и все остальные постоянные члены Совбеза использовали право вето для того, чтобы заблокировать принятие резолюции. Таким образом, постоянные члены Совета Безопасности в большинстве случаев использовали право вето не из общих интересов, а из своих. Начиная с момента образования ООН в 1945 г., Советский Союз и Россия использовали право вето при голосовании в Совете Безопасности 120 раз, тогда как США прибегали к этому 76 раз, Великобритания — 32, Франция — 18 и Китай — только 5 раз [18].

Сторонники Южной Кореи во главе с США предпринимали разные попытки рассмотреть южнокорейский вопрос о вступлении в ООН. Поводом для очередной попытки стала резолюция 918 (X), которую приняли на 552-м пленарном заседании 8 декабря 1955 г. 2 пункт резолюции 918 (X) гласит: «Предлагает Совету Безопасности рассмотреть с учетом общего мнения в пользу возможно большей универсальности членского состава Организации Объединенных Наций заявления с просьбой о приеме в Организацию, ожидающие принятия по ним решения и поступившие от всех тех восемнадцати стран, в отношении которых не возникает проблемы объединения» [19]. По проекту резолюции Бразилии и Новой Зеландии (S/3502) к этим 18-ти странам были отнесены следующие государства: Албания, Монгольская Народная Республика, Иордания, Ирландия, Португалия, Венгрия, Италия, Австрия, Румыния, Болгария, Финляндия, Цейлон, Непал, Ливия, Камбоджия, Япония, Лаос и Испания [20]. В соответствии со 2 пунктом резолюции 918 (X), делегация Китая (Тайвань) предложила добавить Республику Корея и Республику Вьетнам к списку стран, подавших заявления о приеме [21]. За китайское (тайваньское) предложение (S/3506) о добавлении РК к списку подавших заявление о приеме проголосовали девятью голосами* против одного, с одним воздержавшимся. Советский Союз остался в меньшинстве и использовал свое право [22]. И на этот раз попытка РК не увенчалась успехом.

После очередной неудачной попытки РК вступить в ООН в 1955 г., 9 сентября 1957 г. в Нью-Йорке на 789-м заседании рассматривалась резолюция 1017А (XI) ГА от 28 февраля 1957 г.: письмо генерального секретаря Дага Хаммершалда от 4 марта 1957 г. на имя председателя Совбеза [23]; письмо представителя Соединенных Штатов Америки от 4 сентября 1957 г. на имя председателя Совета Безопасности относительно заявления РК о приеме в члены ООН [24]. Вопрос о приеме РК и КНДР в ООН длительное время оставался сложным, потому что страна находилась в состоянии раздела. Делегация Советского Союза 11 сентября 1957 г. на одиннадцатой сессии Генассамблеи выступила за одновременный прием в ООН КНДР и РК. Участие представителей обеих частей Кореи в работе Организации Объединенных Наций создало бы, по мнению советской деле-

* Голосовали за: Бельгия, Бразилия, Иран, Китай, Перу, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Турция, Франция. Против: Союз Советских Социалистических Республик. Воздержались: Новая Зеландия.

гации, реальные предпосылки для установления контакта, для развития связей и сотрудничества, имея в виду сближение между обеими частями этой страны и в конечном итоге ее объединение. Позиция США, Великобритании, Китая (Тайвань) и Франции была в том, что единственно законным правительством на Корейском полуострове является РК, которая сформировалась в непосредственной деятельности ООН, и поэтому ни одна страна в мире не имеет такого права быть членом ООН, какое имеет РК [25].

Очередная попытка принять РК в ООН была предпринята США 9 декабря 1958 г. на 842-м заседании Совбеза в Нью-Йорке. В повестку дня был включен пункт б) резолюция 1144 А (XIII) Генеральной Ассамблеи, принятая 25 октября 1957 г.; письмо представителя США от 28 декабря 1958 г. на имя председателя Совета, касающееся заявления РК о приеме в ООН [26]. Великобритания, Франция, Япония, США предоставили совместный проект резолюции (S/4129/Rev.I) о приеме РК в ООН [27]. В ответ советская делегация внесла следующие поправки (S/4132) к проекту резолюции, представленному делегацией Соединенных Штатов и поддержанному остальными членами Совета Безопасности (S/4129/Rev.1): «1. Исключить первый пункт преамбулы проекта резолюции. 2. Во втором пункте преамбулы проекта резолюции вместо слова “заявление” вставить слово “заявления” и перед словами “Корейской Республики” включить слова “Корейской Народно-Демократической Республики и”. 3. В пункте постановляющей части резолюции перед словом “принять” вставить слово “одновременно” и перед словами “Корейскую Республику” включить слова “Корейскую Народно-Демократическую Республику и”» [28]. Но Южная Корея отклонила это предложение, поскольку она основывалась на односторонней политике членства по принципу политической легитимности [29].

В 1960 г. правительство Корейской Народно-Демократической Республики выступило с предложением о создании конфедеративной системы Севера и Юга, а в начале 1970-х гг. оно выдвинуло предложение о вступлении в Организацию Объединенных Наций под названием конфедеративной системы. 6 октября 1980 г. оно вновь выступило с предложением о вступлении в Организацию Объединенных Наций после основания Демократической Конфедеративной Республики Корё [30].

Из-за постоянного использования права СССР относительно вступления РК в ООН, Южная Корея приостановила попытки вступить в ООН до 1973 г. РК предлагала вступить раздельно в один день, в то время как КНДР предлагала, чтобы Южная и Северная Корея занимали одно место в ООН [31]. 23 июня 1973 г. президент Пак Чжон Хи объявил, что Южная Корея не будет возражать вступлению Северной Кореи в ООН [32].

С 1958 до 1975 г., в течение 17-ти лет, вопрос о вступлении РК не рассматривался в Совете Безопасности ООН. 6 августа 1975 г. в Нью-Йорке на 1834-м заседании был поставлен на голосование вопрос о включении в повестку дня пункта 4: «Записка генерального секретаря Курта Вальдхайма, сопровождающая письмо постоянного наблюдателя РК при ООН от 30 июля 1975 г. и текст телеграммы министра иностранных дел РК от 29 июля 1975 г.» [33]. За предложение

подано семь голосов, против — шесть при двух воздержавшихся*. Предложение о включении пункта 4 в повестку дня не было принято, поскольку оно не получило требуемого большинства в девять голосов. США и ее союзники пытались связать заявление южнокорейского правительства с заявлениями Южного и Северного Вьетнама о приеме в члены ООН. Позиция СССР и его союзников была в том, что в отличие от Демократической Республики Вьетнам и Республики Южный Вьетнам между Южной Кореей и Северной Кореей нет единства взглядов в отношении их приема в члены ООН. Поэтому увязывание вопроса о приеме в члены ООН Демократической Республики Вьетнам и Республики Южный Вьетнам с другим совершенно различно по своей сути [34].

В связи с заявлениями о приеме в члены, поступившими до 1 января 1985 г., Совет Безопасности получил записку от 1 июля 1987 г., которая сопровождала письмо постоянного наблюдателя КНДР при ООН от той же даты на имя председателя Совета Безопасности, препровождавшее текст меморандума министерства иностранных дел КНДР от 22 июня 1987 г. [35]. В Совет Безопасности также поступила записка председателя Совета Безопасности, сопровождающая текст письма постоянного наблюдателя РК при ООН от 17 августа 1987 г. на имя председателя Совета Безопасности, а также прилагаемый к этому письму документ [36].

С одной стороны, КНДР заявила, что попытка способствовать одновременно вступлению Северной и Южной Кореи в ООН была «несправедливой» и что, поскольку вопрос о членстве Кореи в ООН неотделим от проблемы национального воссоединения, такое решение увековечит разделение страны. Кроме того, КНДР подчеркнула, что вопрос о членстве в ООН по своему характеру, прежде всего, должен обсуждаться между Северной и Южной Кореей и что, если данный вопрос будет поднят в ООН любым государством, прежде чем Северная и Южная Корея достигнут согласия, подобные действия могли бы рассматриваться как нарушение принципа национального самоопределения, а также как нарушение пункта 7 статьи 2 Устава ООН**. С другой стороны, РК настаивала на том, что имеет особые права на членство в ООН, поскольку рождение этой страны и ее первые шаги неотделимы от деятельности ООН. РК напомнила, что она стремилась получить свое законное место в ООН с января 1949 г., когда она впервые подала заявление о приеме в члены ООН, но, несмотря на неоднократные постановления Генассамблеи о полном соответствии РК требованиям в отношении членства, ее просьба о принятии в члены сводилась на нет из-за использования права вето одним из постоянных членов Совета Безопасности. Более того, РК настаивала на том, что принятие Северной и Южной Кореи в ООН расширило бы возможности диалога и сотрудничества между ними и тем самым повысило бы шансы на установление мира и объединение Кореи. По этой причи-

* Голосовали за: Италия, Коста-Рика, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Франция, Швеция, Япония. Голосовали против: Белорусская Советская Социалистическая Республика, Ирак, Китай, Мавритания, Объединенная Республика Танзания, Союз Советских Социалистических Республик. Воздержались: Гайана, Объединенная Республика Камерун.

** Настоящий Устав не дает ООН права на вмешательство в дела, по существу, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на рассмотрение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII.

не РК не выступает против членства КНДР в ООН. РК также подчеркнула, что, вопреки утверждениям КНДР, членство РК или обеих стран в ООН способствовало бы устранению раскола между двумя частями Кореи посредством мирного диалога и сотрудничества в рамках ООН. В Совет Безопасности поступил также ряд других записок председателя Совета Безопасности, сопровождающих письма КНДР и РК, содержащие случайные упоминания о вопросе членства в ООН и отражающие мнения двух частей Кореи в соответствии с теми позициями, о которых говорилось выше. Тем не менее ни в одном из писем не было четко выраженного намерения обновить ожидавшие решения заявления о приеме в члены, поступившие от Северной и Южной Кореи, а потому в рассматриваемый период в Совете Безопасности данный вопрос не обсуждался [37]. С приходом к власти администрации Ро Дэ У начался новый поиск путей вхождения РК в ООН.

Администрация Ро Дэ У взяла курс на проведение «Северной политики» для нормализации отношений со странами Восточного блока. Южная Корея нормализовала отношения с СССР и Китаем. Ро Дэ У стал первым президентом Республики Корея, который в декабре 1990 г. посетил СССР и подписал Декларацию об общих принципах отношений между двумя странами [38]. Проведение Олимпийских игр в 1988 г. в Сеуле способствовало улучшению имиджа РК среди стран социалистического блока и облегчило вступление Южной Кореи в ООН [39].

Нельзя не признать, что игнорирование Советским Союзом в течение продолжительного периода Южной Кореи наносило ущерб его авторитету как великой державы, ослабляло его позиции в АТР и фактически устраняло от активного влияния на процесс корейского урегулирования, в котором Москве отводилась роль поддержки северокорейских инициатив. Слабость советской и американской позиций в корейском вопросе состояла в том, что и СССР, и США длительное время не признавали наличия на Корейском полуострове двух государств. Южная Корея к середине 1980-х гг. поддерживала дипломатические отношения со 119-ю из 159-ти государств и участвовала в качестве полноправного и активного члена во многих межправительственных организациях, включая 15 специализированных учреждений ООН [40].

27 мая 1991 г. министерство иностранных дел КНДР объявило, что правительство КНДР отказалось от идеи совместного членства в ООН и приняло решение одновременно вступить с РК в ООН [41].

Период с конца 1980-х по начало 1990-х гг. ознаменовался целым рядом событий, которые негативно сказывались на положении дел в Северной Корее. Изменение международной обстановки, развал социалистического лагеря и очень резкое свертывание отношений с Россией, «северная политика» Юга, экономические достижения РК, дипломатическая изоляция КНДР и экономическая депрессия — все это превратилось в нескончаемую череду политических шоков для КНДР. В мае 1991 г. Север отказался от идеи совместного членства в ООН и в результате всего избрал путь одновременного вступления Севера и Юга в ряды ООН [42].

2 июля 1991 г. заместителем премьера Административного совета и министром иностранных дел КНДР Ким Ён Намом было передано генеральному се-

кретарю заявление Корейской Народно-Демократической Республики о приеме в члены ООН. Следует отметить, что заявление было сделано в соответствии с 4 статьей Устава, к которой прилагалась декларация [43].

19 июля 1991 г. министром иностранных дел РК Ли Сан Окком было передано генеральному секретарю ООН заявление РК о приеме в члены ООН [44]. В соответствии с правилами процедуры, заявления КНДР и РК о приеме были направлены генеральным секретарем для рассмотрения в Совет Безопасности, заседание которого состоялось 6 августа 1991 г. На основании правил процедуры Совет Безопасности своим решением направил их на рассмотрение Комитету по приему новых членов [45].

6 августа 1991 г. Комитет рассмотрел заявления КНДР и РК и единогласно постановил рекомендовать КНДР и РК принять отдельно в члены Организации Объединенных Наций [46].

8 августа 1991 г. Совет Безопасности рассмотрел вопрос «Доклад Комитета по приему новых членов относительно заявлений КНДР и РК о приеме в члены ООН» и рекомендовал принять отдельно КНДР и РК в члены ООН. Комитет на основе проекта резолюции S/22895 принял резолюцию 702 (1991). После заседания председатель СБ направил письмо генеральному секретарю с просьбой препроводить 46-й сессии Генеральной Ассамблеи принятую Советом Безопасности резолюцию 702 (1991):

«Совет Безопасности, рассмотрев отдельно заявления КНДР и РК о приеме в члены ООН;

1. рекомендует Генеральной Ассамблее принять КНДР в члены ООН.
2. рекомендует Генеральной Ассамблее принять РК в члены ООН» [47].

17 сентября 1991 г. Генеральная Ассамблея на своей 46-й сессии рассмотрела пункт 20 повестки дня «Прием новых членов в Организацию Объединенных Наций», а именно КНДР, РК, Федеральные Штаты Микронезии, Маршалловы Острова, Эстонию, Латвию и Литву.

Председатель 46-й сессии ГА ООН выразил просьбу к Генеральной Ассамблее рассмотреть позитивные рекомендации Совета Безопасности относительно заявлений о приеме в члены ООН вступающих государств. В отношении каждого государства был внесен проект резолюции под названием «Прием новых членов в Организацию Объединенных Наций» [48].

Соавторами проекта резолюции A/46/L.1 относительно приема КНДР и РК первоначально стали 118 государств-членов со всех континентов мира [49].

В резолюции «Прием Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея в члены Организации Объединенных Наций», предоставленной этими странами, говорится: «Генеральная Ассамблея, получив рекомендацию Совета Безопасности от 8 августа 1991 г. о приеме Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея в члены Организации Объединенных Наций, рассмотрев заявления Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея о приеме в члены Организации, постановляет принять Корейскую Народно-Демократическую Республику и Республику Корея в члены Организации Объединенных Наций» [50].

Проект резолюции был принят без голосования, после чего председатель Генеральной Ассамблеи заявил: «Таким образом, я объявляю о приеме Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея в члены Организации Объединенных Наций. Я прошу Начальника протокола проводить делегации Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея к их местам в зале Генеральной Ассамблеи» [51].

Таким образом, состоялась историческая по своему значению акция, которая символизировала вхождение КНДР и РК в мировое сообщество в качестве полноправных субъектов международных отношений. В списке членов — государств ООН Корейская Народно-Демократическая Республика стала 160-м членом Организации, а Республика Корея — 161-м.

За двадцатилетний период членства в ООН Южная Корея добилась больших результатов, а именно в 1996—1997 гг. Республика Корея была непостоянным членом Совбеза, в 2001 г. представитель Южной Кореи Хан Сын Су был председателем 56-й сессии Генассамблеи ООН. И, наконец, признанием большой роли Сеула в ООН стало избрание бывшего министра иностранных дел и торговли Пан Ги Муна генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким Г.Н. Республика Корея. — Алматы: Дайк-Пресс, 2010. — 583 с. (С. 146).
2. Арыстанбекова А.Х. Объединенные Нации и Казахстан. — Алматы, 2002. — 432 с. (С. 43).
3. Бекяшев К.А. Международное публичное право. — М.: 2009. — 1008 с. (С. 414).
4. Система официальной документации Организации Объединенных Наций. Letter dated 19 January 1949 from acting foreign ministry of the Republic of Korea to the Secretary-General concerning the application of the Republic of Korea for admission to membership in the United Nations and Declaration accepting obligations under Charter. Document S/1238 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
5. Там же.
6. Система официальной документации Организации Объединенных Наций (СОД ООН). Telegram dated 9 February 1949 from foreign ministry of the Democratic People's Republic of Korea. Document S/1247 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
7. СОД ООН. Совет Безопасности. Официальный отчет о четырехста девятом заседании от 15 февраля 1949 г. S/PV.409 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
8. Там же.
9. СОД ООН. Совет Безопасности. Официальный отчет о четырехста девятом заседании от 16 февраля 1949 г. S/PV.410 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
10. Там же.
11. СОД ООН. Проект резолюции, предложенный представителем Союза Советских Социалистических Республик на четырехста девятом заседании Совета Безопасности 16 февраля 1949 г. S/1259 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
12. СОД ООН. Совет Безопасности. Официальный отчет о четырехста девятом заседании от 16 февраля 1949 г. S/PV.410 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
13. Система официальной документации Организации Объединенных Наций. Совет Безопасности. Официальный отчет за четвертый год. Дополнение за апрель 1949 г. S/PV.423 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
14. Там же.
15. СОД ООН. General Assembly. Resolution 195 (III) Adopted by the General Assembly on 12 December 1948 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
16. СОД ООН. Совет Безопасности. Официальный отчет, четвертый год №26. S/PV.428 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
17. 외교통상부. 한국외교 60년(1948—2008). 서울 2009년 12월 [Министерство иностранных дел и торговли. 60 лет дипломатии Республики Корея (1948—2008)]. — Сеул, 2009. — 546 с. (С. 172)].

18. Би-би-си. Новости. Право вето: история и статистика // <http://news.bbc.co.uk>.
19. СОД ООН. Резолюция 918 (X) «Прием новых членов в Организацию Объединенных Наций» // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
20. СОД ООН. Совет Безопасности. Проект резолюции Бразилии и Новой Зеландии. Прием новых членов S/3502 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
21. СОД ООН. Admission of new members. China: amendment to the joint draft resolution submitted by Brazil and New Zealand. S/3471 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
22. СОД ООН. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Десятый год. S/PV.704 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
23. СОД ООН. Письмо Генерального Секретаря от 4 марта 1957 г. на имя Председателя Совета Безопасности с приложением текста резолюции 1017 (X1) Генеральной Ассамблеи (S/3803) // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
24. СОД ООН. Letter dated 4 September 1957 from the representative of the United States of America. Addressed to the President of the Security Council, concerning the Application for membership of the Republic of Korea. S/3880 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
25. СОД ООН. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Двенадцатый год. S/PV.709 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
26. СОД ООН. Letter dated 8 December 1958 from the representative of the United States of America. Addressed to the President of the Security Council, (S/4127) // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
27. СОД ООН. Франция, Япония, Великобритания и США: проект резолюции. S/4129/Rev. // <http://daccess-ods.un.org>.
28. СОД ООН. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Тринадцатый год. S/PV.842 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
29. 외교통상부. 한국외교 60년 (1948—2008). 서울 2009년 12월 [Министерство иностранных дел и торговли. 60 лет дипломатии Республики Корея (1948—2008)...].
30. 정부수립과 한국전쟁 당시의 대 유엔 외교 // <http://www.un.mofat.go.kr>.
31. 외교통상부. 한국외교 60년 (1948—2008). 서울 2009년 12월 [Министерство иностранных дел и торговли. 60 лет дипломатии Республики Корея (1948—2008)...].
32. Divided states. Sukyong Choi, Chungnam National University // <http://www.wilsoncenter.org>.
33. СОД ООН. Совет Безопасности. Записка Генерального Секретаря от 30 июля 1975 г. S/11783 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
34. СОД ООН. Совет Безопасности. Официальные отчеты. S/PV.1836 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
35. СОД ООН. Записка Председателя Совета Безопасности от 1 июля 1987 г. S/18958 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
36. Система официальной документации Организации Объединенных Наций. Записка Председателя Совета Безопасности от 17 августа 1987 г. S/19054 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
37. Организация Объединенных Наций. Практика в отношении рекомендаций Генеральной Ассамблеи по вопросу о членстве в Организации Объединенных Наций // <http://www.un.org>.
38. 정부수립과 한국전쟁 당시의 대 유엔 외교 // <http://www.un.mofat.go.kr>.
39. Park Chi Young. United Nations Policy and Korean Question. — Seoul, 1995. — 461 pp. (P. 239).
40. Толорая Г., Кульгин Д. Россия и Южная Корея. Некоторые размышления о первом десятилетии отношений // <http://world.lib.ru>.
41. Korea and the United Nations. United Nations // <http://www.un.mofat.go.kr>.
42. Ким Вон Иль. Роль России в урегулировании военно-политического кризиса на Корейском полуострове в конце XX — начале XXI в. Автореферат на соискание ученой степени канд. полит. наук. — М., 2009.
43. СОД ООН. Заявление Корейской Народно-Демократической Республики о приеме в члены Организации Объединенных Наций от 2 июля 1991 г. A/46/295 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
44. СОД ООН. Заявление Республики Корея о приеме в члены Организации Объединенных Наций от 19 июля 1991 г. S/11783 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
45. СОД ООН. Предварительный стенографический отчет о две тысяча девятьсот девяносто восьмом заседании S/PB.2998 // <http://daccess-ods.un.org>.
46. СОД ООН. Доклад Комитета по приему новых членов, касающийся заявлений Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея о приеме в члены Организации Объединенных Наций. S/22895 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
47. СОД ООН. Предварительный стенографический отчет о три тысяча первом заседании. S/PV.3001 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
48. СОД ООН. Записка Председателя Совета Безопасности. S/22911 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
49. СОД ООН. Admission of new members to the United Nations. A/46/L.1 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
50. СОД ООН. Резолюция Генеральной Ассамблеи 46/1 «Прием Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея в члены Организации Объединенных Наций» // <http://daccess-dds-ny.un.org>.
51. СОД ООН. Официальные отчеты 46-й сессии Генеральной Ассамблеи. A/46/PV.1 // <http://daccess-dds-ny.un.org>.

Проблемы взаимодействия ШОС и стран Запада

ИЗИМОВ Р.Ю.

Деятельность Шанхайской организации сотрудничества с каждым годом вызывает все большую заинтересованность со стороны мирового сообщества и, в частности, стран Запада. При этом в первые годы существования организации западные державы не проявляли особого внимания к ее деятельности, что было обусловлено в первую очередь тем, что шанхайский переговорный процесс был малоизвестен на Западе.

При преобразовании «Шанхайской пятерки» в полноценную организацию ее деятельность попала под пристальное внимание политических и научных кругов западных стран. Это было связано, прежде всего, с опасениями США и других государств — членов НАТО по поводу растущей роли КНР в регионе и возможного появления антизападной направленности ШОС. В данной связи в работах западных исследователей стали появляться скептические, чаще негативные оценки ее деятельности. В свою очередь, подобные опасения отрицательно отражаются на взаимоотношениях государств — членов ШОС со странами Запада.

Помимо этого, проблемы взаимодействия западных стран и ШОС отчасти связаны со спецификой двусторонних отношений между ключевыми участниками Шанхайской организации и США, а также существующими конкурирующими интересами между ними в ряде регионов мира и, прежде всего, в Центральной Азии. В итоге от изменения политики стран Запада по отношению к ШОС, а также ответных действий государств-членов, преимущественно России и Китая, зависят перспективы взаимодействия межгосударственных структур безопасности, присутствующих в Центральной Азии.

Образ ШОС в странах Запада

На современном этапе деятельность Шанхайской организации сотрудничества получает достаточно неоднозначные оценки со стороны мирового сообщества. В исследованиях крупных аналитических центров Запада в большинстве случаев преобладают негативные или скептические оценки деятельности ШОС. Однако также следует отметить, что в последнее время увеличилось количество работ, позитивно оценивающих перспективы развития организации, что, вероятно, связано с увеличением в западных странах исследований, в целом касаю-

щихся ее деятельности. В этой связи сегодня можно уже говорить об определенной эволюции восприятия ШОС на Западе.

Сразу после своего преобразования в полноценную региональную организацию (2001 г.) государства — члены ШОС четко определили свои цели и обязанности. Являясь относительно новой региональной организацией многостороннего сотрудничества, ШОС стремится к диалогу, обмену мнениями и сотрудничеству во всех формах с другими государствами и многосторонними структурами мира. В соответствии с Хартией ШОС и другими официальными документами, ШОС не является военной организацией, ее действия не направлены против каких-либо третьих стран или международных организаций. Первостепенные цели организации заключаются в противодействии новым, нетрадиционным угрозам безопасности. В частности, государства-члены ведут совместную борьбу с такими трансграничными угрозами, как международный терроризм, религиозный экстремизм, незаконный оборот наркотиков и оружия. Поскольку указанные угрозы и вызовы не имеют четких государственных границ, традиционные военные подходы решения этих проблем малоэффективны. Именно поэтому ШОС не делает акцент на увеличении военно-политического потенциала организации, концентрируя внимание на выработке совместных политико-дипломатических действий государств-членов.

Ввиду отсутствия какой-либо претензии со стороны участников Шанхайского форума по поводу присутствия в регионе представителей западных стран и международных организаций, ШОС не может быть расценена как антизападное или антиамериканское объединение. Во всех официально декларируемых членами организации документах нет никакого негативного упоминания США и остальных стран Запада. Более того, члены ШОС выступают за приложение совместных усилий и координацию действий с другими международными организациями в деле укрепления системы безопасности в глобальном и региональном масштабах. Тем не менее, как представляется, некоторые объективные тенденции, имеющие место в развитии ШОС, вызывают определенную настороженность со стороны стран Запада и расцениваются ими как конкретные предпосылки к превращению ШОС в «восточный антиНАТО» [1].

Во-первых, одной из таких предпосылок является повышение международного признания и, как следствие, увеличение интереса к данной организации со стороны крупных государств Азиатского региона. Как известно, Иран, Пакистан и Индия перманентно изъявляют желание вступить в ШОС. Хотя перспективы вхождения всех этих трех стран в ШОС в качестве полноправных членов достаточно неоднозначны, сама вероятность расширения состава организации за счет двух ядерных держав и претендующего на роль регионального лидера Ирана расценивается Западом как потенциальная угроза ее стратегическим интересам на Азиатском континенте*.

* В контексте сказанного следует отметить, что присоединение Индии к ШОС на правах полноправного члена не вызовет особо негативной реакции на Западе, поскольку у нее исторически сложились дружественные отношения с США и другими западными державами. Однако вариант вступления в ШОС Индии без Пакистана недопустим с точки зрения интересов КНР, в силу сложных двусторонних отношений между Индией и Китаем.

Во-вторых, западные аналитики часто акцентируют внимание на сближении позиций России и Китая в результате их тесного взаимодействия в рамках ШОС [2]. Нужно признать, что данный тезис не совсем беспочвенный. Взаимодействие в рамках ШОС действительно обеспечивает РФ и КНР бесконфликтную конкуренцию между собой в Центральной Азии и, более того, российско-китайский тандем в союзе с центральноазиатскими республиками скрыто направлен против расширения присутствия США и в целом западных стран в регионе.

В-третьих, опасения западных стран, в частности США, непосредственно связаны с некоторыми заявлениями участников ШОС в отношении стран Запада. Так, к примеру, вопреки мнению о том, что по отдельности каждый из членов ШОС не желает вступать в конфронтацию с Западом (с США), коллективно все участники часто выражают недовольство политикой западных держав в Центрально-азиатском регионе. Ярким примером этому является декларация стран — участников ШОС Астанинского саммита от 2005 г. [3]. Тогда государствами-членами впервые был поднят вопрос о необходимости определения сроков пребывания американских военных баз на территории центральноазиатских республик.

Помимо этого, с момента своего создания члены ШОС четко декларируют неприятие однополярного мироустройства, что, естественно, задевает стремление США к глобальному лидерству. Также среди аналитического сообщества стран ШОС распространено мнение о том, что «ШОС не собирается противостоять США глобально или регионально, но и не хочет иметь с Вашингтоном никаких связей, то есть действовать не против Америки, но без нее» [4].

В-четвертых, особую обеспокоенность у западных стран вызывают проводимые членами организации постоянные совместные военные учения. Так, к примеру, прошедшие в сентябре 2010 г. антитеррористические учения стран ШОС «Мирная миссия — 2010» в ряде ведущих западных СМИ освещались достаточно негативно. В британской газете Daily Telegraph была опубликована статья, в которой ШОС приравнивали к Варшавскому договору. New York Times, комментируя учения, отмечает стремление Китая и России установить контроль над сырьевыми ресурсами ЦАР при помощи взаимодействия в рамках ШОС. Suddeutsche Zeitung оценила учения как намерение создать центр влияния, независимый от Запада. С аналогичными оценками выступила французская Le Figaro и японская Yomiuri.

Не менее болезненно на Западе воспринимаются планы некоторых членов ШОС по активизации роли организации в урегулировании военно-политической ситуации в Афганистане.

Таким образом, приведенные данные позволяют странам Запада предполагать, что ШОС в перспективе может превратиться в реальный союз, который объединит под своей эгидой крупные азиатские державы (Китай, Россию, Иран, Индию и Пакистан), представляющие определенную угрозу Западу. Однако, на наш взгляд, эти предположения по меньшей мере преждевременны, так как превращению ШОС в военно-политический союз препятствуют собственно организационные проблемы действующих государств-членов, а также проблемы вхождения в нее новых участников. В частности, в деятельности ШОС име-

ются скрытые противоречия, которые препятствуют превращению организации в реальный фактор обеспечения безопасности в регионе. К примеру, заслуживают внимания следующие моменты:

✓ Члены ШОС на данном этапе преследуют односторонние цели, руководствуясь при этом сугубо национальными интересами в ущерб коллективным целям. Так, Россия рассматривает организацию как одну из возможностей утвердить свои претензии на роль глобального или, по крайней мере, регионального лидера. Для Китая ШОС — это инструмент, обеспечивающий бесконфликтное проникновение в регион ЦА, не вызывая особо негативной реакции как со стороны стран региона, так и России. А для центральноазиатских членов ШОС это механизм, при помощи которого они стремятся сбалансировать силы РФ и КНР в регионе. Более того, участие государств ЦАР в ШОС обусловливается нежеланием остаться в стороне от тенденции интеграции в региональные и мировые структуры безопасности.

✓ Среди членов организации нет единства в вопросе выбора приоритетного направления развития. Одновременно с кажущимся сближением позиций России и Китая между ними возникает скрытое соперничество за сферы влияния в регионе. На современном этапе различное видение перспектив развития ШОС у Москвы и Пекина уже отрицательно сказывается на принятии согласованных политических решений в рамках организации. В частности, занимающие разные позиции руководства Китая и России уже начали принимать конкретные шаги для утверждения своего варианта. Например, Китай увеличивает экономическое проникновение в страны региона преимущественно на двусторонней основе, не в рамках ШОС. Россия, в свою очередь, также принимает активные шаги по сохранению собственной роли в регионе. В этом плане создание Таможенного союза — практический шаг к активизации сотрудничества в сфере обеспечения безопасности в ущерб экономическим взаимоотношениям в рамках ШОС. Безусловно, это будет сдерживать амбиции Китая в плане экономического доминирования в странах Центральной Азии.

✓ Доводы об антизападном характере ШОС особо необоснованными выглядят на фоне благополучно развивающихся двусторонних отношений государств региона со странами Запада. Сами центральноазиатские страны не желают портить отношения с западными державами, более того, некоторые республики ЦА рассматривают присутствие военных баз НАТО на территории стран региона в качестве поддержки в борьбе с терроризмом, а также как гарантию стабильности существующих политических режимов. В этом контексте следует отметить, что впервые за много лет на саммит глав государств — членов ШОС, прошедший в 2010 г. в Ташкенте, были официально приглашены наблюдатели из США.

✓ Относительно военного потенциала ШОС и проводимых в рамках ее учений, прежде всего, нужно сказать, что сравнение ШОС и НАТО, по нашему мнению, некорректно. В своей статье «У ШОС нет возможностей превратиться в военный союз» генеральный секретарь Исследовательского центра ШОС КАОН Сунь Чжуанчжи отмечает, что «военно-политическая составляющая для ШОС не является доминирующей, более того, учения стран — участников ШОС часто

проводятся во взаимодействии со многими странами и организациями мира, в том числе и НАТО, и носят всегда антитеррористический контекст» [5]. Что касается роли ШОС в урегулировании афганской проблемы, то члены организации выступают за активное участие в данном процессе в кооперации с США и НАТО. В частности, среди членов ШОС существует мнение о необходимости создания механизма для диалога с НАТО и США в целях ведения совместной борьбы с региональными террористическими силами, а также обеспечения региональной безопасности совместными усилиями. При этом в качестве первоочередной задачи указываются меры по недопущению потенциального структурного конфликта между ШОС, США и НАТО в геополитической и военной сфере.

Следовательно, приведенные данные позволяют констатировать, что мнение о превращении ШОС в военно-политическую организацию, противостоящую Западу, по меньшей мере не уместно. А также, по-видимому, сложность восприятия в мире появления новой действенной структуры и вызвало обвинения со стороны внешних наблюдателей в антиамериканской направленности организации. Как отметил по этому поводу российский эксперт А.В. Лукин: «...попытки превратить организацию в антизападный или антиамериканский блок обречены на провал, поскольку это противоречит коренным интересам государств-участников, заинтересованных в сотрудничестве с Западом по многим направлениям. Однако, действуя в интересах, прежде всего, участников объединения, ШОС периодически сталкивается с непониманием и даже враждебностью тех, кто видит мир однополярным, а свои интересы выдает за всеобщие» [6].

Однако, несмотря на необоснованность мнения о появлении реальной угрозы западным интересам в Азии в лице ШОС как антиНАТО, американские аналитики предлагают свои варианты недопущения подобного сценария. Так, к примеру, одной из наиболее значимых политических инициатив США, противопоставляющих расширение и укрепление ШОС, являются стратегические планы американцев по созданию проекта «Большой Центральной Азии» (ПБЦА).

В целом в оценках стран Запада ШОС продолжает оставаться достаточно неизученной организацией, от которой исходят потенциальные вызовы интересам западных держав на Евразийском континенте.

Проблемы и перспективы взаимодействия ШОС и стран Запада

На сегодняшний день можно говорить о том, что присутствующие в регионе Центральной Азии международные организации, представляющие Запад и Восток, находятся пока в латентной стадии противоборства. Если западные страны обеспокоены объединением России и Китая в единую структуру, то государства — члены ШОС (в первую очередь КНР) встревожены наличием антитеррористической кампании, которую США ведут в непосредственной близости от Центральной Азии. Учитывая тот факт, что в последнее время члены ШОС выражают намерение активнее участвовать в мирном урегулировании ситуации в Афганистане, встает вопрос о взаимодействии Шанхайской организации с НАТО. На сегодняшний день между этими межгосударственными структурами безопаснос-

ти не только отсутствует конструктивный диалог и механизмы для этого, но и нет политической воли к кооперации и координации совместных усилий.

Как нам представляется, объективные причины появления проблем взаимодействия ШОС и западных стран лежат на специфике двусторонних отношений отдельных членов ШОС с США и другими странами Запада. В частности, в данном случае речь идет об американо-китайских и американо-российских отношениях, которые могут оказаться определяющими с точки зрения формирования новой конфигурации сил в мире.

Отношения США и КНР в настоящее время можно оценить как неопределенные. Практически сразу после первого визита президента США Б. Обамы в КНР в конце 2009 г. наблюдается тенденция к ухудшению отношений между США и Китаем. Об этом свидетельствует цепь событий, которые имели существенное влияние на китайско-американские отношения. Например, решение Конгресса США о продаже Тайваню оружия на сумму 6,4 млрд долл. США; встреча Б. Обамы с Далай-ламой в Белом доме; инцидент с Google; сближение позиций США и Индии и т.д. К этому списку можно добавить непрекращающиеся споры двух стран по поводу курса национальной валюты КНР — юаня. Данная тема стала основным предметом для обсуждения на саммите «Большой двадцатки», прошедшем в ноябре 2010 г. в Южной Корее. Отметим, что Вашингтон уже несколько лет добивается от Пекина повышения курса юаня, который, по мнению американских экономистов, занижен примерно на 40%.

Кроме того, ряд китайских политологов* достаточно негативно воспринимают американский проект «о воссоздании Большой Центральной Азии», справедливо полагая, что он направлен на сдерживание роста влияния Китая в данном регионе [7]. Как видно, во взаимоотношениях США и Китая спорных моментов достаточно много, однако одной из основных проблем китайско-американских отношений является идеологическая несовместимость. Коммунистический Китай воспринимается в США как антидемократическое государство и, более того, в возрастающей экономике Китая американские политики видят сильного конкурента своей мировой гегемонии. Именно опасения Вашингтона по поводу чрезмерного роста Китая заставляют администрацию США всячески препятствовать и сдерживать присутствие КНР в Центральной Азии и в других регионах.

В итоге, по-видимому, сложные двусторонние отношения между Пекином и Вашингтоном оказывают свое негативное влияние на отношения Шанхайского форума с западными странами.

Отношения США и России также складываются неоднозначно. Несмотря на то, что официальные власти Москвы и Вашингтона объявили перезагрузку двусторонних отношений, видимого прогресса не наблюдается. В глазах друг друга эти две державы все еще расцениваются как соперники. Пережитки «холодной войны» еще остаются в мыслях политиков двух стран, в связи с чем в ближайшее время кардинальных изменений можно не ожидать. В то же время нужно отметить, что обострение отношений между Россией и Соединенными Штатами не-

* Официальное руководство КНР также крайне негативно воспринимает проект БЦА.

выгодно странам Центральной Азии. Как показала практика, в случае ухудшения отношений между РФ и США страны региона станут перед выбором изменения внешнеполитического курса. Подтверждение этому — российско-грузинский конфликт и признание Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии.

Сами американцы, по всей видимости, также не желают конфронтации с Россией и ухудшения отношений с центральноазиатскими странами. По итогам прошедшего 11—12 ноября 2010 г. в Лиссабоне саммита НАТО можно судить о том, что США продолжают продвигать идею расширения Североатлантического альянса на восток. Однако, в соответствии с новой стратегией НАТО, государства — члены альянса если не считаются с мнением России, то хотя бы учитывают ее интересы.

Как представляется, основные проблемы взаимодействия ШОС и западных стран сводятся к специфике отношений между Китаем и Россией, с одной стороны, и Соединенными штатами и странами Запада — с другой. При этом необходимо подчеркнуть, что *негативное восприятие ШОС на Западе в первую очередь связано с участием и амбициями Китая в данной организации*. В этой связи именно особенность китайско-американских отношений предопределяет состояние взаимодействия между основными структурами обеспечения безопасности в Центральной Азии — ШОС и НАТО.

Следует также учитывать тот факт, что Россия и Китай со своей стороны тоже принимают действия по сдерживанию продвижения влияния США и НАТО в регионе ЦА. Отрицательная позиция этих двух региональных лидеров наблюдается по поводу Программы сотрудничества центральноазиатских республик и НАТО — «Партнерство во имя мира».

Таким образом, рассматривая перспективы взаимодействия ШОС и стран Запада, прежде всего, было бы целесообразно оговориться — у ШОС и НАТО на сегодня нет каких-либо утвержденных механизмов сотрудничества, договоренностей и нормативно-правовой базы для взаимодействия. В этой связи встает вопрос о том, каким образом международные структуры, имеющие полярные стратегические интересы и различные потенциальные возможности, будут взаимодействовать в регионе? А потребность в эффективных механизмах, обеспечивающих взаимодействие разных многосторонних структур, безусловно, существует. В этом плане целесообразно было бы инициировать создание новой архитектуры региональной безопасности в Центральной Азии, тем более что сегодня у НАТО и ШОС имеется много совпадающих интересов в регионе, а, кроме того, сейчас можно наблюдать определенную эволюцию восприятия ШОС на Западе и НАТО в Центральноазиатском регионе.

Так, альянс крайне заинтересован в сотрудничестве со странами ШОС в вопросе создания новых коридоров для снабжения афганской операции. Еще одной сферой для совместного приложения усилий могла бы стать проблема контроля наркотрафика из Афганистана. Более того, одним из практических шагов к улучшению отношений между ШОС и Западом могло бы быть непосредственное участие в ШОС представителей западного мира. Так, к примеру, все чаще в западной прессе упоминается идея участия США в ШОС в качестве наблюдателя или

партнера по диалогу. Подобное мнение находит поддержку и у официального Белого дома. В заявлении помощника государственного секретаря США по делам Южной и Средней Азии Роберта Блейка говорится, что «Вашингтон в данный момент не стремится к членству в ШОС, однако также не исключается такая возможность в будущем» [8].

Со своей стороны Казахстан заявляет, что расширение конструктивного взаимодействия с НАТО является важным направлением внешнеполитического курса республики. Казахстан нацелен на дальнейшее развитие евро-атлантического партнерства и программы «Партнерство во имя мира» как основы для политического диалога и практического сотрудничества.

В целом, подытоживая, можно сказать, что на современном этапе Шанхайская организация сотрудничества вызывает большой интерес международного сообщества. Ведущие геополитические центры пристально наблюдают за деятельностью организации. Их интерес обусловливается как недостатком информации о Шанхайском форуме, так и определенными опасениями по поводу ее трансформации в военно-политический союз. Ввиду наличия определенных объективных и/или субъективных препятствий, взаимодействие ШОС и стран Запада складывается недостаточно эффективно, как того требуют реалии сегодняшнего дня.

В этом плане нужно сказать, что Центральноазиатский регион стал своеобразной точкой, где интересы ведущих государств мира резко поляризуются. В этой ситуации очевидно, что появляется реальная потребность в налаживании конструктивного диалога между представителями разных структур, без которого локальные противоречия могут перерасти в открытое противостояние. Также становится ясно, что национальная безопасность Казахстана и других центральноазиатских республик напрямую зависит от уровня сотрудничества с международными структурами и характера взаимоотношений данных структур между собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стивен Арис. Шанхайская организация сотрудничества: по материалам британских и американских исследователей. 06.07.2007 // <http://www.infoshos.ru>.
2. Уверенная поступь Востока вызывает дрожь у Запада. 18.08.2007 // <http://www.fergananews.com>.
3. Астанинская декларация глав государств ШОС. 06.07.2005 // <http://www.centrasia.ru>.
4. Сафранчук И.А. Конкуренция за безопасность Центральной Азии // Россия в глобальной политике. — 2007. — №6.
5. Сунь Чжуанчжи. Шанхэ цаучжи мэю цэнвей цюньши лянмэн да кэнсин (Сунь Чжуанчжи: У ШОС нет возможностей превратиться в военный союз). 24.11.2010 // <http://news.163.com>.
6. Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? // Россия в глобальной политике. — 2007, май — июнь. — №3. — С. 47.
7. Пан Гуан. Мейгуо Чжунья чжанца да тяочжан хэ Сытаэр да «Да Чжунья цзихуа» (Пан Гуан. Корректировки центральноазиатской политики США и проект «Большой Центральной Азии» Стара) // Шанхайская академия социальных наук // <http://www.coscos.org.cn>.
8. Роберт Блейк. США не стремятся к членству в ШОС // <http://www.newsland.ru>.

Особенности формирования региональной системы безопасности на Каспии

ТИМОФЕЕНКО Л.А.

События в Северной Африке и на Ближнем Востоке наглядно показали, насколько в современном мире актуализировались вопросы обеспечения международной и региональной безопасности. Действующие международные институты, главной задачей которых является гарантирование военно-политической стабильности и безопасности, все чаще сталкиваются с проблемой уменьшения влияния на процесс урегулирования возникающих конфликтов, что сказывается не только на авторитете данных международных структур, но и эффективности их работы. В настоящее время конфликтным потенциалом обладают практически все ключевые регионы планеты и в этом отношении территория Каспийского бассейна не является исключением.

В условиях неурегулированности правового статуса Каспийского моря, сохраняющихся противоречий между государствами на Южном Кавказе, а также возрастающей напряженности вокруг ядерной программы Ирана, прикаспийские государства заинтересованы в том, чтобы не допустить ухудшения взаимоотношений в сфере военно-технического взаимодействия на Каспии. Сознательно необходимость поддержания конструктивного диалога в вопросах обеспечения безопасности, страны региона, к числу которых относится и Казахстан, активизировали обсуждение возможности координации усилий в данной области, что нашло свое отражение в договоренностях, заключенных на III Саммите глав прикаспийских государств.

На современном этапе ситуация в Каспийском регионе характеризуется наличием целого комплекса проблем, так или иначе отражающихся на подходах прибрежных государств к обеспечению своей национальной безопасности. Страны «каспийской пятерки» сталкиваются с необходимостью выстраивать свои взаимоотношения друг с другом, а также с заинтересованными в ресурсах Каспийского моря внерегиональными игроками, принимая во внимание следующие вызовы и угрозы стабильности на территории Каспийского бассейна:

- *наличие спорных нефтегазовых месторождений.* Ввиду отсутствия согласованного документа, обуславливающего международно-правовой статус водоема и, следовательно, юридически оформляющего границы национальных донных секторов, сохраняется определенная вероятность разрешения настоящего вопроса силовыми методами. На Каспии уже имел место прецедент демонстрации

силы со стороны ВМС Ирана, которые в 2001 г., угрожая применить оружие, вынудили азербайджанские научно-исследовательские суда прекратить работы по изучению запасов шельфовой нефти месторождений «Араз-Алов-Шарг» и потребовали покинуть «иранские территориальные воды» [1]. Нужно отметить, что повторение подобного сценария может произойти по инициативе лишь тех прикаспийских государств, которые к настоящему времени не урегулировали свои разногласия с соседями в отношении принадлежности спорных месторождений. Таким образом, потенциальный конфликт может развернуться между странами южной части Каспийского моря, которые все еще не разрешили своих территориальных притязаний друг к другу;

- *расширение сферы активности экстремистских и террористических групп.* На современном этапе терроризм может быть использован в качестве нового инструмента каспийской геополитики [2]. Проходящие через Каспийский регион магистрали по транспортировке энергетического сырья, а также морские нефтегазодобывающие платформы являются потенциальной мишенью для террористических атак. Наглядным примером может являться произошедший в августе 2008 г. взрыв на нефтепроводе «Баку — Тбилиси — Джейхан», ответственность за который, по данным турецких СМИ, взяла на себя курдская террористическая организация. В результате возникших неполадок на несколько дней были прекращены поставки углеводородного сырья европейским потребителям. Таким образом, малейшие перебои в поставках каспийских углеводородов на мировые рынки не только вызовут незамедлительную реакцию на крупнейших нефтегазовых биржах, но и спровоцируют ряд других негативных последствий, к числу которых следует отнести дестабилизацию внутривосточной обстановки прикаспийских государств, резкое снижение инвестиционной привлекательности региона, экономические потери со стороны поставщиков и транзитеров углеводородных ресурсов.

В настоящее время территория Северного Кавказа, а также Нагорный Карабах продолжают рассматриваться международными радикальными центрами, а также локальными националистическими группировками в качестве плацдарма для утверждения своего политического влияния. Данное обстоятельство объясняет тот факт, что в выработке эффективных мер по противодействию распространения терроризма в большей степени заинтересована Россия, для которой Кавказ так же, как и Каспий, является зоной традиционных интересов. Несмотря на то, что РФ на собственном опыте и раньше остальных прибрежных государств ощутила угрозу национальной безопасности, исходящую от радикально настроенных исламистских террористических организаций и формирований, объединение усилий в борьбе с терроризмом и экстремизмом отвечает интересам всех прикаспийских стран;

- *увеличение масштабов деятельности организованных преступных группировок.* В настоящее время государства «каспийской пятерки» нуждаются в формировании условий для надежной защиты и охраны национальных границ в связи с повышением уровня нелегальной миграции, незаконного оборота наркотиков и торговли оружием. При этом основную угрозу экономическим интересам го-

сударств акватории Каспийского моря представляет браконьерство рыбы осетровых видов*. Незаконный промысел на Каспии осуществляется с применением средств спутниковой связи и позиционирования, что затрудняет поимку браконьеров пограничными службами [3]. За последние годы участились случаи оказания вооруженного сопротивления представителям правоохранительных органов со стороны браконьеров, которые нередко сами выступают в роли нападающих как на сотрудников береговой охраны**, так и на мирных рыбаков с последующим отъемом у них улова и имущества. Подобные действия фактически могут быть классифицированы как пиратство. Наглядным доказательством появления нового вызова региональной безопасности является инцидент с иранским сухогрузом «Саман», который был атакован злоумышленниками с целью захвата***. Для повышения эффективности борьбы с криминальными образованиями не только во время весеннего нереста рыб, государства региона объявили о готовности поднять взаимодействие между пограничными службами на новый уровень, о чем было официально заявлено на III Саммите глав прикаспийских государств. Подобная инициатива свидетельствует о возможности создания комплексного плана действий уполномоченных и правоохранительных органов прибрежных стран по обеспечению пограничной безопасности в Каспийском регионе;

- *вовлеченность внерегиональных держав в процесс формирования системы безопасности.* Стремление гарантировать сохранность финансовых вложений в нефтегазодобывающую промышленность прикаспийских государств, а также обезопасить доставку углеводородного сырья по трубопроводным маршрутам обуславливает попытки западных держав, и в особенности США, обеспечить свое непосредственное военно-политическое присутствие в регионе. Намереваясь устранить потенциальную угрозу диверсионных и террористических актов на объектах каспийской инфраструктуры энергоэкспорта, Соединенные Штаты сфокусировали свое внимание на оказании военно-технической и материальной поддержки Азербайджану и Казахстану****. Подобные действия, что вполне ожидаемо, вызвали негативную реакцию России, военные эксперты которой склонны считать появление американских военных на Каспии внешнеполитическим фиаско РФ [4].

Солидарность с Россией в данном вопросе проявляет и Иран, который не без оснований полагает, что предоставляемая США военная помощь прикаспийским странам имеет своей целью оказание военного давления на ИРИ. Несмотря на то, что на состоявшемся в 2007 г. в Тегеране II Саммите глав при-

* По данным прокуратуры Атырауской области, в 2010 г. правоохранительными органами было зарегистрировано 252 преступления, которые связаны с незаконным оборотом рыбы и рыбной продукции. Из незаконного оборота изъято свыше 112 тонн рыбы и рыбной продукции, из них свыше 5-ти тонн — рыбы осетровых пород и 190 килограммы икры рыб осетровых пород.

** Согласно данным пограничного управления ФСБ РФ по Калмыкии и Астраханской области, только в 2007—2008 гг. в регионе было совершено семь нападений на пограничные катера.

*** В июле 2010 г. находящийся вблизи берегов Дагестана иранский сухогруз «Саман» послал в спасательно-координационный центр Астрахани сообщение о вооруженном нападении на судно. Прибывшие по вызову сотрудники пограничной службы Дагестана смогли отбить нападение «пиратов».

**** Первые американо-азербайджанские военно-морские учения по охране платформ нефте- и газодобычи состоялись в Баку в августе 2003 г. Осенью того же года Вашингтон объявил о намерении реализовать в Прикаспии программу «Каспийский страж», предполагающую налаживание патрулирования и охраны границ прибрежных государств. В рамках данной программы Вашингтон выделил Баку и Астане около 130 млн долл. США.

каспийских государств была принята Итоговая декларация, закрепляющая неприменение военной силы во взаимных отношениях, а также отсутствие в регионе вооруженных сил третьих стран, не имеющих выхода в Каспийское море, Иран и Россия продолжают расценивать деятельность США в регионе как угрозу своим стратегическим интересам. В качестве основной несущей конструкции региональной системы безопасности РФ предпочитает рассматривать собственные ВМС. В частности, Россия выдвинула инициативу создания на Каспии объединенной военно-морской оперативной группы «Касфор», куда планировалось включить на добровольных началах войска и морские части каспийских государств;

- *ускорение темпов милитаризации.* Вплоть до 2002 г. страны региона не предпринимали активных действий по увеличению своего военного потенциала на Каспии, однако ситуация кардинально изменилась после провала I Саммита глав прикаспийских государств в Ашхабаде. С этого момента прибрежные страны стремятся использовать свой флот в качестве дополнительного аргумента в защиту своих национальных интересов в Прикаспии.

Столь актуальные проблемы обеспечения безопасности подталкивают прикаспийские государства к налаживанию конструктивного диалога с целью поиска взаимоприемлемого решения. Проведенный в ноябре прошлого года III Саммит глав прикаспийских государств продемонстрировал готовность прибрежных стран приступить к разработке действенного механизма гарантирования стабильности и безопасности в регионе. Подписанное на саммите соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море фактически является правовой основой для создания нового формата взаимодействия по противодействию современным региональным вызовам и угрозам. До принятия данного документа вопросы безопасности на Каспии регламентировались отдельными положениями итоговой декларации II Саммита глав прикаспийских государств, которая не является юридически обязывающим документом. Однако после того, как соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности пройдет стадию ратификации в национальных парламентах, прикаспийские страны получат действенный инструмент регулирования процессов обеспечения безопасности.

Следует также отметить, что для повышения эффективности данного соглашения необходимо дополнить его соответствующими протоколами, которые бы содержали четкие практические установки и рекомендации по организации совместной деятельности правоохранительных органов стран «каспийской пятёрки» в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и браконьерством. На прошедшей в апреле текущего года 28-й встрече Специальной рабочей группы по определению статуса Каспийского моря Казахстан уже представил на обсуждение проекты протоколов по линии пограничных служб и органов внутренних дел. Исходя из этого, следует ускорить разработку обозначенных дополнений к соглашению.

Помимо прочего, необходимо завершить процесс ратификации документа. К настоящему моменту лишь Азербайджан и Туркменистан успешно завершили этот процесс, утвердив необходимые законопроекты. В подобной ситуации не ра-

тифицировавшие договор страны могут попытаться отсрочить момент его вступления в силу, чтобы извлечь из этого определенные геополитические дивиденды. Подобный вариант развития событий в большей степени применим к Ирану, который, несмотря на официальные заявления высших должностных лиц о намерении разрешать любые противоречия на Каспии путем консенсуса, негласно сохраняет за собой право на «активное предупреждение» возможных конфликтов^{*}. Декларируя готовность сотрудничать по важным региональным темам, Тегеран нередко дистанцируется от заключенных договоренностей, ставя национальные интересы выше уже достигнутых договоренностей.

Данная особенность ведения переговоров со стороны ИРИ вынуждает прикаспийские государства изыскивать средства для того, чтобы гарантировать благосклонность иранского руководства. Так, к примеру, в апреле текущего года Азербайджан отложил на неопределенный срок проведение на своей территории совместных с США военных учений «Региональный ответ — 2011». Подобные действия Баку могут быть интерпретированы как своего рода попытки сгладить имеющиеся противоречия с Тегераном, чтобы получить возможность согласовать вопросы организации 28-го заседания Специальной рабочей группы (СРГ) по разработке конвенции о правовом статусе Каспийского моря [5].

Одновременно с этим в среднесрочной перспективе Азербайджан не намерен отказываться от взаимодействия с США по линии военно-технического сотрудничества. Официальный Баку рассчитывает и в дальнейшем принимать участие в программах Вашингтона по реформированию национальных силовых структур прикаспийских государств^{**}, при этом немаловажное значение для азербайджанских властей имеет продвижение к оперативной совместности с НАТО.

Не снижающийся уровень интенсивности американо-азербайджанских взаимоотношений продолжает вызывать определенные опасения у Тегерана. Несмотря на подписание в мае прошлого года Соглашения об обеспечении безопасности с Азербайджаном, а также закрепление в Военной доктрине АР от 8 июня 2010 г. положения о запрете на размещение зарубежных военных баз на территории республики, Иран не исключает вероятности проникновения в регион военных подразделений США и их союзников, тем более что Баку сохраняет за собой право допустить временное иностранное военное присутствие, если того потребуют национальные интересы [6]. Исходя из этого, Тегеран целенаправленно наращивает свой военный контингент на Каспийском море. Вплоть до 2010 г. второй по величине группировкой войск в каспийской акватории считались азербайджанские ВМС, однако на сегодняшний момент крупнейшим флотом на Каспии после РФ обладает именно ИРИ.

Нужно отметить, что ускоряющаяся милитаризация является неотъемлемым фактором современной геополитической ситуации в регионе. Существующие раз-

* По словам министра обороны Ирана А. Вахиди, в производстве оборонных технологий военная доктрина ИРИ основывается на «новой и активной обороне», из чего следует, что оборонная мощь страны является фактором прочного мира и стабильности в регионе.

** США осуществляет в Каспийском регионе следующий комплекс программ: «Предоставление финансовой помощи на военные нужды иностранным государствам» (FMF), «Подготовка и обучение иностранного военного персонала» (IMET), «Передача излишков товаров военного назначения зарубежным странам» (EDA), «Совместное снижение угрозы» (CTR), «Экспортный контроль и безопасность границ» (ECBS).

личия в подходах прикаспийских государств к вопросу о военной деятельности в Прикаспии, а также отсутствие единого документа, регулирующего соответствующие аспекты безопасности, позволяют государствам «каспийской пятерки» по собственному усмотрению определять размеры, состав и назначение ВМС. К настоящему времени силовыми ведомствами каждой из прибрежных стран были разработаны и утверждены программы развития военно-морских сил на долгосрочную перспективу. И хотя поставленные в программах задачи отличаются друг от друга, конечным результатом является достижение оптимального, с точки зрения конкретного государства, соотношения военных сил на Каспии. Таким образом, необходимо выделить следующие ключевые моменты военно-морских стратегий прикаспийских государств:

- для российского руководства первостепенной задачей является вывод из состава Каспийской флотилии морально и физически устаревших судов советской постройки. Помимо этого, планируется усиление российской группировки на Каспийском море новыми береговыми ракетными частями и авиационными группами за счет командования «Юг» [7]. Расширив протяженность причалов в Махачкале, РФ получит возможность завершить реформирование флотилии, которая, помимо основной базы в Астрахани, будет также дислоцироваться и в морском порту Дагестана. Устранив необходимость осуществлять 180-километровый переход по Волго-Каспийскому судоходному каналу для проведения военно-морских маневров, РФ сможет сбалансировать распределение своего корабельного состава на Каспии, а также укрепить свое военное присутствие в регионе;

- хотя власти ИРИ не расценивают Каспийский регион в качестве первостепенного театра военных действий, тем не менее, в силу озвученных выше причин, Тегеран намерен планомерно обновлять и пополнять арсенал своих силовых структур* на Каспии новейшим вооружением собственного производства**. При этом немаловажным моментом для Ирана является сохранение возможности оперативно перебросить часть воинского контингента, расположенного в районе Персидского залива, к северным границам;

- Азербайджан намерен развивать стратегическую линию военного сотрудничества с западными партнерами, а также с Турцией и Израилем. Ослабление позиций азербайджанского военно-морского флота на фоне усиления российских и иранских ВМС подтолкнуло Баку к принятию решения о сооружении судостроительного завода, в том числе для сборки военных кораблей***. В случае запуска данного промышленного объекта у АР появится возможность сократить отставание в развитии морского флота от подразделений береговой охраны, качественно и количественно обновив ВМС;

- приоритетным для казахстанских военно-морских сил является завершение процесса комплектации морского флота боевыми кораблями, при этом речь идет не только о получении судов в рамках программ военно-технического сотрудничества и приобретении зарубежной боевой техники за счет средств республиканского бюджета, но и производстве отечественных военных судов. В случае успешного спуска на воду первого военного корабля, построенного на казахстанской судовой верфи*, РК станет третьим государством на Каспии, способным самостоятельно производить корабли для ВМС;

- планируемое увеличение численности казахстанского флота потребует расширения портовой и припортовой инфраструктуры, что актуализирует вопрос о переносе главной военно-морской базы из Актау в Курык;

- официальный Ашхабад ставит перед собой задачу завершить подготовительный этап создания морского флота, а именно подготовить к 2015 г. квалифицированный кадровый состав, а также приобрести современную военную технику. При этом Туркменистан готов сотрудничать как со своими соседями по Каспийскому региону, а именно с Ираном и Россией, которые ранее уже оказывали военно-техническую поддержку стране, так и с государствами — членами НАТО**.

Таким образом, можно отметить, что государства региона заинтересованы в том, чтобы в состав национальных ВМС входили корабли отечественного производства. Данное обстоятельство в совокупности с планами по увеличению мощности военно-морских сил наглядно демонстрирует потребность в определении механизмов взаимодействия ВМС прикаспийских стран. Однако, как уже отмечалось, обсуждение данного аспекта каспийской проблематики не привело к формированию единого мнения среди стран «каспийской пятерки». Выдвинутые Казахстаном и Ираном инициативы относительно содержания документа, с помощью которого станет возможно заложить прочный фундамент стабильности в Каспийском регионе, частично нашли свою реализацию в соглашении по безопасности на Каспийском море***. Однако вопрос об установлении пределов вооружения и определении полномочий флотов на Каспийском море остается неразрешенным.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что полноценная система региональной безопасности в Каспийском регионе в настоящий момент находится на стадии своего формирования. Прикаспийские государства лишь относительно недавно приступили к переговорному процессу по настоящей проблеме в пятистороннем формате. Вследствие того, что в ближайшей перспективе потенциальные вызовы и угрозы в регионе будут только увеличиваться и при этом динамика их распространения будет трудно предсказуемой [8], странам «каспийской пятерки» необходимо воспользоваться периодом относительного контроля над

* По заявлению министра обороны Казахстана А. Джаксыбекова, к 2012 г. на вооружение ВМС РК поступит новый ракетно-артиллерийский катер, который будет построен на уральском заводе «Зенит».

** В 2003 г. Иран передал Туркменистану в долгосрочную аренду семь катеров береговой охраны. В 2008 г. у России были закуплены три сторожевых корабля с телеуправляемыми ракетами, а в 2009 г. — два патрульных катера «Соболь». В 2011 г. у Турции планируется закупить два быстроходных патрульных катера общей стоимостью 55 млн евро, а у России — два ракетных катера «Молния» и морской тренажер. Американская помощь Ашхабаду будет осуществляться за счет средств программ зарубежного военного финансирования.

*** В 2005 г. на 19-м заседании Специальной рабочей группы по разработке конвенции о правовом статусе Каспия Казахстаном был предложен проект Пакта стабильности на Каспии. В свою очередь, Иран предложил заключить соглашение о мерах доверия и стабильности.

* Национальные ВМС Ирана на Каспии представлены двумя командованиями различных силовых структур: командованием ВМС Армии (главная база — Энзели) в зоне Каспийского моря и командованием ВМС КСИР (главная база — Ноушехр) в зоне Каспийского моря. Всего на вооружении ВМС армии и КСИР Ирана на Каспии находятся до 90 катеров и вспомогательных судов.

** В апреле текущего года заместитель командующего иранских ВМС Г. Хадима объявил о пополнении военно-морских сил, находящихся в Каспийском море, минным тральщиком «Вилайет», который представляет усовершенствованную модель корабля «Джамаран», способного вести борьбу против подводных, надводных и воздушных целей.

*** В начале текущего года стало известно, что партнером Баку по проекту создания в Азербайджане судовой верфи выступит турецкая компания Ares Shipyard.

происходящими в Прикаспии процессами для того, чтобы совместными усилиями выработать механизмы регулирования в области безопасности.

Хотя в настоящее время маловероятным представляется резкое изменение баланса военной безопасности, тем не менее государства региона продолжают целенаправленно увеличивать свои военно-морские силы на Каспии. Растущие мощности национальных ВМС на Каспийском море прибрежные страны намерены использовать как для защиты государственных границ, так и в качестве средства геополитического давления, которое при различных обстоятельствах может быть направлено на соседей по региону и для демонстрации своей силы — внерегиональным державам. Несмотря на то, что наращивание ВМС прикаспийскими государствами не приняло форму открытой гонки вооружения, дальнейшее развитие обозначенной тенденции может существенно снизить уровень доверия между странами региона, так как создается впечатление недосказанности в отношении истинных причин милитаризации региона.

Исходя из этого, прибрежным государствам необходимо сконцентрировать усилия на разработке практических рекомендаций соответствующим силовым структурам для оперативного и эффективного реагирования на кризисные ситуации военного, экологического и техногенного характера, а также для упорядочивания военной активности на Каспийском море.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеев А. Спорные месторождения Каспия могут спровоцировать боевые действия // <http://analitika.at.ua>. — 2009, 8 мая.
2. Ланда К., Алимбеков С. Современный терроризм в Каспийском регионе // Северный Кавказ в современной геополитике России. — Махачкала, 2009. — С. 340—343.
3. Сила — не единственное оружие в вопросах безопасности / Интервью руководителя Департамента береговой охраны Пограничной службы ФСБ РФ В.Т. Труфанова // <http://fishnews.ru>.
4. Ханбабаев К., Мамраев Р. Геополитические процессы вокруг Каспия // Северный Кавказ в современной геополитике России. — Махачкала, 2009. — С. 351.
5. Оценка ситуации в регионе Каспийского моря и прикаспийских государствах в апреле 2011 г. // <http://www.casfactor.com>.
6. Текст военной доктрины Азербайджана // <http://www.aze.az>.
7. Крецул Р. Усиление группировки необходимо // Деловая газета «Взгляд». — 2011, 4 мая.
8. Каспийская повестка накануне III Саммита прикаспийских государств. — М.: Институт каспийского сотрудничества, 2010. — С. 19—20.

Сотрудничество Казахстана и стран Ближнего Востока

НУРСУЛТАНОВА Л.Н.

Государства Ближнего Востока остаются по-прежнему одними из привлекательных как с точки зрения экономики, так и в отношении формирования ими новой геополитической стратегии развития современного мира. Сегодня в развитии ближневосточных стран наблюдается усиление внутренних противоречий в общественно-политической жизни.

На экономическое и внутривосточное развитие региона влияют внешние факторы. Китай, Европа, США и, разумеется, соседние с регионом страны не упускают возможности повлиять на внешние и внутренние процессы развития региона.

Еще больший интерес представляет геоэкономический фактор, порождающий колоссальное соперничество вышеперечисленных стран за обладание ресурсами этого региона. Интерес иностранного бизнеса концентрируется в основном на запасах энергоресурсов и другого сырья, а также проложении альтернативных путей их доставки в страну назначения.

Каждое из государств пытается извлечь наибольшую выгоду и стремится создать новые политические и экономические рокировки для осуществления поставленных целей.

Ближневосточное направление внешней политики современного Казахстана способствует усилению целого ряда стратегических направлений отечественной дипломатии, таких, как азиатское, мусульманское, африканское и др. Саудовская Аравия, Египет и Израиль представляют собой крупные и влиятельные силы и занимают особое место в процессах, происходящих в регионе.

Арабский мир, в силу своего политического и экономического потенциала, ключевых позиций, занимаемых странами Ближнего Востока и Северной Африки в мировой политической, экономической и финансовой системе, истории общности культур, традиций и духовного наследия, а также ввиду общего стремления к установлению активного и конструктивного диалога, представляет собой весьма перспективное направление внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Казахстана. Арабские страны играют ведущую роль в таких международных организациях, как «Движение неприсоединения», ОПЕК, ОИК, «Организация африканского единства».

В течение 1992 г. Казахстан посетили официальные делегации из Кувейта, Ливии, Сирии, Израиля, Марокко, Бахрейна, АРЕ, Туниса, комиссия по вопро-

су открытия посольства Саудовской Аравии в Алматы, делегации МИД Египта. Правительственная делегация РК во главе с С.А. Терещенко посетила с официальным визитом Израиль, Султанат Оман. В этот же период были установлены дипломатические отношения с десятью странами Ближнего Востока и шестью странами Африки. В течение второго полугодия 1993 г. республику посетили ряд официальных делегаций региона — Иорданского Хашимитского королевства, Израиля, Султаната Оман, АРЕ [1].

Поступательный характер развития сотрудничества Казахстана с Королевством Саудовская Аравия позволяет в ближайшей перспективе надеяться на уровень стратегического партнерства. Новым принципиальным моментом в отношениях Казахстана и Саудовской Аравии является также то, что взаимодействие, основанное на подписанных соглашениях, перешло в стадию долгосрочного сотрудничества, а регулярные контакты — в сферу компетенции ведомств и организаций, непосредственно осуществляющих взаимодействие.

Основа взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами была заложена в ходе официального визита Президента РК Н.А. Назарбаева в Саудовскую Аравию в 1994 г., а также визита второго заместителя премьер-министра, министра обороны и авиации, генерального инспектора КСА принца Султана бен Абдель Азиза в Казахстан в 2000 г.

Дальнейшему укреплению дружеских отношений между руководителями двух стран способствовал второй официальный визит Президента РК в Саудовскую Аравию, который состоялся в марте 2004 г. по приглашению хранителя двух святынь короля Фахда бен Абдель Азиза. В ходе визита лидером казахстанского государства наследному принцу Абдалле бен Абдель Азизу был вручен орден «Достык» 1-й степени за личный вклад в развитие всесторонних связей между двумя государствами.

Согласно указанию Отдела внутренней политики Аппарата Президента и Кабинета Министров РК и заявки Духовного управления мусульман РК, Казахское управление гражданской авиации (КУГА) в мае — июне 1993 г. выполнило четыре чартерных рейса для доставки и вывоза паломников, осуществлявших религиозный хадж по маршруту Алматы — Джидда. Данные рейсы впервые в истории гражданской авиации РК были выполнены под национальным флагом и названием национальной авиакомпании РК «Қазақстан Эйрлайнз» [2].

В начале января 1994 г. в Казахстане с частным ознакомительным визитом находился принц Мухаммад Бен Бандар из Саудовской Аравии. Он выразил желание инвестировать средства в Казахстан и, прежде всего, в природоохранную сферу. В результате переговоров было подписано соглашение между принцем и Министерством экологии и биоресурсов РК о создании Международного экологического фонда КазСАЭФ с уставным фондом 2 млн долл. США, которые были внесены лично принцем.

14 января 1994 г. принято специальное постановление Кабинета Министров РК о создании указанного фонда, основной целью которого является сохранение и увеличение численности и популяции таких видов птиц, как дрофа-красотка и сокол-балобан в Казахстане.

За счет выделенных средств предусматривалось:

- строительство кордонов на закреплённой за фондом территории и природоохранного сооружения для воспроизводства дрофы-красотки и сокола-балобана в Казахстане;
- содержание и усиление, а также техническое оснащение ведомств инспекции по охране дрофы-красотки и сокола-балобана;
- проведение научно-исследовательской работы.

Необходимо отметить схожесть позиций двух государств по основным международным и региональным проблемам, в частности, ближневосточного урегулирования, поствоенной реабилитации Ирака и Афганистана, борьбы с международным терроризмом и укрепления региональной безопасности. Казахстан и Саудовская Аравия взаимно поддерживали кандидатуры на членство в различных органах ЮНЕСКО во время работы 32-й сессии Генеральной конференции организации в октябре 2003 г.

Эр-Рияд поддержал инициативу Президента РК Н.А. Назарбаева по созыву Первого съезда лидеров мировых и традиционных религий в г. Астане в сентябре 2003 г. Участие в съезде генерального секретаря Всемирной исламской лиги Абдаллы бен Абдель Мухсин ат-Турки и министра юстиции КСА Абдаллы Аль аш-Шейха стало весомой поддержкой исламского мира казахстанскому начинанию.

Достигнутый уровень политического взаимопонимания создает прочную базу для углубления двустороннего сотрудничества в торгово-экономической сфере.

Саудовская Аравия оказывает активную финансовую помощь в застройке г. Астаны — новой столицы Казахстана, предоставила ряд грантов и льготных кредитов на осуществление проектов социально-экономического развития республики. Реализован второй грант на строительство кардиологического центра в Астане, выделенный по решению второго заместителя премьер-министра, министра обороны и авиации КСА принца Султана бен Абдель Азиза. Освоен саудовский грант на строительство здания Сената Парламента РК. В октябре 2004 г. принцем Султаном бен Абдель Азизом выделен дар в размере 2 млн долл. США на возведение центральной мечети в г. Петропавловске.

Поступательно развиваются взаимоотношения РК с КСА в культурно-гуманитарной сфере. Стороны прилагают усилия для дальнейшего развития связей в области образования, охраны окружающей среды и спорта. Сотрудничество между РК и КСА в духовной сфере включает вопросы организации ежегодного хаджа для паломников из Казахстана, а также строительство мечетей в Казахстане при содействии саудовской стороны. Ежегодно паломничество совершают 1 500 — 2 000 казахстанских паломников.

Арабская Республика Египет является одной из ведущих стран региона, и наша республика проявляет определенный интерес двусторонним отношениям. Важнейшим событием в истории казахстанско-египетских отношений стал первый официальный визит Президента РК Н.А. Назарбаева в феврале 1993 г. в АРЕ, определивший характер взаимодействия по всему спектру взаимного сотрудничества.

Арабская Республика Египет участвовала в программах помощи, подготовленных Всемирным банком для ряда республик бывших СССР, в том числе Казахстана. Помощь выражалась в направлении египетских специалистов в различные отрасли. Египет ежегодно направлял не менее десяти специалистов за счет Египетского фонда технического сотрудничества с республиками СНГ и независимыми исламскими республиками.

В апреле 1992 г. в Каире находилась делегация НАН РК в составе народного депутата РК, вице-президента НАН РК, академика Ж.М. Абдильдина, директора Института молекулярной биологии и биохимии НАН РК, доктора биологических наук Н.А. Айтхожиной, директора Института государства и права НАН РК Е.К. Нурпеисова.

Были проведены переговоры с президентом Академии наук и технологий АРЕ, вице-президентом, руководителями научных учреждений о расширении научного сотрудничества, решен ряд конкретных вопросов о проведении совместных научных исследований, обмене информацией, а также о приеме десяти египетских аспирантов в научные учреждения НАН РК в 1993—1994 гг. Посещены учреждения Министерства научных исследований АРЕ — Национальное общество по космическим исследованиям и аэрокосмической съемке, египетский национальный центр компьютерной информации и связи, проработаны вопросы возможного установления научно-деловых связей [3].

В Каире 14 февраля 1993 г. был подписан Договор о сотрудничестве между Казахстаном и Египтом, по условиям которого означенные государства намеревались способствовать укреплению уз дружбы между народами Казахстана и Египта. В этих целях стороны должны были содействовать расширению и углублению отношений в области культуры, информации, науки, техники, туризма, спорта и облегчению доступа к культурному наследию своих народов, архивам, библиотекам и банкам научно-технической информации гражданам другой стороны в соответствии со своим национальным законодательством.

13—16 февраля 1993 г. состоялся официальный государственный визит делегации РК во главе с Президентом Н.А. Назарбаевым в АРЕ. Тогда были подписаны:

- Договор об основах взаимоотношений между РК и АРЕ;
- Торговое соглашение;
- Соглашение по экономическому, научному и техническому сотрудничеству;
- Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций;
- Соглашение об информационном сотрудничестве;
- Протокол о консультациях между МИД РК и МИД АРЕ;
- Протокол о сотрудничестве между Духовным управлением мусульман Казахстана и Министерством по делам религии и вакуфов Египта.

Во время переговоров с премьер-министром АРЕ А. Сидки была достигнута договоренность об открытии в Алматы филиала одного из ведущих банков Египта или создании совместного казахстанско-египетского банка, о подготовке военных кадров РК, строительстве в Алматы Египетского культурного и духовного центра.

С 14 по 17 июня 1993 г. в Алматы с рабочим визитом находилась делегация во главе с министром по делам религии и вакуфов Египта М.А. Магубом. Обсуждались вопросы, связанные со строительством в Алматы исламского культурного центра и мечети «Мубарак». 16 июня состоялась церемония закладки камня этого центра, в которой принял участие Н.А. Назарбаев [4].

Отношения между Казахстаном и Египтом в политической, экономической и культурно-гуманитарной сферах развиваются весьма успешно. Астана и Каир постоянно взаимно координируют свои позиции на международной арене, выражают поддержку внешне- и внутривосточному курсу друг друга. В частности, АРЕ поддержала инициативу РК по созыву СВМДА, Съезда лидеров мировых и традиционных религий, а Казахстан, в свою очередь, поддержал инициативу Каира по созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового поражения, проведению международной конференции по терроризму и др.

Наиболее продвинутым направлением двустороннего сотрудничества являются культурно-гуманитарные связи, что вызвано исторической, духовной и культурной близостью двух народов. Регулярный характер приобрело взаимное участие творческих коллективов в различных культурных мероприятиях на территории двух стран. В ноябре 2001 г. были проведены Дни культуры Казахстана в Египте. По линии Фонда сотрудничества со странами СНГ при МИД АРЕ прошли стажировку свыше 1 000 казахстанских специалистов в области дипломатии, туризма, журналистики, сельского хозяйства, банковского дела, правоохранительных и судебных органов.

Особое место в культурном взаимодействии двух стран занимает тема исторического наследия Султана Захера Бейбарса, прославленного сына казахского народа и выдающегося правителя Египта и Сирии в XIII в.

В двусторонних отношениях серьезное внимание уделяется налаживанию связей между регионами Казахстана и Египта, что способствует активизации торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. Установлены побратимские связи между Астаной и Каиром, Алматы и Александрией, Жамбылской областью и Восточной провинцией АРЕ.

Дипломатические отношения между Казахстаном и Ираном установлены 29 января 1992 г., посольство Казахстана в Иране открыто с 1993 г. Важными этапами в истории двусторонних отношений явились официальные контакты на высшем уровне: визиты лидера Казахстана Н.А. Назарбаева в Иран (ноябрь 1992 г., май 1996 г., октябрь 1999 г., октябрь 2007 г.); ответный визит президента ИРИ А. Хашеми Рафсанджани в Казахстан (октябрь 1993 г.); участие президента ИРИ М. Хатами в саммите ОЭС в г. Алматы (май 1998 г.); визит М. Хатами в РК (апрель 2002 г.); официальный визит президента ИРИ М. Ахмадинежада (апрель 2009 г.); участие первого вице-президента ИРИ Х. Хабиби в работе Евразийского экономического саммита в г. Алматы (2000, 2002 гг.).

Подписанные в ходе взаимных визитов более 60-ти межгосударственных, межправительственных и межведомственных соглашений и документов создали необходимую базу для развития двусторонних отношений.

В политической сфере между РК и ИРИ не имеется каких-либо противоречий. Лидеры двух государств неоднократно подтверждали свою политическую волю и заинтересованность в развитии дружественных и добрососедских отношений, в сотрудничестве в интересах мира и стабильности в регионе.

Важнейшим вопросом перспективы развития торгово-экономических отношений РК и ИРИ является необходимость более полного использования транзитного потенциала ИРИ в рамках соглашений по международным транспортным коридорам «Север — Юг» и ТРАСЕКА (Транспортный коридор «Европа — Кавказ — Азия»), совершенствования и диверсификации путей транспортировки казахстанских товаров (в первую очередь нефти, зерна, металлов) на мировые рынки. 8 июля 2003 г. Президент РК подписал закон, согласно которому Казахстан присоединился к международному соглашению «Север — Юг».

15 октября 2007 г. состоялся официальный визит Нурсултана Назарбаева в Иран, в ходе которого были проведены переговоры с Махмудом Ахмадинежадом.

На переговорах на высшем уровне был рассмотрен весь спектр направлений двустороннего взаимодействия, определены дальнейшие перспективы. Состоялся обмен мнениями по актуальным проблемам международной политики, в том числе и ситуации вокруг Афганистана, Ирака, а также по вопросам режима нераспространения ядерного оружия.

6—7 апреля 2009 г. М. Ахмадинежад посетил г. Астану с официальным визитом. В рамках визита были проведены переговоры на высшем уровне. Президент ИРИ также встретился с председателем Мажилиса Парламента РК У. Мухамеджановым и премьер-министром РК К. Масимовым. Во время переговоров был обсужден широкий круг вопросов международной политики и двустороннего сотрудничества между Казахстаном и Ираном. По итогам визита было принято совместное заявление, подписаны межведомственные документы в области спорта, здравоохранения и телекоммуникаций.

По данным Министерства сельского хозяйства РК, в период с 1999 по 2008 г. в Иран экспортировано порядка 2,2 млн т казахстанского зерна [5].

Иран — один из крупнейших потребителей казахстанского зерна. Ежегодно мы поставляем в эту страну до 1 млн т зерна, и 80% этого объема — пшеница. С начала 2010 г. экспорт зерна в ИРИ составил порядка 456,3 тыс. т, в том числе пшеницы — 386,8 тыс. т. Однако действующий сухопутный маршрут экспорта зерна из Казахстана в Иран через Узбекистан и Туркменистан не справляется с грузопотоком вследствие низкой пропускной способности транспортной инфраструктуры. Наиболее выгодным признан морской путь по акватории Каспийского моря.

Общий объем завоза зерна в эту страну составляет порядка 5 млн т. Казахские же зерновики могут отправлять максимум 2 млн т. И пока нарастить объемы экспорта не представляется возможным из-за отсутствия логистики.

Решиться проблема сможет к 2012 г. К этому времени планируется завершить строительство железной дороги «Узень — Гурган», которая соединит Казахстан, Туркменистан и Иран.

Поэтому в 2007 г. между холдингом «КазАгро» и иранской компанией «Бехдис Теджерад Альбор» была достигнута договоренность о создании совместного

предприятия для строительства зернового терминала в порту Амирабад. За это время сторонами была проделана большая работа по составлению проектно-сметной документации, закупке оборудования и строительно-монтажным работам.

Общая стоимость проекта составила 20 млн долл. США, и средства были вложены сторонами на паритетной основе, что также символизирует равноправие и партнерство двух государств. При производственной мощности перевалки до 700 тыс. т терминал позволяет одновременно хранить 53 тыс. т зерна. С вводом в эксплуатацию ожидается увеличение объемов и сокращение сроков доставки. На июнь 2010 г. зерновой терминал разгрузил 47 судов, общий объем разгруженного зерна составил 182 тыс. т.

Терминал, наряду с уже действующими в Актау и Баку, является последним звеном в транспортно-логистической цепочке, связывающей рынки Ирана, Центральной Азии и Закавказья. Причем проект имеет большие перспективы для расширения и создания новых сопутствующих производств. Так, планируется создание мельничного комплекса для производства муки из казахстанской пшеницы и ее дальнейшей реализации как на внутреннем рынке Ирана, так и на экспорт в страны Персидского залива. Строительство терминала в порту Амирабад стало первым совместным проектом по созданию объектов сельхозотрасли на территории ИРИ [6].

Торгово-экономическое сотрудничество является наиболее приоритетной сферой двусторонних взаимоотношений. На регулярной основе функционирует Совместная казахстанско-иранская межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству.

Инвестиции Ирана в экономику Казахстана составили 22,9 млн долл. США, из которых 19,3 млн — прямые инвестиции. По виду деятельности иранские инвестиции представлены в основном в сфере строительства.

В 2005 г. значительно возрос товарооборот между РК и ИРИ: его объем составил 900,9 млн долл. США (казахстанский экспорт — 886,1 млн, импорт — 14,8 млн), в 2004 г. — 725 млн долл. США (казахстанский экспорт — 712 млн, импорт — 13 млн), было зарегистрировано и работали 47 малых предприятий с участием иранского капитала — в области торговли, в производстве муки, хлеба и свежих кондитерских изделий, строительстве зданий.

Объем двустороннего товарооборота за 2004—2008 гг. вырос с 400 млн до более 2 млрд долл. США. Значительную часть казахстанского экспорта в Иран занимают поставляемые танкерами сырая нефть и сжиженный газ, что определяет иранское направление в качестве важного альтернативного маршрута поставок нефти из РК на мировые рынки.

Объем товарооборота между Казахстаном и Ираном в 2008 г. составил 2 млрд 100 млн долл. США (экспорт — 2 млрд 40 млн, импорт — 59 млн). Товарооборот между двумя странами за январь — май 2009 г. достиг 423,2 млн долл. США (экспорт — 413,3 млн, импорт — 9,9 млн) [7].

На 2010 г. объем товарооборота между Казахстаном и Ираном составлял около 3 млрд долл. США, в том числе по торговле пшеницей — 250—300 млн долл.

США. И наличие финансового института значительно упростило бы процесс взаимной торговли. Иранские компании готовы инвестировать в развитие транспортных коридоров, которые позволят увеличить объем экспорта, в частности, в строительство второго терминала в Актау [8].

С 27 по 30 ноября 2010 г. Национальное агентство по экспорту и инвестициям KAZNEX INVEST МИНТ РК организовало очередную торговую миссию казахстанских производителей обработанной продукции.

Цель, как и у предыдущих торговых миссий в Туркменистан, Индию, Китай, Россию, одна — расширить рынки сбыта казахстанской продукции, поддержать экспорт, развитие которого является одним из ключевых индикаторов реализуемой в республике программы форсированной индустриализации. На этот раз отечественные экспортеры презентовали свой товар в Тегеране при поддержке Торгово-промышленной палаты Ирана, Ассоциации дружбы Казахстана и Ирана, группы компаний Diba Sun и компании по торговым связям стран СНГ.

Встречи казахстанской делегации, в состав которой вошли девять крупных компаний — производителей нефтяного и медицинского электрооборудования, представители сельского хозяйства, пищевой промышленности и руководители более полусотни иранских компаний произошли в рамках казахстанско-иранского бизнес-форума. По словам организаторов, это событие оказалось результативным для обеих сторон. В частности, отечественная компания ТОО «Kaz Beef Company» открыла в Тегеране свое представительство. Иранские бизнесмены проявили интерес и к другому казахстанскому производителю мясной продукции — ТОО «Карасу-Ет», изъявив желание посетить производство для предварительной проверки соответствия требованиям иранских стандартов.

Представители Усть-Каменогорского конденсаторного завода договорились с несколькими иранскими компаниями о поставке энергосберегающего оборудования. Другой известный представитель машиностроительной отрасли Казахстана — завод «Белкамит» намерен также развивать свой бизнес в Иране и поставлять в эту страну нефтегазовое оборудование. Компания «Казнефтегазмаш» договорилась с местными партнерами не только о реализации своей продукции, но и об открытии сервисного центра.

Весьма многообещающим стал диалог еще одного производителя нефтегазового оборудования компании «Мунайспап» с компанией Paris Turk Silo: были обсуждены вопросы поставки нефтегазового оборудования в Афганистан и Ирак транзитом через Иран. Большой интерес вызвала продукция завода «Актоберентген». В скором времени медицинским оборудованием, сделанным в Казахстане, будет снабжен кардиологический центр г. Тегерана. Не остались в стороне традиционные вопросы поставки в Иран муки и зерна: своих партнеров на бизнес-форуме нашли представители Союза зернопроизводителей и зернопереработчиков Казахстана.

Присутствие на бизнес-форуме представителей Министерства торговли и Министерства промышленности Ирана, Иранской железной дороги, страховых компаний, финансовых институтов, Государственной торговой корпорации Ирана позволило участникам обсудить вопросы ведения совместной торговой деятельнос-

ти, возможности страхования внешнеэкономической деятельности с Казахстаном через государственную страховую корпорацию [9].

Успешно развивается сотрудничество Казахстана с Объединенными Арабскими Эмиратами, Катаром, Оманом, Кувейтом, Бахрейном, Израилем, Иорданией. Наблюдается взаимное стремление сторон к наращиванию партнерских связей.

Таким образом, ближневосточное направление внешней политики Казахстана способствует укреплению мира в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. АП РК. Ф. 75-Н. Оп. 1. Д. 496. Лл. 4, 15.
2. АП РК. Ф. 75-Н. Оп. 1. Д. 496. Л. 23.
3. АП РК. Ф. 75-Н. Оп. 1. Д. 516. Л. 50.
4. АП РК. Ф. 75-Н. Оп. 1. Д. 496. Л. 15.
5. <http://portal.mfa.kz/portal/pade/ru>.
6. Казахстанская правда. — 2010, 25 июня.
7. <http://portal.mfa.kz/portal/pade/ru>.
8. Панорама. — 2010, 16 апреля.
9. Экономика и право Казахстана. — 2010. — №24. — С. 22—23.

Договор о нераспространении ядерного оружия и позиция Казахстана

АБЕН Д.А.

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) считается краеугольным камнем режима ядерного нераспространения и одним из ключевых элементов системы международной безопасности. Республика Казахстан всегда являлась активным сторонником ДНЯО, но в последнее время с ее стороны все чаще звучат заявления о несоответствии договора требованиям времени и необходимости нового соглашения в сфере ядерного нераспространения и разоружения.

Идея заключения международного договора, который стал бы эффективным механизмом в предотвращении бесконтрольного расползания ядерного оружия и решении проблем ядерного разоружения, возникла в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Осенью 1966 г., после нескольких лет обсуждения в ООН и Женевском комитете по разоружению, а также консультаций по этому вопросу между СССР и США, началась непосредственная работа по подготовке и согласованию текста договора в рамках конфиденциальных советско-американских переговоров. 12 июня 1968 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила ДНЯО и 1 июля 1968 г. открыла его для подписания в Лондоне, Москве и Вашингтоне (Великобритания, СССР и США стали депозитариями договора). Договор вступил в силу 5 марта 1970 г. после сдачи на хранение ратификационных грамот 43-мя государствами, в том числе странами-депозитариями. Начиная с этого времени, раз в пять лет проводятся конференции по рассмотрению действия ДНЯО, в ходе которых дается оценка выполнения положений договора и вырабатываются рекомендации относительно мер для его дальнейшей реализации. На обзорной конференции 1995 г. было принято решение о бессрочном продлении срока действия ДНЯО [1, 2].

ДНЯО всегда отводилась особая роль в обеспечении режима нераспространения ядерного оружия, и, когда встал вопрос о советском ядерном наследии, не случайно был задействован именно этот договор. После распада Советского Союза и провозглашения независимости Казахстан, унаследовав значительную часть советского ядерного потенциала, стал обладателем четвертого по величине в мире ракетно-ядерного арсенала. По состоянию на декабрь 1991 г. на территории страны находилось 1 040 ядерных боеголовок, установленных на 104-х стратегических ракетах наземного базирования типа РС-20 (по классификации НАТО SS-18 «Сатана»), 40 стратегических многоцелевых бомбардировщиков Ту-95МС, оснащенных крылатыми ракетами воздушного базирования с 370-ю

боеголовками. В число объектов военного ядерного комплекса входили 148 шахтных установок для запуска межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования, испытательный центр носителей ядерного оружия на Байконуре, а также производственный комплекс в Курчатове на территории бывшего Семипалатинского испытательного ядерного полигона, который был закрыт 29 августа 1991 г. Указом Президента РК Н.А. Назарбаева [3, 4].

23 мая 1992 г. Казахстан подписал Лиссабонский протокол — дополнение к Договору между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1), приняв на себя обязательство, наряду с Беларусью и Украиной, присоединиться к ДНЯО в качестве страны, не обладающей ядерным оружием, и тем самым де-юре закрепив отказ от ядерного арсенала. 13 декабря 1993 г., через полтора года после ратификации Договора СНВ-1 (2 июля 1992 г.), Верховный Совет Республики Казахстан ратифицировал ДНЯО. В тот же день в г. Алматы Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев и вице-президент США Альберт Гор подписали Соглашение между Республикой Казахстан и США относительно уничтожения шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет, ликвидации последствий аварийных ситуаций и предотвращения распространения ядерного оружия — рамочное соглашение, которое заложило основу для реализации программы «Совместное сокращение угрозы» (или, как ее часто называют, «Программы Нанна — Лугара») в Казахстане. 14 февраля 1994 г. в Вашингтоне Н.А. Назарбаев вручил ратификационные документы президенту США Клинтону, и в том же месяце Казахстан становится членом МАГАТЭ. 5 декабря 1994 г. во время Будапештского саммита СБСЕ/ОБСЕ Великобритания, Россия и США как страны — депозитарии ДНЯО подписали Меморандум о предоставлении гарантий безопасности Казахстану в связи с его присоединением к ДНЯО в качестве безъядерного государства, обязуясь уважать суверенитет, территориальную целостность и экономическую независимость Казахстана. Позднее аналогичные гарантии Казахстану были представлены Китаем и Францией [5, 6].

Присоединение Казахстана к ДНЯО стало важным этапом в формировании внешнеполитического курса страны в области международной безопасности, разоружения и нераспространения. Став участником ДНЯО, Казахстан строго придерживался своих обязательств в рамках договора, проводя последовательную работу по выводу ядерного оружия со своей территории, ликвидации его инфраструктуры и конверсии бывших военных производств на гражданские цели. В феврале 1994 г. из Казахстана в Россию были выведены все стратегические бомбардировщики, а в ноябре того же года в рамках совместной казахстанско-американской секретной операции «Сапфир» 558 кг высокообогащенного урана были доставлены в США с Ульбинского металлургического завода (УМЗ) [7]. В апреле 1995 г. из Казахстана в Россию были вывезены все ядерные боеголовки для межконтинентальных баллистических и крылатых ракет, а в мае на бывшем Семипалатинском полигоне был уничтожен последний ядерный заряд, оставшийся там с 1990 г. В сентябре 1996 г. из Казахстана в Россию (на три года раньше срока, предусмотренного Договором СНВ-1) вывели для дальнейшей лик-

видации все межконтинентальные баллистические ракеты, а в сентябре 1999 г. были уничтожены все шахтно-пусковые установки. В феврале 2006 г. был завершен начавшийся в 2002 г. проект фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» и национальной атомной компании «Казатомпром» по безопасной перевозке с реактора на быстрых нейтронах БН-350 в г. Актау на УМЗ почти трех тонн свежего высокообогащенного уранового топлива и его переработке в низкообогащенный уран [8, 9].

На Конференции 1995 г. по рассмотрению и продлению действия ДНЯО Казахстан проголосовал за бессрочное и безусловное продление договора, расценивая ДНЯО как «ключевой элемент» и «незаменимый инструмент» международных усилий по предотвращению дальнейшего распространения ядерного оружия [10, 11]. Однако на обзорной конференции 2005 г. из-за разногласий между ядерными и неядерными государствами достичь существенного прогресса ни по одному из положений ДНЯО не удалось, что вызвало определенное разочарование у Казахстана, усугубляемое развитием событий в Южной Азии и противоречиями по поводу ядерных программ КНДР и Ирана, и во второй половине 2000-х гг. привело к заметным изменениям в позиции Астаны в отношении ДНЯО. Выступая в сентябре 2006 г. на ужине от имени фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы», Нурсултан Назарбаев высказал мнение, что парадоксальная ситуация, при которой «одним разрешается иметь и совершенствовать» ядерное оружие, а другим его «иметь и даже разрабатывать» запрещается, является неправильной, несправедливой и непропорциональной. Отметив, что это противоречит основным принципам международного права, Назарбаев заявил о необходимости новых политических инструментов, учитывающих необходимость универсального подхода к делу нераспространения и разоружения [12]. Год спустя, в сентябре 2007 г., в ходе дебатов на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, Н.А. Назарбаев впервые заявил о необходимости адаптации ДНЯО к новым реалиям, поскольку договор стал асимметричным соглашением, который предусматривает санкции лишь к неядерным государствам. По мнению Назарбаева, «если ядерные державы призывают к запрету на разработку ядерного оружия, то они сами должны стать примером сокращения и отказа от атомного арсенала». Однако этого не происходит, и такая несправедливость является побудительным мотивом для государств, стремящихся к обладанию ядерным оружием [13].

В июне 2009 г., выступая на торжественном мероприятии, посвященном 20-летию прекращения испытаний на Семипалатинском ядерном полигоне, Президент РК Н.А. Назарбаев высказался за немедленный пересмотр механизмов нераспространения, поскольку ДНЯО, по его мнению, на протяжении сорока лет так и не смог решить свою главную задачу — достичь всеобщей универсальности. В этой связи казахстанский лидер выдвинул инициативу о разработке и заключении нового универсального Договора о всеобщем горизонтальном и вертикальном нераспространении ядерного оружия, в формировании и соблюдении которого должен участвовать «не только узкий круг стран — обладателей ядерного оружия, а международное сообщество всех (как ядерных, так и неядерных)

государств». Задачей договора также должен стать запрет совершенствования в любой форме имеющихся ядерных арсеналов. Кроме того, Н.А. Назарбаев призвал ядерные державы проявить свою ответственность перед мировым сообществом и выполнить, наконец, обязательства по количественному и качественному сокращению своих арсеналов [14]. 5 марта 2010 г. на пленарной сессии Конференции по разоружению в Женеве государственный секретарь — министр иностранных дел страны Канат Саудабаев подчеркнул, что Казахстан выступает за преодоление стагнации в глобальном разоруженческом процессе и актуализацию ДНЯО, и выразил надежду, что вопрос придания реальной эффективности ДНЯО удастся сдвинуть с «мертвой точки» на предстоящей в мае 2010 г. обзорной конференции [15].

В преддверии глобального саммита по ядерной безопасности в своей статье в газете «Известия» Нурсултан Назарбаев вновь выразил скепсис в отношении ДНЯО, заявив, что договор «не оправдывает возлагавшихся на него надежд», так как, помимо прочего, «не содержит четких и ясных схем реагирования МАГАТЭ и ООН на факты уклонения государств от допуска международных инспекторов на ядерные объекты» и «позволяет своим участникам без последствий выходить из числа подписантов». Все эти обстоятельства, по мнению Президента РК, лишь снижают эффективность и действенность договора. Обосновывая свою идею о новом универсальном соглашении в сфере нераспространения, Н.А. Назарбаев пояснил, что предложенный документ (Договор о всеобщем горизонтальном и вертикальном нераспространении ядерного оружия) должен гарантировать неприменение «двойных стандартов» и в то же время предусматривать четкие обязательства сторон и конкретные механизмы применения санкций к его нарушителям. Президент также предложил начать обсуждение вопроса о принятии в перспективе Всеобщей декларации безъядерного мира, в которой была бы воплощена решимость всех государств твердо и последовательно продвигаться к идеалам безъядерного мира [16]. Эти предложения были озвучены на высшем официальном уровне в апреле 2010 г. во время саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне, при этом Назарбаев уточнил, что новый договор мог бы стать программно-стратегическим документом, в котором были бы сведены все имеющиеся международные акты в сфере нераспространения и борьбы с актами ядерного терроризма. Более того, помимо горизонтального и вертикального нераспространения, предложенный договор охватил бы и вопросы уничтожения ядерного оружия. В своей речи на саммите Н.А. Назарбаев также выступил с неоднозначной инициативой, предложив узаконить новый формат «ядерного клуба», включив туда государства, де-факто имеющие ядерное оружие, и обязав членов клуба действовать исключительно по согласованию с Советом Безопасности ООН [17]. В конце апреля 2010 г., выступая на IX Евразийском медиа-форуме, Президент РК Нурсултан Назарбаев внес еще одно предложение — заключить под эгидой ООН новый Глобальный договор о всеобщем и полном запрещении ядерного оружия [18].

Таким образом, как видно из вышесказанного, основные претензии Казахстана к ДНЯО заключаются в том, что он не сумел обеспечить подлинную универсаль-

ность, то есть всеобщее членство, и предотвратить увеличение числа государств, обладающих ядерным оружием, а также противостоять нарушениям своих положений и способствовать принятию практических мер в деле разоружения. Тем не менее, по нашему мнению, договор остается фундаментом международного режима нераспространения ядерного оружия и в состоянии отвечать на современные вызовы и угрозы несмотря на то, что он создавался в период «холодной войны». Следует отметить, что в годы разработки ДНЯО невозможно было предвидеть все трудности, с которыми столкнется режим ядерного нераспространения, поэтому для сохранения эффективности договора необходимо, прежде всего, совершенствовать его существующие механизмы, приспособивая их к адекватному решению возникающих проблем, а не искать ему замены в виде новых договоров и соглашений.

Необходимо признать, что, наделив правом легально обладать ядерным оружием только пять государств, ДНЯО удалось реально остановить процесс расширения «ядерного клуба», хотя до заключения договора были распространены опасения, что число ядерных государств может достичь нескольких десятков. Так, например, президент США Джон Кеннеди предполагал, что уже в 1970-х гг. в мире будет 20—25 государств, обладающих ядерным оружием [19]. В свое время активный интерес к обладанию ядерным оружием проявляли Австралия, Аргентина, Бразилия, Канада, Тайвань, Турция, ФРГ, Швейцария, Швеция, Южная Корея и Япония [20], но, благодаря ДНЯО, «принципа домино» в распространении ядерного оружия удалось избежать. Несомненным успехом договора в 1990-х гг. стало присоединение к нему двух официальных ядерных держав — Франции и Китая, а также ЮАР, добровольно ликвидировавшей свой ядерный арсенал, и «ядерных наследников» СССР — Беларуси, Казахстана и Украины. Более того, именно ДНЯО активизировал процесс создания зон, свободных от ядерного оружия, в различных регионах мира. В дополнение к безъядерной зоне в Латинской Америке и Карибском бассейне, провозглашенной Договором Тлателолко в 1967 г., были созданы такие же зоны в южной части Тихого океана (Договор Раротонга 1985 г.), Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор 1995 г.), Африке (Договор Пелиндаба 1996 г.) и Центральной Азии (Семипалатинский договор 2006 г.). Что касается универсальности, то можно констатировать, что ДНЯО является самым широким по составу участников и наиболее универсальным из существующих договоров в сфере международной безопасности и ограничения вооружений. На сегодняшний день участниками ДНЯО являются 189 государств, а КНДР стала единственным государством за все годы существования ДНЯО, которое в 1993 г. инициировало, а в 2003 г. возобновило процедуру выхода из него (в настоящее время членский статус КНДР неясен).

Говоря об увеличении числа государств, обладающих ядерным оружием, не стоит забывать, что де-факто ядерные Индия и Пакистан никогда не являлись участниками ДНЯО, так же как и Израиль, который придерживается так называемой политики «ядерной неопределенности», не подтверждая и не опровергая утверждений о наличии у себя ядерного оружия. Другими словами, эти государства не принимали на себя каких-либо обязательств в рамках ДНЯО, а, сле-

довательно, вести речь о том, что они нарушили договор, нельзя. Вместе с тем под покровом членства в ДНЯО отдельные его участники предпринимали попытки изменить свой неядерный статус, проводя секретные военные ядерные программы (Ирак, Ливия, Северная Корея), или же подозревались в переключении ядерного материала с мирных на военные нужды, заявляя о сугубо мирном характере своей ядерной деятельности (Иран, Сирия). При этом та же Индия, создав собственное ядерное оружие, но не являясь участником ДНЯО, проводила ответственную политику в сфере ядерного нераспространения и разоружения, тогда как отдельные представители правящих кругов Пакистана были причастны к распространению военных ядерных технологий и материалов в третьи страны.

Универсальность и всеобщая приверженность ДНЯО остаются приоритетными целями его государств-участников, но универсальных подходов как к государствам вне договора, так и к государствам — нарушителям его положений не существует. Ключ к достижению этих целей — поиск путей по разрешению существующих и потенциальных региональных конфликтов, в который вовлечены эти государства, что способствовало бы устранению основополагающих стимулов к обладанию ядерным оружием. В то же время международному сообществу необходимо разработать комплекс действенных мер для противодействия преднамеренному выходу из ДНЯО в целях проведения военной ядерной программы, что должно расцениваться как нарушение договора. Бесспорно, в своем нынешнем состоянии система гарантий МАГАТЭ не может воспрепятствовать незаконным военным ядерным программам, а позволяет лишь обнаружить их следы. Но в таком случае речь надо вести не о коренной ломке сложившихся механизмов, а о дальнейшем ужесточении и совершенствовании системы контроля соблюдения государствами — участниками ДНЯО своих обязательств со стороны международного сообщества в лице МАГАТЭ. Ведь в 1990-х гг. раскрытие секретной программы Ирака по созданию ядерного оружия и отказ КНДР от сотрудничества с МАГАТЭ в осуществлении соглашения о гарантиях подтвердили важность укрепления системы гарантий агентства и привели к созданию нового механизма — дополнительного протокола, в соответствии с которым государства предоставляют МАГАТЭ более широкие права доступа к своим ядерным установкам и соответствующей информации.

Относительно утверждений об отсутствии прогресса в деле ядерного разоружения необходимо иметь в виду, что на данный момент ДНЯО является единственным юридически обязывающим многосторонним соглашением в области контроля над ядерным вооружением с участием всех пяти официально признанных ядерных держав, которое обязывает как ядерные, так и неядерные государства — участники договора предпринимать меры для достижения безъядерного мира. Сейчас трудно оценить, в каком состоянии находилась бы сфера ядерного разоружения, если бы договор не ограничил круг государств — обладателей ядерного оружия. Несмотря на всю критику, нельзя не отметить прогресс, достигнутый в этой сфере за последнее время. Так, 8 апреля 2010 г. в Праге президент России Дмитрий Медведев и президент США Барак Обама подписали Договор между Российской Федерацией и США о мерах по дальнейшему сокраще-

нию и ограничению стратегических наступательных вооружений, или СНВ-III, который вступил в силу 5 февраля 2011 г. и предусмотрел необратимые, верифицируемые и транспарентные сокращения. Теперь важнейшее значение имеет вопрос подключения к двустороннему российско-американскому процессу сокращения ядерных арсеналов других ядерных государств, имеющих ядерное оружие де-юре и де-факто. Придание многостороннего характера этому процессу будет всецело способствовать достижению цели ядерного разоружения в соответствии со статьей VI ДНЯО.

Ключевые игроки на международной арене, в первую очередь Россия и США, продолжают рассматривать ДНЯО в качестве главного сдерживающего фактора на пути расползания ядерного оружия, технологий его производства и средств доставки, поэтому вопрос о том, будут ли услышаны мировым сообществом казахстанские предложения о новых соглашениях в сфере ядерного нераспространения, остается открытым. До сегодняшнего дня ни на одном публичном форуме инициативы Казахстана не получили официальной поддержки как со стороны руководителей ведущих держав, так и со стороны видных представителей международного экспертного сообщества. Более того, по нашему мнению, предложения Казахстана о заключении договора о всеобщем горизонтальном и вертикальном нераспространении ядерного оружия и ряда других новых соглашений трудновыполнимы. Переговорный процесс по вопросам стратегического разоружения ведется на основе консенсуса, и согласовать общую позицию между всеми странами, у которых, к тому же, разные интересы и приоритеты, весьма непросто. Как показывает пример Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) для целей ядерного оружия, переговоры по которому в рамках Конференции по разоружению в Женеве не могут начаться уже больше 15-ти лет, в современных условиях запуск и успешное завершение переговоров по универсально применимому и недискриминационному соглашению в области контроля над вооружениями и разоружения являются практически невыполнимой задачей. Это подтверждает и судьба Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), который успешно прошел переговорную стадию и был открыт для подписания в сентябре 1996 г., но до сих пор не может войти в силу из-за того, что он либо не подписан, либо не ратифицирован девятью ключевыми странами, а без участия этих государств ДВЗЯИ теряет свой смысл (договор не подписан Индией, КНДР и Пакистаном и не ратифицирован Египтом, Израилем, Индонезией, Ираном, Китаем и США). Следует также иметь в виду, что после завершения переговоров по ДВЗЯИ в 1996 г. деятельность Конференции по разоружению, единственного многостороннего переговорного форума для выработки соглашений по разоружению, остается фактически заблокированной из-за отсутствия договоренности по согласованной, всеобъемлющей и сбалансированной программе работы. Это происходит из-за того, что отдельные страны, злоупотребляя правилом консенсуса, превращают его в право вето, но отказ от этого правила невозможен, поскольку он является основополагающим принципом разоруженческих механизмов, который позволяет учитывать законные интересы каждого государства в сфере безопасности. Вариант

с переносом переговоров на другие площадки в обход Конференции по разоружению также неосуществим по причине отсутствия поддержки такого шага со стороны ряда ведущих мировых держав.

Судя по тому, что в докладе на Конференции 2010 г. по рассмотрению действия ДНЯО делегация Казахстана не стала озвучивать предложения о подписании новых соглашений в сфере нераспространения, руководство Казахстана, по всей видимости, осознает преждевременность этих инициатив. Несмотря на то, что режим ядерного нераспространения, основывающийся на ДНЯО, переживает непростые времена, необходимо признать, что договор остается ключевым элементом современной системы международной безопасности и необходимым механизмом сотрудничества, гарантирующим с учетом реалий сегодняшнего дня определенный уровень стабильности и баланса взаимных обязательств. Вместо выдвижения инициатив по ревизии договора Казахстану, на наш взгляд, следует сосредоточить дипломатические усилия на укреплении целостности и эффективности всех трех компонентов ДНЯО — нераспространения, разоружения и мирного использования атомной энергии.

В этой связи Казахстану в сотрудничестве с другими заинтересованными сторонами следует уделить особое внимание разработке и реализации конкретных мер по совершенствованию механизмов проверки выполнения положений ДНЯО и универсализации укрепленной системы гарантий МАГАТЭ с целью сведения к нулю возможностей осуществления скрытых ядерных программ. Нашей стране также стоит более деятельно способствовать осуществлению практических шагов в области ядерного разоружения в соответствии с утвержденным планом действий, в том числе и скорейшему вступлению в силу ДВЗЯИ, который, обеспечив полное прекращение ядерных испытаний и препятствуя модернизации ядерных вооружений, поставил бы эффективный заслон на пути горизонтального и вертикального распространения ядерного оружия без принятия отдельного соглашения в этой сфере. Используя назначение представителя Казахстана Касым-Жомарта Токаева заместителем генерального секретаря ООН — руководителем европейского отделения ООН в Женеве и по совместительству генеральным секретарем Конференции по разоружению, Казахстан мог бы играть более важную роль в активизации переговоров по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей. Не менее перспективным и реалистичным выглядит участие Казахстана в разработке и заключении международного юридически обязывающего соглашения о предоставлении ядерными государствами гарантий безопасности странам, не обладающим ядерным оружием. И, наконец, Казахстан может оказать значительное содействие осуществлению неотъемлемого права каждого государства — участника ДНЯО на использование атомной энергии в мирных целях, активно поддерживая многосторонние подходы к ядерному топливному циклу через развитие сети международных центров по обогащению урана, в том числе посредством размещения на своей территории международного банка ядерного топлива.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на критику ДНЯО, Республика Казахстан остается убежденным сторонником и активным участником гло-

бального процесса нераспространения, разоружения и снижения ядерной угрозы. Проводя сбалансированную, последовательную и ответственную политику в этих вопросах, Казахстан вносит существенный вклад в функционирование сложных, взаимосвязанных механизмов режима нераспространения ядерного оружия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тиммербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945—1968. — М.: Наука, 1999. — С. 163—327.
2. Ядерное нераспространение: краткая энциклопедия / Гл. ред. А.В. Хлопков. — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 107—110.
3. Kazakhstan Profile: Nuclear Overview // Nuclear Threat Initiative website // <http://www.nti.org>.
4. Обзорная конференция по Договору о нераспространении ядерного оружия: доклад Казахстана // Заключительный документ Конференции 2010 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. Т. II, ч. III. Документы, опубликованные на Конференции // <http://www.un.org>.
5. Там же.
6. Разоружение и ядерное нераспространение: деятельность Казахстана по укреплению международного режима нераспространения оружия массового уничтожения // <http://www.mfa.kz>.
7. Корецкий А. Урановая сделка между Казахстаном и США // Коммерсантъ. — 1994, 25 ноября. — №224 (692).
8. Обзорная конференция по Договору о нераспространении ядерного оружия: доклад Казахстана...
9. Разоружение и ядерное нераспространение: деятельность Казахстана по укреплению международного режима нераспространения оружия массового уничтожения...
10. Орлов В. Конференция 1995 г. по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки // Научные записки ПИР-Центра. — М., 1999. — №11.
11. Выступление вице-министра иностранных дел РК К. Абушеитова на Конференции 2000 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. Нью-Йорк, 25 апреля 2000 г. // <http://www.un.int>.
12. Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на ужине от имени фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы». Вашингтон, 28 сентября 2006 г. // <http://www.akorda.kz>.
13. Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на дебатах 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 25 сентября 2007 г. // <http://www.akorda.kz>.
14. Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на торжественном мероприятии, посвященном 20-летию прекращения испытаний на Семипалатинском ядерном полигоне. Семей, 18 июня 2009 г. // <http://www.akorda.kz>.
15. Выступление государственного секретаря — министра иностранных дел РК К. Саудабаева на пленарной сессии Конференции по разоружению. Женева, 5 марта 2010 г. // <http://www.mfa.kz>.
16. Нурсултан Назарбаев. Глобальный мир и ядерная безопасность // Известия. — 2010, 2 апреля.
17. Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на утреннем заседании саммита по вопросам ядерной безопасности «Национальные меры по снижению угрозы ядерного терроризма и обеспечению безопасности ядерного материала». — Вашингтон, 13 апреля 2010 г. // <http://www.akorda.kz>.
18. Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на IX Евразийском медиа-форуме. Алматы, 27 апреля 2010 г. // <http://www.akorda.kz>.
19. Allison, Graham. Nuclear Disorder: Surveying Atomic Threats // Foreign Affairs. — Vol. 89. — No. 1. — January/February 2010. — Pp. 74—85.
20. Ядерное нераспространение. В 2-х томах. Т. 1 / Под общ. ред. В.А. Орлова. — М.: ПИР-Центр, 2002. — С. 84—91.

Технологическое сопровождение избирательной кампании 2011 г.

БОКАЕВ С.О.

Внесочередные президентские выборы, как и прогнозировалось, прошли спокойно, без каких-либо скандалов и диффамаций. Так получилось, что победу на президентских выборах в нашей стране традиционно празднуют не один, а два кандидата (если учесть, что основная борьба разворачивается за второе место). Скорее всего, в ближайшие дни проснется оппозиция, наблюдавшая за выборами со стороны, и усомнится в результатах голосования. Но поезд, как говорится, уже уехал.

Предлагаю проанализировать интересные технологические аспекты в уже ушедшей избирательной кампании по выбору президента.

Кандидат в президенты Н. Назарбаев

Началу избирательной кампании действующего Президента предшествовал очень мощный технологический заряд, который набрал свою энергетическую массу задолго до начала избирательной кампании.

1. Саммит ОБСЕ.
2. Широкая дискуссия по вопросам проведения референдума и решение Президента в пользу выборов.
3. Послание Президента. Обширная идеологическая работа и глубокое информационное проникновение в массы обеспечивали Президенту ореол незыблемой победы.

К самой удачной технологии следует отнести решение Президента не принимать активное участие в избирательной кампании, а заниматься реальными делами. «Меньше слов, больше дел» — промелькнуло в сознании людей. На фоне решения Президента не заниматься активно избирательной кампанией несколько непонятной показалась усиленная агитация НДП «Нур-Отан» и ее первого заместителя председателя.

Кандидат в президенты Ж. Ахметбеков

Ж. Ахметбеков в технологическом отношении провел наиболее удачную избирательную кампанию, нежели Г. Касымов и М. Елеусизов. Раньше коммуни-

ты делали ставку только на людей пенсионного возраста, Ахметбеков переломил этот стереотип. Работа со всеми возрастными группами дала свой результат. Точечная агитация в Астане вывела коммуниста на второе место после Н. Назарбаева. Активное освоение интернет-пространства (собственный блог, регистрация в социальных сетях и т.д.), запуск мультипликационных роликов, поздравления с весенними праздниками добавляли ранее неизвестному политику больше узнаваемости и авторитета. Проморолик в кимоно был выполнен на хорошем уровне, основной месседж заключался в принципах морали каратэ, однако был непонятен избирателям, которые прагматично желали видеть не каратиста, а эффективного управленца. Есть и слабые стороны. Ж. Ахметбеков в отличие от Г. Касымова и М. Елеусизова превосходно владеет государственным языком, а значит, при правильной работе казахоязычная аудитория могла бы стать для него дополнительным электоральным резервуаром, чего сделано не было.

Кандидат в президенты Г. Касымов

Наиболее харизматичным и убедительным в своих выступлениях, конечно, является кандидат-ветеран Г. Касымов, который решил сделать ставку на работников бюджетной сферы, обещая поднять заработную плату, если станет президентом. Так, он встретился с медиками, пожарниками, учителями. Его тезисы почти всегда верны, но вместе с тем он допускает ошибки (например, отмена сложившейся практики переноса праздничных дней, выпадающих на выходные, вызвавшая негативную реакцию среди трудового населения). Такие просчеты не забываются. В целом набор технологий был скудный и стандартный. Единственный раз блеснул Г. Касымов, когда активисты молодежного клуба «Рух пен Тил» подарили ему учебник казахского языка за первый класс. Через два дня, заучив хорошенько песню на казахском языке, Касымов спел ее на встрече с избирателями. Такой ответ был нужный и своевременный.

Кандидат в президенты М. Елеусизов

М. Елеусизов поздравлял женщин с 8-м Марта, очищал родники, встречался с работниками городских служб и т.д. Однако всегда картинка была очень скучной, тусклой и неопрятной. Чаще всего на встречу с кандидатом в президенты в алматинских дворах приходили безработные и люди без определенного места жительства, и сей факт привел к отталкиванию от него других избирателей, которые наблюдали за этим зрелищем. Также нельзя не вспомнить про стратегический выбор М. Елеусизова, проголосовавшего за Президента Н. Назарбаева. Свое решение эколог объяснил признанием победы действующего Президента, которого он хотел поздравить вот таким неординарным поступком. Скорее всего, М. Елеусизов хотел продемонстрировать свою лояльность, чтобы обеспечить себе таким образом путевку в парламент (уже на следующий день после выборов он заявил о намерениях стать мажилисменом). Однако избиратели, кому близки проблемы экологии и которые голосовали за Мэлса Хамзаевича, оказались в

полной прострации. Фактически это может означать конец политической карьеры. Ведь обыграть можно было намного тоньше и красивее. Например, достойно проиграть и поздравить победителя. Другой вариант: провести отличную избирательную кампанию и за несколько дней до дня голосования открыто обратиться к своим избирателям с просьбой проголосовать за Н. Назарбаева. Это, по крайней мере, честно по отношению к избирателям.

Также попытались применить политические технологии и другие кандидаты, которые не прошли регистрацию в ЦИК. Например, смелым, хоть и политически безграмотным, шагом отличился самовыдвиженец Жаксыбай Базильбаев, который снял свою кандидатуру и потребовал от действующего Президента немалую сумму. Свой самоотвод несостоявшийся кандидат оценил в 100 миллионов долларов.

Следует отметить, что технология политического торга является нормальной электоральной практикой, когда один кандидат договаривается с другим. Однако это происходит в двух случаях:

- 1) если стороны «А» и «Б» являются потенциальными победителями и имеют приблизительно равные возможности;
- 2) если сторона «А» нуждается в дополнительных электоральных ресурсах, которые занимает сторона «Б» (как правило, не менее 10% голосов). В этом случае политические переговоры имеют смысл для обеих сторон.

Как и предполагалось, уход Ж. Базильбаева с избирательной гонки никак не повлиял на реконфигурацию электорального поля, поскольку уровень его поддержки очень низок. Самоотвод Ж. Базильбаева мог быть зачтен в том случае, если количество избирателей, готовых за него проголосовать, составляло бы не менее 10%, а сам Ж. Базильбаев, снимая свою кандидатуру, призвал сторонников поддержать действующего Президента.

Таким образом, кандидаты в президенты проделали большой объем работы, которой все же оказалось недостаточно для увеличения своих сторонников. Сразу было заметно отсутствие профессиональной команды политтехнологов, слабость или полное отсутствие стратегии избирательной кампании, календарного плана действий и т.д.

Интеллектуальные вызовы времени и проекция новаций в отечественной историографии

АЛИМГАЗИНОВ К.Ш.

Курс инноваций экономических, социальных, политических и тот темп, который им задал своей деятельностью Глава государства Н.А. Назарбаев, получили логическое свое освещение в нынешнем ежегодном Послании Президента народу Казахстана. Не будет заблуждением выделить, что вектор инновационного развития страны носит ключевую лексему Послания Президента РК Н.А. Назарбаева в 2011 г. И в дискурсе этого вектора обсуждения хотелось бы остановиться на одном из актуальных вопросов интеграции фундаментальной гуманитарной науки в звенья рыночных механизмов функционирования ноосистемы Клии.

Неслучайно, что Президент РК Н.А. Назарбаев в своем выступлении определил образование и науку в контексте социальной модернизации. Было подчеркнуто, что дальнейшая модернизация образования должна сопровождаться выработкой механизма инновационной деятельности, внедрением новых финансово-экономических инструментов поддержки образования и науки, разработкой накопительной системы по аналогии из финансового сектора, а также активным включением бизнес-структур в процесс профессиональной подготовки кадров.

В свете решения данного комплекса вопросов, озвученных в ежегодном Послании Президента РК народу Казахстана, необходимо формирование нового формата прикладного содержания отечественной исторической науки, отвечающего вызовам и стратегическим задачам конкурентоспособности казахстанского сектора экономики знаний. Механизм коммерциализации должен быть реализован через представление об интеллектуальной собственности в истории. Тут наиболее сложными и актуальными на практике являются проблемы формирования рыночных механизмов коммерциализации интеллектуальной собственности, каковой выступает в истории информация. Представление о ней, как о стратегическом ресурсе, генерирующем содержание исторического вектора развития суверенного государства, получило отражение в контексте освещения предстоящих задач в области образования и науки Казахстана. Содержательный дискурс неслучайно обозначен был применительно к изучению современной истории.

Возрастание роли и функций новых каналов инфокоммуникаций определило массовость современного формата трансляции и консервации исторической информации. Особой синкретической формой информационного обмена является информационно-коммуникационное пространство Интернет — современный цифровой формат генерации исторического текста. Исторический гнозис цифрового контента определен информационной политикой государства, объективными процессами информатизации всех сфер деятельности, национальными приоритетами дальнейшего формирования открытого демократического общества. Контекстный посыл коррелирован задачами по обеспечению информационной безопасности. Многообразие содержаний информационных потоков в современном обществе выражено через их консервацию, генерацию и регенерацию, что для Казахстана очевидно не только как социальное явление, оно получает отражение как ключевой вектор содержания политики, экономики, культуры. В этом ключе исследование новых форм документальных знаний актуализировано задачами детального анализа современной истории Казахстана. Поэтому определено, что обоснование применимости теории информации как подхода при историческом исследовании отвечает общему вектору актуальных задач исторической гносеологии.

Компьютеризация выделена в Послании Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана как эффективный механизм содержательного обновления отечественного образования и науки. Компьютерные технологии, проникая во все сферы человеческой деятельности, обеспечивают распространение информационных потоков в обществе, образуя глобальное информационное поле. Компьютеризация относится к числу крупномасштабных инноваций, пришедших в научную сферу в последнее десятилетие, она сопровождается качественными изменениями в исследовательской практике ученого, связана с обновлением не только инструментария научной эвристики, но и использованием компьютерных сетей в качестве новых способов передачи, трансляции знаний и форм обучения. Так, классификация исторического нарратива, отражающая свойство информации: цели создания, способы фиксации, каналы передачи, формы и объект отражения, целевое назначение, методы и принципы фиксации, содержание и ее характер, способствует расширению сложившихся в Казахстане представлений об историковедческой практике. Очевидно, что инновационное историографическое пространство ориентирует расширение спектра конкретно-прикладных исследований в Казахстане в рамках концепции междисциплинарного синтеза.

Активная интеграция отечественных исследователей в процессы информатизации, государственная поддержка и обеспечение свободного открытого доступа к мировой научной мысли формируют современную сферу научной синергии. Огромный массив электронных источников, по признанию ведущих зарубежных экспертов, выступает фундаментальным базисом для новаций в образовании и науке. Содержание такого общеметодологического вектора — это изучение познавательных возможностей электронного источника, его среды функционирования как инструмента обособления и суверенизации казахстанской компоненты в глобальной информационной мир-системе.

Озвученные в Послании Президента РК народу Казахстана задачи в области образования и науки нацелены на преодоление существующей диспропорции возможностей в использовании знаний, извлекаемых из печатных и электронных источников, дистанционности отечественных исследований от глобальных процессов научной информатизации, которые связаны, прежде всего, с технологией Интернет. Ныне возможность широкого доступа к информации, с одной стороны, и отсутствие разработанных научных подходов ее использования в исследованиях — с другой, формируют ограниченное представление о новом пространстве научной эвристики в истории. Однако было бы еще большим заблуждением выстраивать исторический анализ на аксиоматическом представлении о селективности источников информации по природе их происхождения.

Тут гораздо принципнее раскрыть гносеологический императив информационных и коммуникационных потоков в современной истории. Речь идет об изучении самой информации как исторического источника, форм ее материализации. Информация как константа — ключевой элемент при решении многоаспектных задач коэволюционной социальной системы исторических координат. Оставаясь такой на протяжении всей исторической эволюции, получая самые разнообразные формы и способы своего воплощения, тем не менее, ранее содержание информации определялось модальностью ее статического выражения, а историческая динамика ее содержания формулировалась как потребность и востребованность последнего после ее первичной коммуникации в социальном прошлом.

Очевидно, что дальнейшее формирование звеньев конкурентоспособности казахстанской науки, подчеркнутое Президентом страны Н.А. Назарбаевым в своем ежегодном Послании народу Казахстана, связано с использованием современных информационных технологий. В рамках формирования конкурентоспособной национальной инновационной системы, обеспечивающей эффективное развитие и использование новых знаний, необходимо развитие современной инфраструктуры для научной и инновационной деятельности, создание условий для интеграции казахстанской науки в мировую. Именно в этой связи комплекс затронутых вопросов заслуживает самого серьезного внимания со стороны отечественных исследователей.

Процесс активного обращения населения Казахстана в протестантские вероисповедания

УРКИМБАЕВА Р.Ж.

Протестантские церкви являются новой заметной силой в разных странах мира. Процесс глобализации стал для протестантизма своеобразным рычагом, с помощью которого миссионеры в кратчайшие сроки завоевывали общество в той или иной стране. Конечно, Казахстан не стал исключением в распространении данной религии.

Протестантизм в Казахстане, помимо всего прочего, является следствием глубоких интеграционных процессов, затронувших в различной степени Евразийский континент и в целом весь мир. Такое, некогда европейское, явление, как протестантизм, весьма быстро внедрилось на религиозное пространство дореволюционного Казахстана, заложив основы существования современных протестантских церквей, представленных в республике. Рассматривая современный протестантизм, видим его разветвленность, выражаемую наличием многочисленных течений. При этом большинство протестантских церквей близки в основных доктринальных вопросах и различны по некоторым позициям вероучений, а также типам богослужений, в то же время проявляя гибкость в вопросах осуществления совместных проектов (евангелизации, издательской и миссионерской деятельности, теле-, радиослужении и мн. др.).

Открытие границ и либеральное религиозное законодательство Казахстана способствуют активизации и расширению поля деятельности различных религиозных объединений и культов, что, в свою очередь, благоприятствует массовому наплыву в республику иностранных религиозных миссионеров и эмиссаров многочисленных религиозных и псевдо-религиозных общин и организаций. Часть их работает нелегально, в рамках тайной общины, но многие из них вполне легально занимаются пропагандой своей веры, содействуя скорейшему обращению населения республики в нетрадиционные для него вероисповедания, далекие и чуждые традиционной культуре, менталитету казахстанцев.

Для достижения своих целей зарубежные миссионеры оказывают материальное поощрение новообращенным, помогают им в поиске работы, способствуют трудоустройству их родных и близких, что находит широкий отклик среди лю-

дей с низким образовательно-культурным уровнем и невысоким материальным положением. Механизм расширения социальной базы иностранные миссионеры отладили достаточно эффективно, о чем говорит возросший контингент новообращенного населения республики. При этом основной упор делается на подготовку местных кадров. Так, например, большинство пришедших религиозных общин, таких, как «Благодать», «Агапе», «Новая жизнь», «Бахаи», «Свидетели Иеговы» и ряд других, возглавляют не иностранные пасторы, приехавшие в Казахстан или руководящие из-за рубежа, а этнические казахи и русские.

Одним из таких примеров является церковь «Новая жизнь» и относится к числу нетрадиционных. Собранию общины этой церкви присуща театрализованность. Библейские сюжеты во время проведения собрания разыгрываются проповедником и несколькими вызванными из зала верующими. Проповедники стараются упростить теологические термины, употреблять бытовую лексику и жаргонизмы. Сейчас большинство в ней составляют казахи и богослужение в церкви происходит на казахском и русском языках. При церкви «Новая жизнь» создана уйгурская община «Тюркский джамаат», что буквально переводится как тюркская община.

Церковь «Новая жизнь» была основана как религиозное объединение, находится в г. Алматы. Руководство церковью осуществляется Церковным советом во главе с пастором Максимом Максимовым.

Община организовала Библейский колледж, где обучаются представители стран СНГ. Они издают свою газету и журналы, имеются библейские курсы, миссии, тюремное служение, реабилитационный центр для наркоманов, отдел милосердия, благотворительная столовая для людей без определенного места жительства и детей из малообеспеченных семей, интернет-служение (христианский мегасайт на русском языке), христианский спутниковый телеканал CNL на русском и английском языках, также имеется детское, молодежное, подростковое служение. И с каждым днем они становятся все больше и многогранней, основывая новые подотделы и вспомогательные служения. В ближайшие планы развития Библейского центра «Новая жизнь» входит создание новых служений, таких, как библиотека, благотворительные курсы по подготовке кадров, в супружестве на всю жизнь (семейное), брачное агентство, женское служение и мужское служение, по подготовке проповедников, в помощь пастору, переводы книг, кассет и проповедей на разные языки, радио-служение, служение для разведенных и для тех, у кого брак на грани развода, служение для одиноких, служение финансиста пробуждения (жены Хузы) и мн. др.

Казалось бы, что ведется такая сильная работа (!), но почему-то бывшие прихожане церкви «Новая жизнь» после того, как уходят из нее, обвиняют общину в потере своего бизнеса, работы, квартиры и в итоге подают заявление в правоохранительные органы. Многие люди становятся жертвами манипуляции новых религиозных движений.

Таким образом, налицо факт религиозного прозелитизма, то есть процесса активного обращения населения в иные вероисповедания, осуществляемого в Казахстане за счет огромных финансовых вливаний извне. Вся их политика сводится к одному — обратить православное и мусульманское население Казахстана

протестантизм нового направления. При этом особую опасность представляет то обстоятельство, что ряд зарубежных миссионеров исповедует нетрадиционные антисистемные учения, запрещенные во многих западных странах.

В особенности в этом деле преуспели закрытые или запрещенные новые религиозные течения и движения. Наибольшую опасность из нетрадиционных вероисповеданий представляют собой движения с широкой сетью многочисленных ячеек, наподобие секты «Свидетели Иеговы». По ряду признаков к ним также можно отнести учения «Сунн Бок Им», «Агапе», «Новая жизнь» и др. Их опасность заключается в том, что они не приемлют инакомыслие, практикуют авторитарный стиль управления в рамках общины и ориентируются, главным образом, на обращение коренного и в целом мусульманского населения в свои религиозные движения. В плане потенциала экстремизма они представляют собой наибольшую опасность для развития межконфессиональных отношений в республике.

В целом христианский прозелитизм в Казахстане ориентируется на разнообразные цели и корректирует свою стратегию исходя из существующих реалий. Эту стратегию смог наиболее четко передать французский исследователь Себастьян Пейруз, расставивший приоритеты в деятельности христианского миссионерского движения в Казахстане следующим образом:

Первой целью миссионеров является прозелитизм в собственном окружении, который преимущественно был направлен на тех, кто уже был обращен в протестантизм, но кому, по мнению миссионеров, крайне необходимо было дать более глубокое религиозное образование.

Вторую цель представляют собой те, кто считает себя атеистами или заявляет о безразличии в вопросах религии.

Третьей целью являются люди, принадлежащие к христианству, но относящиеся к другим деноминациям, то есть течениям, что в особенности касается приверженцев православной церкви, в меньшей степени — католицизма и даже некоторых переживших спад протестантских направлений, таких, как лютеране или меннониты.

Четвертой целью зарубежного миссионерства является все мусульманское население Казахстана. Казахи, уйгуры, узбеки, татары и другие мусульмане составляют в долгосрочной перспективе главные цели христианского присутствия в Казахстане. Каждая кампания по обращению в веру, по замыслам миссионеров должна привести к росту числа общин, которые будут состоять исключительно из мусульманского населения республики.

Таким образом, главная цель христианского прозелитизма в Казахстане заключается в обращении приверженцев православия и ислама в различные протестантские деноминации. Это, в свою очередь, порождает негативную реакцию со стороны преобладающего большинства населения республики. В особенности это касается мусульманского населения республики, которое весьма болезненно относится ко всяким попыткам крещения своих единоверцев. В самих мусульманских семьях, как правило, также весьма критично относятся к переходу в другую веру, так что люди, отвергшие ислам, подвергают свою жизнь большей опасности.

В качестве основного вывода важно отметить следующее: протестантизм в Казахстане является следствием глубоких интеграционных процессов, затронувших в различной степени Евразийский континент и в целом весь мир. Протестантские церкви являются новой заметной силой в разных странах мира. Процесс глобализации стал для протестантизма своеобразным рычагом, с помощью которого миссионеры в кратчайшие сроки завоевывали общество в той или иной стране. Протестантизм весьма быстро внедрился на религиозное пространство Казахстана, заложив основы существования современных протестантских церквей, представленных в республике, что стало возможным благодаря высокому уровню веротерпимости и толерантности казахского, русского и других народов, а также миссионерской активности каждой из общин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухин А. Религиозные конфессии и секты. — М., 2005.
2. Норт Д. История церкви. Протестантизм. — М, 1993. — 416 с.
3. Клибанов А.И., Митрохин Л.Н. Религиозное сектанство и современность. — М: Наука, 1969. — С. 272—305.
4. Религия и глобализация на просторах Евразии / Под. ред. А. Малашенко и С. Филатова. Московский Центр Карнеги. — М: Неостром, 2005. — С. 343.
5. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. — М.: Наталис, 2007. — 360 с.

Прогнозная оценка перспектив экономики Казахстана в 2011 г.: внешние факторы и потенциал роста

ДОДОНОВ В.Ю.

Для оценки перспектив казахстанской экономики в следующем году требуется дать прогноз динамики основных факторов, определяющих ее рост, а также оценить влияние этих факторов на показатели роста ВВП. Соответственно, предварительно необходимо выделить такие факторы и взаимосвязь их динамики с динамикой ВВП. Наиболее значимые для казахстанской экономики факторы, в общем-то, очевидны — это макроотрасли, занимающие максимальную долю в структуре ВВП, объемы экспорта, а также кредитная активность банков, наиболее явно представляющая фактор финансирования производства и потребления.

Крупнейшей сферой экономики по доле в ВВП Казахстана традиционно остается промышленность (29,4% по итогам 2009 г.), а в структуре самой промышленности крупнейшим видом деятельности является добыча сырой нефти (51,2% за десять месяцев 2010 г.). Соответственно, оба эти показателя входят в число важнейших факторов динамики ВВП. Экспортная ориентация казахстанской экономики на всем протяжении ее развития оставалась важнейшим фактором роста, в связи с чем также целесообразно выявить влияние экспорта на ВВП. В начале 2000-х гг. появился еще один важный драйвер роста — растущая кредитная активность банков второго уровня, которая во многом предопределила опережающее развитие в середине 2000-х гг. таких видов деятельности, как торговля, строительство и операции с недвижимостью. Доля этих видов деятельности в ВВП заметно увеличилась в данный период в основном именно за счет бурного кредитования ипотеки и потребительских расходов населения. То есть банковский сектор стал в этот период вторым после сырьевых отраслей локомотивом роста казахстанской экономики, что также наглядно подтвердил кризис 2008—2009 гг., когда вследствие прекращения роста кредитования те же самые отрасли, которые до этого быстро росли, пережили сильный спад.

Таким образом, к числу важнейших факторов, чья взаимосвязь с динамикой ВВП наиболее наглядна, можно отнести рост промышленности, и нефтяной отрасли в частности, а также динамику объемов экспорта и кредитов БВУ эконо-

мике. В таблице приведены параметры роста этих четырех показателей в сравнении с динамикой ВВП Казахстана в период 2001—2010 гг. (в 2010 г. использованы данные за три квартала года, которые сравниваются с аналогичным периодом 2009 г.).

Показатели роста ВВП Казахстана в сравнении с динамикой промышленного производства, добычи нефти, экспорта и кредитов БВУ в период с 2001 по 2010 г.*

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	9 мес. 2010
Рост ВВП	13,5	9,8	9,3	9,6	9,7	10,7	8,9	3,3	1,2	7,5
Рост промышленного производства	13,8	10,5	9,1	10,4	4,8	7,2	5,0	2,1	2,7	10,4
Рост нефтедобычи, в натуральном выражении	13,5	17,9	8,8	15,6	3,4	5,7	3,3	5,3	8,2	4,0
Рост экспорта	-3,9	12,3	32,0	55,7	37,4	37,0	24,7	48,9	-38,9	47,2
Рост кредитов	77,3	37,3	45,5	51,7	74,7	81,0	54,7	2,8	2,5	-6,6

Анализ приведенных в таблице динамических рядов позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, очевидно, что динамика ВВП страны больше всего близка к темпам роста промышленного производства. Это вполне объяснимо, учитывая, что промышленность вносит максимальный вклад в ВВП по сравнению с другими видами экономической деятельности. В то же время можно отметить, что в период с 2005 по 2007 г., когда темпы роста промышленности были не очень велики, ВВП продолжал расти высокими темпами. Это происходило за счет других отраслей, которые в настоящий период росли опережающими темпами и заметно увеличили свою долю в ВВП (прежде всего, строительство и финансовая деятельность). К 2007 г. совокупная доля этих двух видов деятельности увеличилась до 15,3% с 9%, которые они занимали в ВВП еще в 2004 г. Бурный рост данных отраслей и в то же время возмещение ими недостаточного высокого промышленного роста в этот период происходило в первую очередь вследствие взрывной динамики кредитной активности — объем кредитов БВУ экономике вырос с 1,48 трлн тенге в 2004 г. до 7,26 трлн на конец 2007 г. Таким образом, кредитная активность банков в данный период стала очень существенным фактором роста, который непосредственно отражался на показателе роста ВВП, компенсируя за счет кредитруемых отраслей недостаточную высокую динамику промышленного роста.

С другой стороны, промышленность оставалась и остается до настоящего времени основным фактором роста, роль которого заметно возросла в кризисный и посткризисный периоды, когда роль кредитного фактора была нивелирована. В промышленности же основным драйвером является нефтедобыча, которая практически так же тесно коррелирована с динамикой ВВП, как и динамика промышленности в целом. Начиная с 2008 г., когда практически остановилось кредитование банками экономики, именно промышленность и ее нефтегазовая состав-

* Рассчитано согласно данным АРКС и Национального банка.

ляющая стали основными «якорями» казахстанской экономики, не позволившими ВВП уйти в отрицательную зону.

Что же касается экспорта, то динамика этого показателя не столь существенно влияла на ВВП, особенно в период кризисных 2008 и 2009 гг., как можно было ожидать. Так, снижение объемов экспорта по итогам 2009 г. почти на 39% произошло на фоне потери только 2,1 процентных пунктов роста ВВП. При этом наблюдавшийся в 2008 г. резкий рост объемов экспорта на 49% (почти на 24 млрд долл. США — около четверти ВВП Казахстана) не предотвратил сильное замедление темпов роста экономики, которые уменьшились на 5,6 процентных пункта.

Из всех основных макроэкономических факторов, обуславливающих динамику ВВП, таким образом, наиболее значимыми для казахстанской экономики являются рост промышленности как крупнейшего ее компонента и кредитная активность банков. Однако в посткризисный период фактор банковских кредитов перестал действовать из-за фактического прекращения кредитования экономики, что позволяет говорить о том, что в краткосрочной перспективе, в том числе и в 2011 г., динамику ВВП страны будет определять фактически единственный фактор — промышленное производство.

В промышленности же ключевой отраслью, детерминирующей ее рост, остается нефтегазовая, а также металлургия. На металлургию приходится около половины объема продукции обрабатывающей промышленности, которая на всем протяжении 2010 г. росла опережающими темпами. И именно этим фактором доминирования металлургии в обрабатывающей промышленности в первую очередь был вызван бурный рост обрабатывающих отраслей в целом. В частности, по итогам восьми месяцев 2010 г. темпы роста в обрабатывающей промышленности росли значительно быстрее, чем в других отраслях промышленности — на 19,1% против роста на 5,8% в горнодобывающих отраслях (сравнительная динамика темпов роста основных видов промышленного производства приведена на рис. 1).

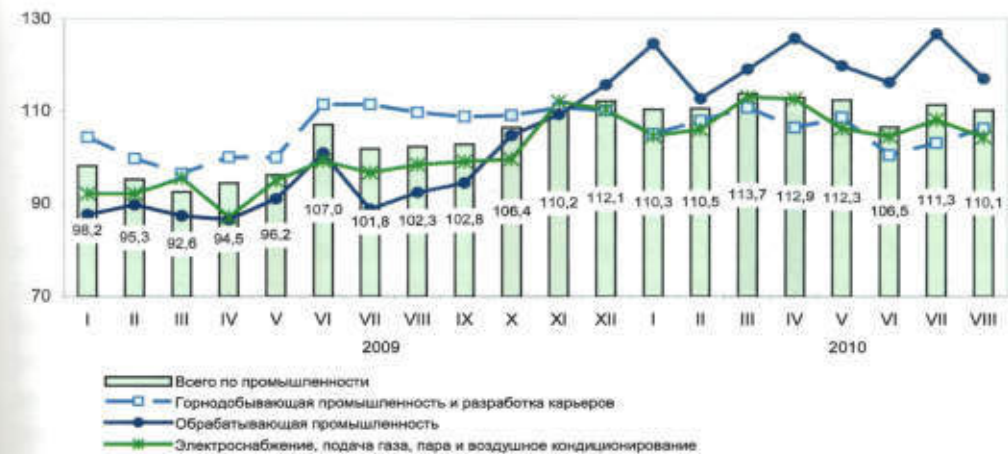

Рис. 1. Индексы физического объема промышленной продукции, в % к аналогичному месяцу прошлого года

* Данные Агентства РК по статистике. Итоги работы промышленности Республики Казахстан в январе — августе 2010 г.

Следует, однако, отметить, что и в опережающем росте обрабатывающих отраслей также существенную роль сыграл ценовой фактор. Основной отраслью обрабатывающей промышленности является металлургия, дающая примерно половину объема данных отраслей. Рост производства в металлургии происходил на фоне повышения цен на металлы на мировых рынках, которое за прошедший год шло более высокими темпами по сравнению с нефтяными ценами. Так, нефть сорта Brent за период с июля 2009 по июль 2010 г. подорожала с 70 до 76 долл. США (на 8,5%), тогда как алюминий — на 19% (с 1 667 до 1 988 долл. США за тонну), медь — на 29% (с 5 215 до 6 735 долл. США), цинк — на 17% (с 1 579 до 1 843), золото — на 28% (с 934 до 1 193 долл. США за унцию). Таким образом, в увеличении объемов производства продукции металлургии основную роль сыграл в первую очередь ценовой фактор, что и предопределило более высокие темпы роста обрабатывающей промышленности по сравнению с добывающей.

Все эти факты свидетельствуют о том, что рост промышленности Казахстана (причем не только добывающих, но и обрабатывающих отраслей) по-прежнему остается почти полностью обусловленным конъюнктурой мировых товарных и финансовых рынков. В свою очередь, промышленность определяет динамику ВВП, а вся цепочка зависимости динамики казахстанской экономики выглядит следующим образом: цены мировых рынков определяют стоимостное выражение объемов промышленности по двум основным ее компонентам — нефтегазовой и металлургии — двум макроотраслям, обеспечивающим в совокупности свыше 70% промышленного производства (рис. 2). Промышленность же предопределяет динамику ВВП в целом.

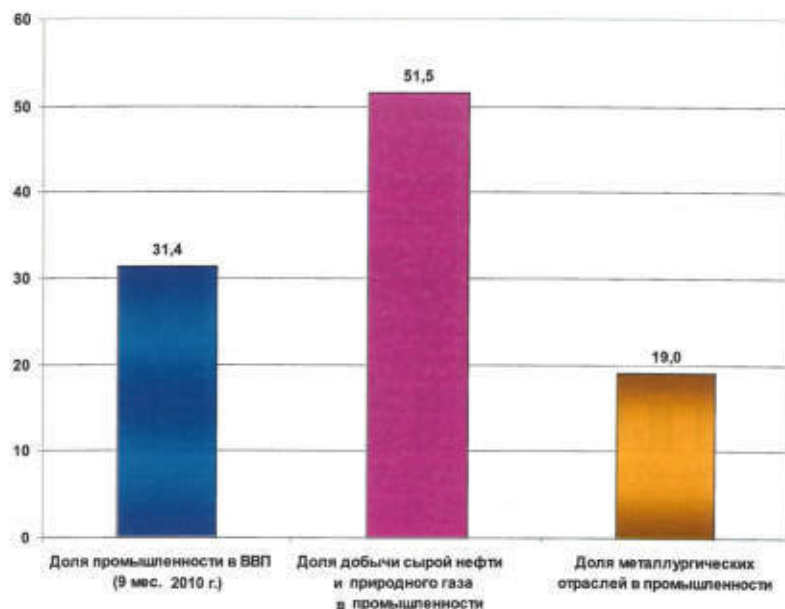

Рис. 2. Значение ведущих макроотраслей в экономике Казахстана (по итогам 11-ти месяцев 2010 г.)

* Данные Агентства Республики Казахстан по статистике. Социально-экономическое развитие Республики Казахстан (Краткий статистический бюллетень), январь — ноябрь 2010 г. — Астана, 2010.

Фактически, исходя из структуры промышленного производства Казахстана, более 20% ВВП формируется промышленными отраслями, объемы производства которых полностью определяются ценами мировых рынков — нефтегазовой и металлургией*. Это означает, что и вся динамика казахстанской экономики в настоящее время определяется динамикой мировых рынков сырья. Следовательно, для прогнозирования перспектив экономики страны в 2011 г. необходимо прогнозировать цены мировых рынков нефти и металлов.

Рассматривая перспективы нефтяного рынка в 2011 г., необходимо обратиться, прежде всего, к прогнозам авторитетных профильных организаций, таких, как ОПЕК или Управление энергетической информации США (EIA), а также ведущих финансовых организаций, специализирующихся в том числе и на операциях на товарных рынках. Наиболее свежие прогнозы и оценки уровней нефтяных цен на будущий год от данных организаций приводятся ниже.

На брифинге в эквадорской столице Кито в начале декабря министр нефтяной и горнодобывающей промышленности Эквадора Вилсон Пастор, занимающий пост президента ОПЕК, высказал мнение, что рост спроса на нефть в 2011 г. будет ниже по сравнению с текущим годом. Он также заявил, что цена в 75—85 долл. США за баррель устроит как производителей, так и потребителей нефти.

По прогнозам EIA, цена на нефть сорта WTI составит 83 долл. США за баррель в следующем году, что на 3 долл. США за баррель ниже прогнозов, сделанных также EIA ранее. К концу 2011 г. EIA ожидает цену на этот сорт нефти на уровне 84 долл. США за баррель.

Российские государственные органы также дают прогнозы, близкие к вышеуказанным. Так, в июне Минэкономразвития РФ снизило прогноз среднегодовой цены на нефть в 2011 г. до 75 долл. США с 76 долл. США за баррель. Бюджет России на следующий год разработан исходя из 75 долл. США за баррель нефти.

Если рассматривать прогнозы нефтетрейдеров и финансовых компаний, оперирующих на данном рынке, то можно отметить, что они также укладываются в достаточно узкий диапазон. Так, в середине октября глава крупнейшего в мире швейцарского нефтетрейдера Vitol Ян Тейлор сделал прогноз о том, что цены на нефть в следующем году достигнут максимум 85 долл. США за баррель, несмотря на рыночные ожидания их роста до отметки в 100 долл. США за баррель.

Прогнозы, дававшиеся в конце ноября — начале декабря крупнейшими финансовыми организациями, также близки к интервалу 75—85 долл. США. Один из крупнейших в мире банков — американский банк JP Morgan понизил свои прогнозы по цене на американский сорт нефти WTI с 88 долл. США до 81,75 долл. США за баррель, на североморский сорт нефти Brent — с 88,6 долл. США до 82,25 долл. США за баррель. В 2011 г. аналитики JP Morgan прогнозируют среднюю цену на WTI на уровне 90 долл. США за баррель, на Brent — на уровне 92 долл. США за баррель.

По прогнозам аналитиков одной из ведущих британских консалтинговых компаний по экономическим исследованиям Capital Economics, средняя цена на нефть

* На рисунке 2 в металлургические отрасли включены как собственно металлургия (компонент обрабатывающей промышленности), так и добыча металлических руд (компонент добывающей промышленности).

сорта Brent в 2011 г. составит 60 долл. США за баррель, что, впрочем, явно выбивается из общего уровня прогнозов и представляется заниженной оценкой. Немецкий Deutsche Bank в 2011 г. прогнозирует среднюю цену на уровне 80 долл. США за баррель.

Таким образом, за редкими исключениями, большинство экспертных мнений от ведущих на нефтяном рынке организаций предполагает ценовой диапазон на 2011 г. в интервале 75—90 долл. США.

Что же касается цен на промышленные металлы, то по ним также большинством аналитиков предполагается рост. Это вполне естественно, так как большинство сегментов товарных рынков движутся однонаправленно, и если прогнозируется рост наиболее ликвидного товарного актива — нефти, то и другие товары также будут следовать повышательной тенденции. Мнения различных экспертов относительно перспектив роста цен на металлы отличаются лишь уровнями, но тенденцию роста прогнозируют большинство участников рынка.

Так, аналитики Barclays Capital повысили прогноз цен на цветные металлы в 2011 г. По их мнению, медь в среднем будет стоить в следующем году 9 550 долл. США за тонну против ранее ожидавшихся 8 038 долл. США. Прогноз для алюминия повышен до 2 500 долл. США за тонну, для свинца — до 2 475 долл. США за тонну и для никеля — до 25 625 долл. США. Кроме того, эксперты улучшили оценку для олова до 26 875 и для цинка — до 2 538 долл. США за тонну.

Также позитивны оценки рынка цветных металлов от компании Natixis Commodity Market, ожидающие, что средняя стоимость меди в следующем году составит 8 476 долл. США за тонну, что на 7,5% выше прогнозируемого на этот год показателя. Аналитики Citigroup также повысили прогноз цен на металлы в 2011 г., в частности, они прогнозируют, что средняя цена алюминия будет составлять 1,178 долл. США за фунт, что на 16% лучше прежних ожиданий, и меди — 4,14 долл. США за фунт (повышение на 26%). Для никеля прогноз был увеличен на 18% — до 11,3 долл. США за фунт и для цинка — на 25%, до 1,124 долл. США за фунт. Наиболее существенно была повышена оценка стоимости свинца — на 36%, до 1,16 долл. США за фунт.

Аналитик Deutsche Bank AG Джон ДеАнджелис полагает, что цена меди может достигнуть новых максимумов в следующем году. По его мнению, рост цен на медь будет поддерживаться высоким физическим спросом на металл одновременно с низкими темпами увеличения его запасов и значительным инвестиционным спросом. Отметим, что рыночная ситуация уже опередила этот ноябрьский прогноз — новый исторический рекорд цена меди установила уже в этом году — 14 декабря на торгах в Лондоне был отмечен уровень в 9 259,75 долл. США.

Таким образом, по мнению подавляющего большинства аналитиков и практиков мировых рынков, перспективы на 2011 г. как по нефти, так и по металлам благоприятны и предполагают рост цен данных активов. Соответственно, можно ожидать, что этот рост окажет положительное влияние на стоимостные объемы промышленного производства в Казахстане и, как следствие, на увеличение ВВП страны. Вопрос в данном случае состоит в конкретизации оценок этого роста.

Уточнение параметров динамики казахстанской экономики в 2011 г. возможно на основе сопоставления динамики ВВП страны и цен на нефть на мировых рынках (рис. 3). Данные за 2010 г. на этом графике приведены на основе наших прогнозов по росту ВВП (6,5%) и ожидаемых среднегодовых цен на нефть на уровне 80—85 долл. США за баррель (средняя цена нефти Brent в 2008 г. составила 99, а в 2009 — 61 долл. США). Рост добычи нефти и газового конденсата в натуральном выражении за 11 месяцев текущего года составил в Казахстане 4%, этот же показатель принят в качестве годового.

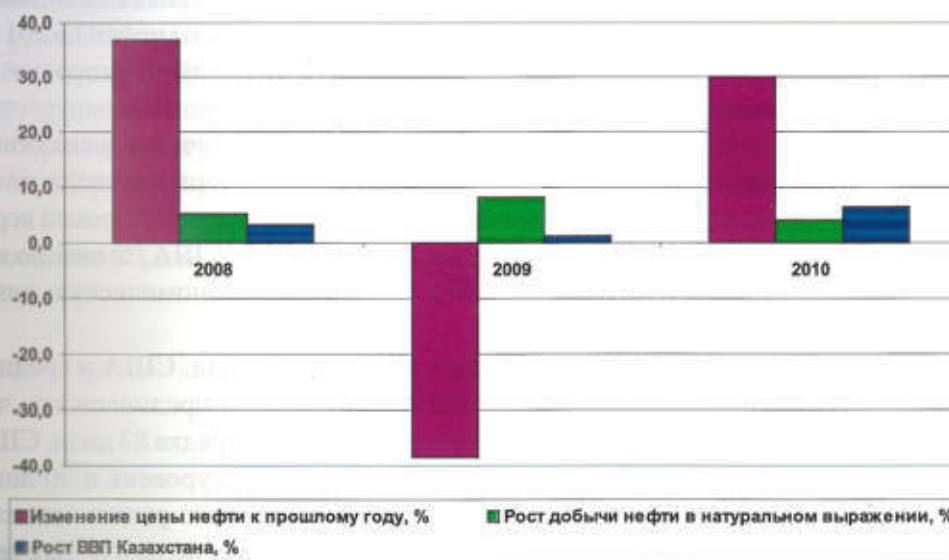

Рис. 3. Сравнительная динамика изменения среднегодовой цены нефти, объемов нефтедобычи в Казахстане и ВВП страны (2010 г. — прогноз)

Исходя из представленной на графиках динамики рассматриваемых показателей, можно сделать вывод о том, что рост цены нефти на 10% в стабильных условиях обуславливает рост ВВП Казахстана примерно на 2—3 процентных пункта. Под стабильными условиями в данном случае понимается состояние бескризисного развития мировой и казахстанской экономики, с одной стороны, и умеренные стабильные темпы роста натуральных объемов нефтедобычи на уровне около 5% — с другой.

Эта закономерность подтверждается и сопоставлением динамики нефтяных цен и ВВП Казахстана и на более длительных временных отрезках. Так, в период с 1998 по 2008 г. среднегодовая цена нефти Brent выросла в 8,1 раза — с 12,2 до 99 долл. США за баррель (на 710%). В натуральном выражении рост нефтедобычи в этот же период составил 195%, увеличившись с 26 млн тонн в 1998 г. до 76,5 млн тонн в 2008 г. Это означает, что суммарная стоимость добытой в стране нефти по среднегодовым ценам мирового рынка увеличилась примерно в 24 раза (на 2 300%).

ВВП Казахстана в долларовом выражении в этот же период увеличился (по данным МВФ) в 6,2 раза — с 21,6 до 133,7 млрд долл. США (на 520%).

2 300 процентных пункта роста стоимости добытой нефти соотносятся с 520% роста ВВП в соотношении 4,4, то есть так же, как было обозначено выше — 10 процентных пунктов роста нефтяных цен означают рост ВВП на 2,3%. Резкие ценовые скачки в период кризисных 2008 и 2009 гг. несколько искажают общую тенденцию, но в целом зависимость между ценами на нефть и ростом ВВП достаточно четко выражена.

Исходя из полученных цифр, характеризующих типичное соотношение роста цен на нефть и казахстанского ВВП и имея прогноз нефтяных цен на 2011 г. можно достаточно обоснованно прогнозировать и перспективы роста экономики.

Прежде всего, необходимо уточнить прогнозное значение цены нефти на 2011 г. По мнению большинства ведущих международных организаций, коридор цен на нефть сорта Brent может составить 75—90 долл. США за баррель. На наш взгляд, это вполне обоснованные уровни для среднегодовой цены, с учетом возможных в течение года выходов котировок за пределы данного коридора как вверх, так и вниз. Если принять в качестве среднегодовой цены более оптимистический верхний предел данного коридора экспертных оценок в 90 долл. США, то можно попытаться спрогнозировать влияние данной цены на макроэкономическую динамику Казахстана в 2011 г.

Исходя из нынешнего уровня нефтяных цен свыше 90 долл. США и средней цены за 11 месяцев текущего года в 78,7 долл. США, можно предположить, что итоговая среднегодовая цена за 2010 г. сложится на уровне порядка 83 долл. США для сорта Brent. Таким образом, прогнозируемый на 2011 г. уровень в 90 долл. США даже при благоприятном сценарии динамики нефтяного рынка означает рост цены в будущем году относительно 2010 г. только примерно на 8%. Как свидетельствуют эмпирические закономерности взаимосвязи нефтяных цен и ВВП Казахстана, такой рост нефтяных цен позволяет прогнозировать рост национальной экономики на 2 процентных пункта.

Если же рассматривать другие факторы роста, то они, по нашему мнению, не смогут оказать существенной поддержки увеличению ВВП. В частности, динамика обрабатывающей промышленности в будущем году вряд ли будет столь же интенсивной, как в текущем (18,8% за 11 месяцев), что обусловлено гораздо меньшим потенциалом роста металлургии за счет ценового фактора. 20—30-процентный рост цен на основные металлы вряд ли возможен в будущем году после достижения некоторыми металлами исторических максимумов. Скорее, наоборот, следует ожидать коррекции, которая часто происходит после достижения новых рекордных значений. Учитывая, что рекордные цены наблюдаются в настоящее время, такую коррекцию можно ожидать уже в I квартале 2011 г. В случае заметной коррекции цен на металлы, можно прогнозировать не увеличение, а, напротив, снижение индекса промышленного производства в металлургии, по крайней мере, в отдельных кварталах, что окажет давление на динамику промышленности в целом, а также ВВП.

Фактор кредитной активности в будущем году также не станет существенным фактором роста, что обуславливается как сохраняющимися проблемами у самих банков, так и нехваткой в посткризисный период надежных заемщиков.

Также не следует ожидать в 2011 г. и столь же резкого роста объемов экспорта, какие наблюдались в текущем году. Рост 2010 г. был обусловлен преимущественно ценовым фактором и при прогнозируемом на будущий год весьма ограниченном потенциале роста цен на нефть и металлы трудно ожидать увеличения экспорта более чем на 15—20% даже с учетом наращивания его натуральных объемов.

Таким образом, исходя из внешних факторов, определяющих динамику казахстанской экономики, ее перспективы в 2011 г. можно охарактеризовать как умеренно позитивные. Правомерно ожидать роста ВВП по итогам года в интервале 1,5—3%, однако вполне возможны отрицательные показатели роста в отдельных кварталах относительно аналогичных периодов 2010 г. Наиболее вероятным возможным снижением ВВП представляется во II квартале, что объясняется, во-первых, фактором базы сравнения (во II квартале 2010 г. был отмечен максимальный рост, относительно которого труднее сохранить позитивные темпы роста) и, во-вторых, возможной коррекцией цен на товарных рынках, которая может произойти в I или начале II квартала.

Проблемы постсоветского регионализма

МУХАМЕДЖАНОВА Д.Ш.

Современные подходы к региональной экономической интеграции, в соответствии с теорией геоэкономической регионализации, сводятся к выделению «больших пространств» (региональных группировок), экономический потенциал которых может противостоять мировому экономическому влиянию. Согласно этой теории, рассматриваются различные модели регионализма, которые находятся на том или ином этапе региональной экономической интеграции — от создания зоны свободной торговли (ЗСТ) до валютного союза.

Ранее основным признаком региональной экономической интеграции являлась принадлежность к единому территориальному пространству и одной группе стран (по признаку единства экономического уровня развития или политических предпочтений). Сегодня, на наш взгляд, все большее экономическое влияние приобретают международные союзы развитых и развивающихся стран и межрегиональные международные союзы, в том числе созданные по отраслевому признаку.

Особенностью современного этапа геоэкономической регионализации является стремление развитых экономик к глобальному экономическому контролю вне географических границ региона. Так, например, контроль над Евразией или Центральной Азией является ключевой проблемой большинства классических геополитических концепций. Евразия становится эпицентром мирового экономического развития, так как здесь расположены два из трех мировых центров (западная Европа и Япония) и новые глобальные игроки в лице КНР, Индии и России.

На постсоветском пространстве существуют как географические, так и экономические предпосылки для реализации потенциала глобального влияния региональных интеграционных группировок СНГ и ЕврАзЭС в Евразии. А тенденции развития постсоветских международных союзов позволяют говорить о становлении модели евразийского регионализма.

Региональные модели межгосударственного интегрирования

Региональный аспект межгосударственного интегрирования наиболее полно отражен в экономических источниках, что обусловлено объективными предпосылками интеграции, прежде всего, в пределах высокоразвитых регионов мира.

Классической является *европейская модель интеграции*. История Европейского Союза (EU) отражает переход от самых простых форм интеграции к высшей ступени интеграционного взаимодействия (экономическому и валютному союзу)^{*}. Региональная политика Европейского Союза на современном этапе нацелена на расширение экономических границ за счет соседних регионов.

Особенностью *североамериканской модели интеграции* стало объединение стран с принципиально разными уровнями и масштабами экономик. В 1988 г. между США и Канадой было заключено соглашение о зоне свободной торговли, а в 1992 г. подписано соглашение между США, Канадой и Мексикой о Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА)^{**}, вступившее в силу в январе 1994 г. Главной задачей НАФТА является создание единого континентального рынка. Создание НАФТА было обусловлено в первую очередь политическим фактором, связанным с геополитической трансформацией в Евразии после распада Советского Союза и усилением интеграционных процессов в Европе и АТР. Ведущая экономическая роль в НАФТА принадлежит США. В Ассоциации отсутствуют наднациональные органы и единая экономическая и валютно-финансовая политика.

Латиноамериканские модели интеграции в отличие от предыдущих характеризуются как экстенсивные модели межгосударственного интегрирования. Первыми интеграционными объединениями стали созданные в 1960-х гг.: Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАФТА) и Центральноамериканский общий рынок (САСМ)^{***}. Однако с момента их создания качественного развития интеграционных процессов в Латинской Америке не произошло. Так, созданная Латиноамериканская ассоциация свободной торговли преобразовалась в так называемую Андскую группу на основе Картахенского соглашения (ANCOM) и Латиноамериканскую ассоциацию интеграции (ЛАИА)^{****}. В 1973 г. в качестве преемника Карибской ассоциации свободной торговли (CARIFTA) было создано Карибское сообщество (CARICOM)^{*****}.

Наиболее высокую интеграционную динамику демонстрирует региональный интеграционный блок «Общий рынок Юга» (MERCOSUR)^{*****}. Лидерами международного союза, учрежденного в 1991 г., являются Аргентина и Бразилия. Важным направлением регионального сотрудничества явилась совместная энергетическая политика, предусматривающая создание объединенной энер-

* Этапы формирования ЕС: Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество, Европейское сообщество по атомной энергии, ЕС (15—27).

** North American Free Trade Area (НАФТА) — крупнейшая региональная зона свободной торговли с населением более 400 млн чел.

*** Latin American Free Trade Association (ЛАФТА), Central American Common Market (ЦАОМ) — объединяет пять стран-участников: Коста-Рику, Сальвадор, Гватемалу, Гондурас, Никарагуа.

**** Andean common market (Андская группа) — в составе Боливии, Колумбии, Эквадора, Перу, Венесуэлы создана в 1969 г. (с 1973 г. в составе группы — Венесуэла). Территория — 4,8 млн км², численность населения — 111 млн чел. ЛАИ (Latin American Integration Association) создана в 1980 г. В ее состав входят: Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Куба, Мексика, Парагвай, Перу, Уругвай, Чили и Эквадор.

***** Карибская Ассоциация Свободной Торговли просуществовала с 1965 по 1972 г. В Caribbean Community and Common Market (КАРИКОМ) входят 15 стран Карибского бассейна.

***** Mercado Común del Cono Sur (МЕРКОСУР), созданная как зона свободной торговли, впоследствии преобразованная в Таможенный союз, охватывает территорию в 12 млн км² с населением около 200 млн человек, здесь производится примерно половина ВВП Латинской Америки. В составе союза: Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай.

госистемы и освоение месторождений нефти и газа. В целом созданные интеграционные группировки в Латинской Америке не реализовали предпосылки для перехода к более совершенным формам интеграционного взаимодействия.

Модели азиатского регионализма представлены Организацией азиатско-тихоокеанского сотрудничества (АПЕС)*, созданной в 1989 г. как межрегиональный союз, имеющий неформальный характер, и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)**, организованной в 1967 г., основной целью которой является формирование Восточно-Азиатской зоны свободной торговли. Другие региональные группировки не получили такого развития и не оказывают существенного влияния на экономику региона.

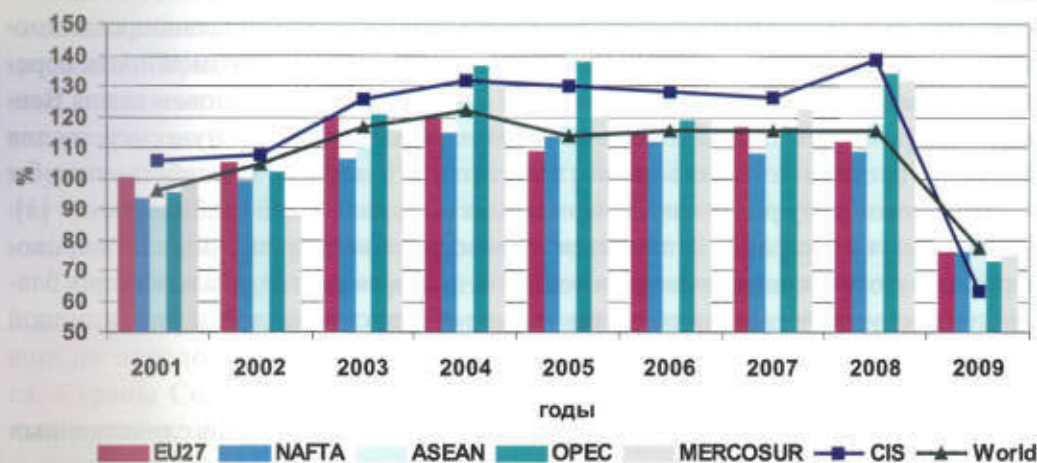
Модели региональной интеграции Африканского континента объединяет слабая взаимодополняемость и экономическая база национальных хозяйств. Количество созданных в Африке региональных организаций достаточно велико. Наиболее значимыми являются: Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЕКОВАС), Таможенный и экономический союз Центральной Африки (ЕМССА), Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА)***.

Вне региональных аспектов экономической интеграции в их классическом понимании находится Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК)****, созданная по принципу отраслевой интеграции. Члены организации согласовывают размеры добычи нефти и устанавливают единые экспортные цены. ОПЕК выступает с помощью квот добычи нефти в роли важного регулятора мирового рынка.

Интеграция постсоветского пространства рассматривается нами как важный элемент системы межгосударственного интегрирования. Развитие интеграционных процессов осуществляется в рамках международных союзов СНГ и ЕвразЭС.

Особенностью этой модели является возврат к созданию общего рынка после этапа экономической дезинтеграции и формирования рыночной экономики в условиях распада единого экономического советского пространства и разрушения структуры экономики. В то же время ресурсный потенциал и его востребованность в мире позволили обеспечить высокую динамику развития СНГ. В период с 2001 по 2008 г. динамика товарооборота СНГ превышала среднемировой уровень. Однако в 2009 г. на пространстве СНГ наблюдалось и наиболее резкое снижение объемов торговли по сравнению с другими региональными блоками, что свидетельствует о большей зависимости груп-

пировки от мировой экономической конъюнктуры, в частности цен на минеральное сырье (рис. 1).

Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook, Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 1. Динамика мирового товарооборота и товарооборота основных региональных интеграционных группировок в период с 2001 по 2009 г., в % к предыдущему году

Необходимую динамику региональной интеграции на постсоветском пространстве придают процессы формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана и России, а также соглашение о зоне свободной торговли в рамках СНГ, которое планируется подписать в апреле 2011 г. Это дает основание утверждать, что на постсоветском пространстве идет становление *модели евразийского регионализма*.

Тенденции регионализации

Основной задачей региональных объединений развивающихся стран является обеспечение их успешной интеграции в мировую экономику.

Первая волна регионализма в развивающихся странах (1960-е гг.) в целом потерпела неудачу. *Вторая волна* (или «второй регионализм») 1990-х гг. связана с образованием региональных блоков, нацеленных на преодоление экономической отсталости развивающихся стран и создание предпосылок их экономической интеграции с развитыми экономиками.

Сегодня, на наш взгляд, интеграционные процессы находятся в начале *третьего этапа (или волны) регионализма*. Нам представляется, что предпосылкой для образования новой волны регионализма стал глобальный экономический кризис и формирование многополярной мировой системы, что привело к изменению роли региональных блоков в мировой экономике.

Начиная с середины прошлого века и, особенно, в последние десятилетия, глобализация и интеграция являются основными тенденциями интернационализа-

* Asian-Pacific Economic Cooperation (АПЕС) организован в 1989 г. Консультативный статус АПЕС как межправительственного форума подкрепляется ежегодными встречами лидеров экономик. В составе организации: 5 стран Америки, 13 стран Азии, также Россия, Австралия, Новая Зеландия.

** Association of South-East Asian Nations (АСЕАН) действует на принципах «открытого регионализма». Население превышает 480 млн чел. В ее составе: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд.

*** Economic Community of West African States (ЕКОВАС) создан в 1975 г., членами являются 16 государств Западной Африки. Цель — создание общего рынка, экономического и валютного союза.

Economic and Monetary Community of Central Africa (ЕМССА) функционирует с 1966 г. на базе общего рынка и валюты. В его составе 6 государств Центральной Африки.

Common Market for Eastern and Southern Africa (КОМЕСА) образован в 1994 г. как преемник зоны преференциальной торговли государств Восточной и Южной Африки. В его составе 19 государств.

**** Organization for Economic Cooperation and Development (ОПЕК) создана в 1960 г. В составе международной организации страны — экспортеры нефти: Алжир, Ангола, Иран, Ирак, Венесуэла, Кувейт, Саудовская Аравия, Катар, Индонезия, Ливия, ОАЭ, Алжир, Нигерия, Эквадор.

ции мирового хозяйства. В сегодняшней ситуации они обеспечивают сбалансированность и устойчивость мировой экономической системы, несмотря на кардинальное изменение их роли и значения в этих процессах.

До кризиса глобализация оставалась главным фактором сбалансированности мировой экономической системы. Нынешний кризис дал возможность пересмотреть мировую политику, архитектуру и организации. По словам главы Всемирного банка, «мы имеем возможность создать новую глобальную систему для XXI в. — систему “ответственной глобализации”, которая способствовала бы сбалансированному росту мировой экономики и финансовой стабильности» [1]. Региональная интеграция становится главным условием устойчивости мирового развития, обеспечивая «множественность полюсов роста», оказывающих благоприятное воздействие на создание «более сбалансированной и инклюзивной модели мирового экономического развития» [2].

Реальностью многополярного мира является:

- невозможность отдельных государств претендовать на роль единственных центров или глобальных органов власти;
- становление социально-экономических систем в форме международных союзов государств (которые сохраняют свой суверенитет) в качестве основных субъектов глобального управления;
- формирование новых центров мирового влияния в лице международных альянсов, региональных блоков или группировок.

Региональные группировки, косвенно поддерживая политическую глобализацию, способствуют формированию более эффективного глобального управления, облегчая достижение компромисса в процессе принятия решений на глобальном уровне, а также увеличивают возможности опосредованного участия малых государств в глобальном управлении, повышают их шансы на реализацию своих интересов.

Первая и вторая волны регионализма связаны с глобальным влиянием блоков «классического регионализма» (Европа, АТР и Северная Америка) и блоков «нового регионализма» (АПЕК, АСЕАН, MERCOSUR и т.п.).

В посткризисной экономике реально возрастает влияние блоков «трансконтинентального» регионализма, к которым, по нашему мнению, следует отнести группировки постсоветского пространства (СНГ, ЕврАзЭС) и, возможно, ШОС, рассматриваемые в качестве элементов «трансазиатского блока», неформальный союз стран BRIC как пример «межконтинентального регионализма» и потенциально мощный экономический блок, а также инициируемый США союз с КНР.

Постсоветская экономика в мировом пространстве

В мировом сообществе СНГ признано международным союзом государств оказывающим определенное влияние на мировую экономику, наряду с другими региональными группировками, рассмотренными выше. Новый этап международного признания постсоветского экономического блока связан с перспектива-

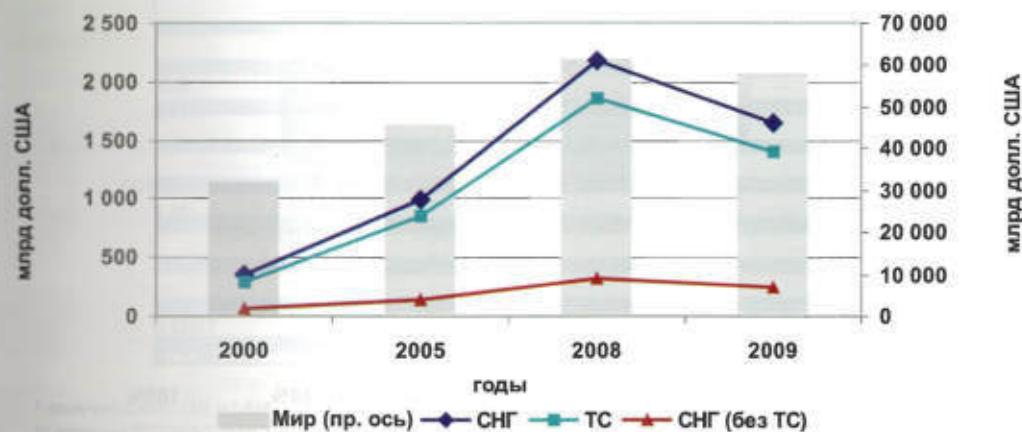
ми экономического роста и последовательно проводимой в настоящий период времени интеграционной политикой.

В 2011 г., по прогнозам МВФ [3], в регионе ожидается повышение экономической активности на 4,6%. Экономический подъем поддерживается высокими ценами на биржевые товары, нормализацией потоков капитала и товаров. В целом, как подчеркивают специалисты МВФ, краткосрочные риски для экономического роста в регионе сбалансированы благоприятными внешними условиями на рынке биржевых товаров и финансовом рынке. Также отмечается, что создание Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России является «дополнительным импульсом» экономического роста в регионе.

Современный этап интеграции СНГ в мировое экономическое пространство характеризуется противоречивыми тенденциями. На пространстве СНГ еще не преодолены последствия распада единого хозяйственного комплекса. Страны Содружества имеют собственные экономические модели и разный уровень социально-экономического развития, однако общей проблемой постсоветской экономики является необходимость модернизации производства, преодоление технического отставания и сырьевого характера международной специализации.

В общей сложности, несмотря на особенности структуры экономики и товарообмена, следует отметить сложившиеся в последние годы позитивные тенденции интеграции региона в мировой экономический процесс.

Во-первых, СНГ накануне мирового финансового кризиса удалось в целом восстановить некоторые макроэкономические показатели, в частности ВВП (рис. 2).

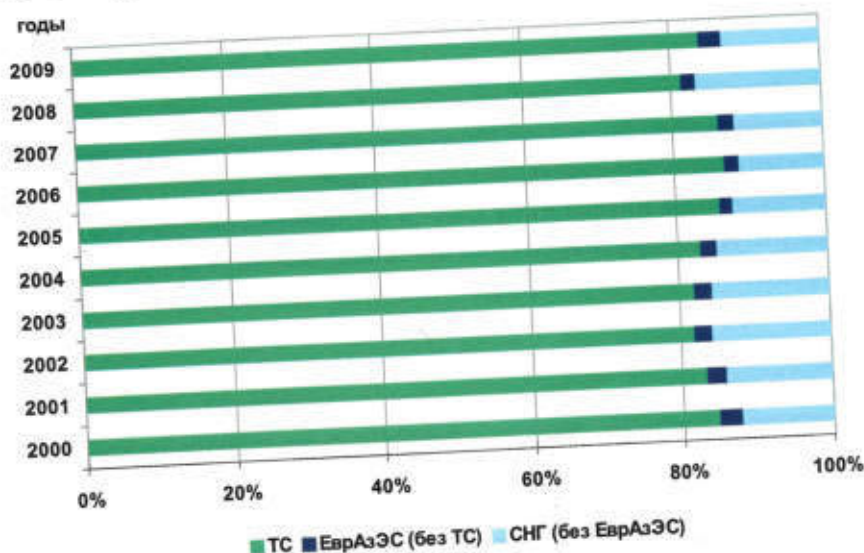

Примечание: данные <http://ddp-ext.worldbank.org>.

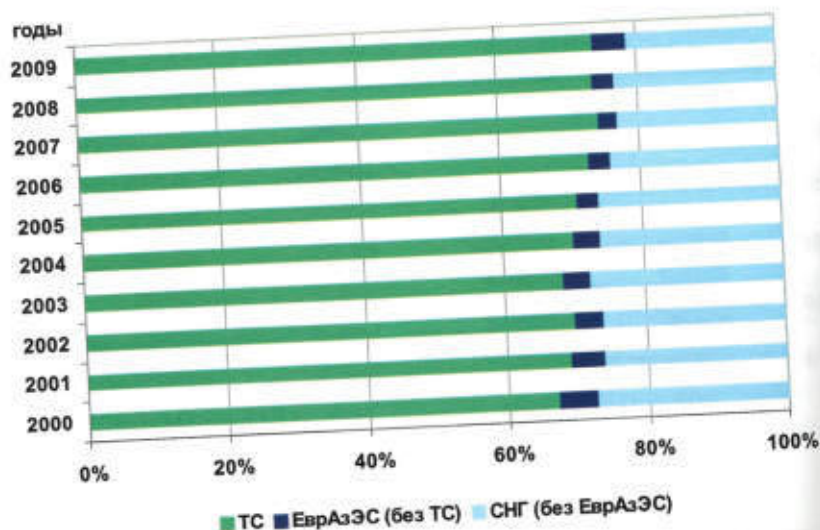
Рис. 2. ВВП стран мира, СНГ и Таможенного союза в период с 2000 по 2009 г., млрд долл. США

Динамику ВВП обеспечивали в основном страны ТС. Наличие крупного экономического участника, имеющего потенциал глобального влияния (Россия),

а также регионального ядра интеграции (Россия, Казахстан, Беларусь), создают предпосылки перехода к последующим формам интеграции. Страны Таможенного союза формируют также структуру и потоки товарного обмена на пространстве СНГ (рис. 3, 4).

Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.
Рис. 3. Доля стран Таможенного союза в совокупном экспорте стран СНГ в период с 2000 по 2009 г., в %

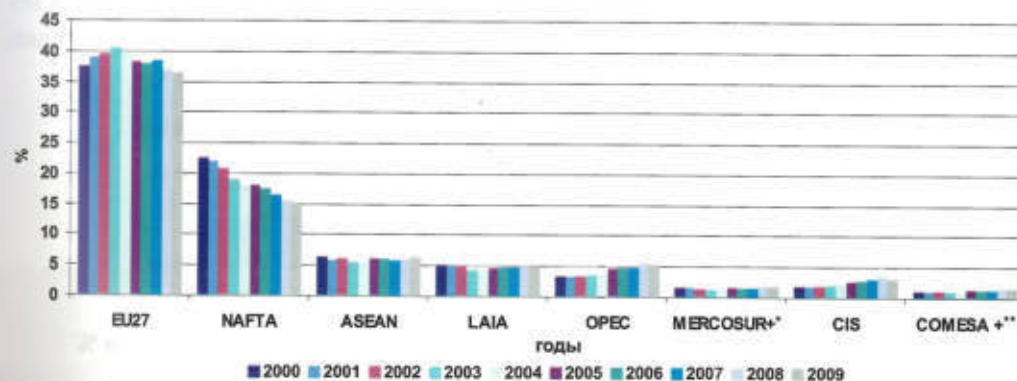

Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.
Рис. 4. Доля стран Таможенного союза в совокупном импорте стран СНГ в период с 2000 по 2009 г., в %

Сегодня на долю стран Таможенного союза приходится более половины всего товарного обмена между странами СНГ, 60% населения СНГ и 85% совокупного

ВВП. Как правило, размер экономики крупных участников влияет на масштабы присутствия не только в региональной, но и мировой торговле.

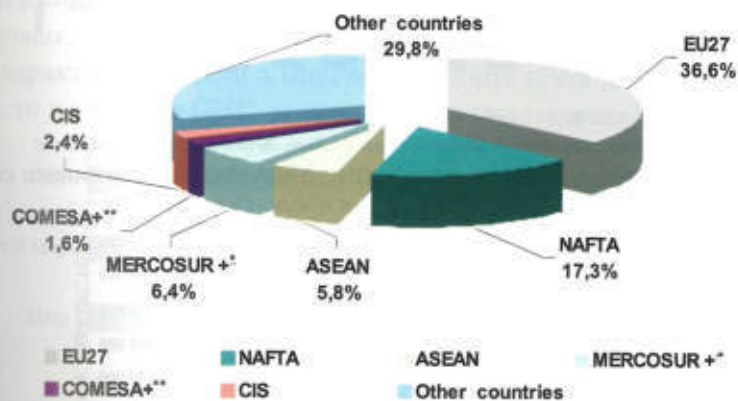
Во-вторых, обеспечить положительную динамику участия СНГ (CIS) в мировой торговле (рис. 5) и сохранить позиции в международной торговле.

* включая CARICOM
** включая ECOWAS, EMCCA
Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 5. Изменение доли основных региональных группировок в мировом товарообороте в период с 2000 по 2009 г., в %

В рассматриваемый период доля СНГ в мировом товарообороте выросла почти в два раза. Сокращение торговли и ВВП в начале 1990-х гг. сменилось их устойчивым (вплоть до 2008 г.) ростом. В 2009 г. на страны СНГ приходилось 2,4% мирового импорта и 3,6% экспорта (рис. 6, 7).

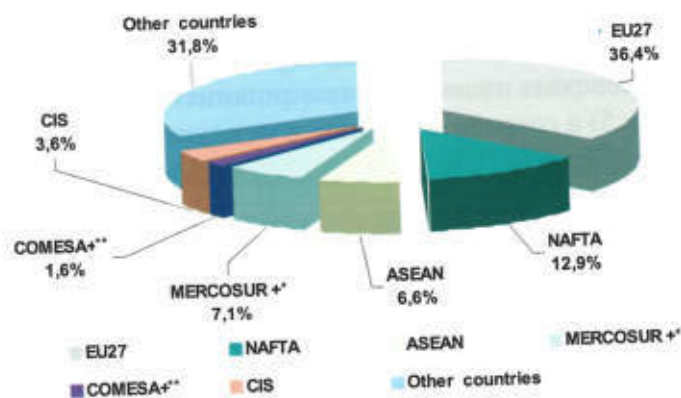

* включая CARICOM и LAIA
** включая ECOWAS, EMCCA
Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 6. Доля региональных группировок в мировом импорте в 2009 г., в %

К числу наиболее позитивных моментов следует отнести, на наш взгляд, имеющийся потенциал развития, не реализованный в постсоветский период*.

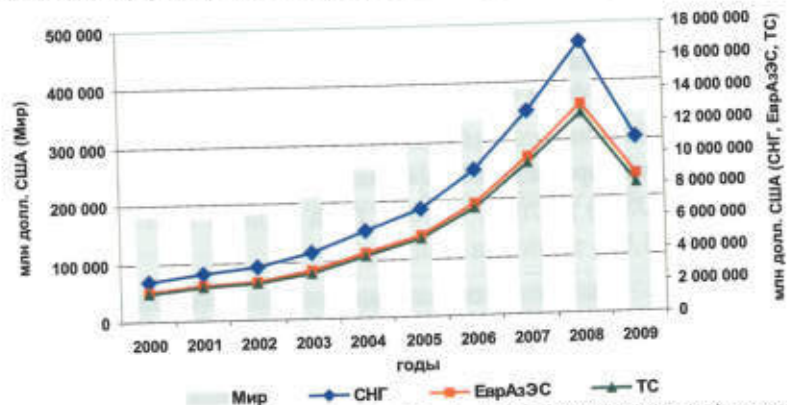
* Промышленный потенциал стран СНГ составляет примерно 10% мирового, запасы ресурсов — около 25%, экспортный потенциал — 4,5%, потенциал внутрорегиональной торговли реализован только наполовину.

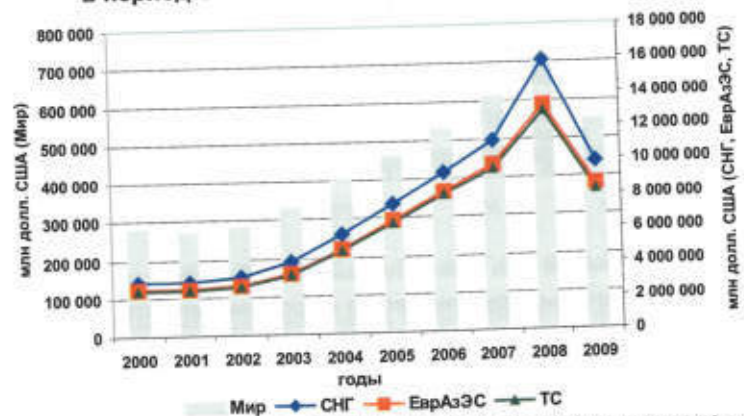
* включая CARICOM и LAIA
 ** включая ECOWAS, EMCCA
 Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 7. Доля региональных группировок в мировом экспорте в 2009 г., в %

В-третьих, динамика развития региональной торговли на постсоветском пространстве соответствует динамике развития мировой торговли (рис. 8, 9).

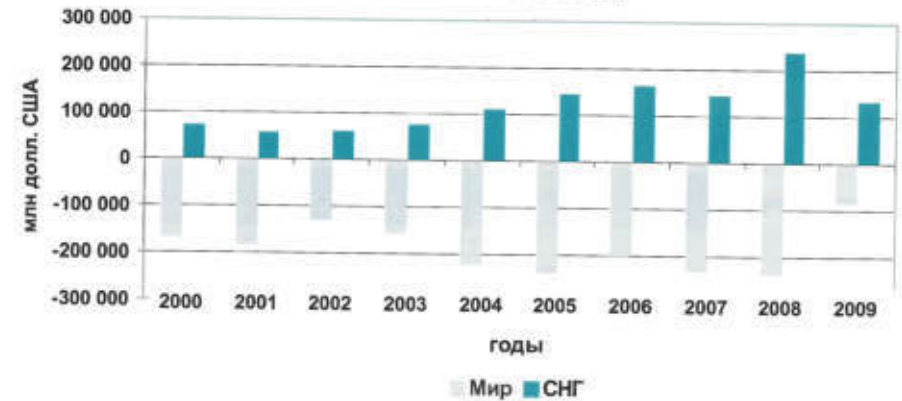

Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.
 Рис. 8. Динамика импорта в странах мира, СНГ, ЕврАзЭС и Таможенного союза в период с 2000 по 2009 г., в % к предыдущему году

Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.
 Рис. 9. Динамика экспорта в странах мира, СНГ, ЕврАзЭС и Таможенного союза в период с 2000 по 2009 г., в % к предыдущему году

В-четвертых, во внешней торговле СНГ имеет положительное сальдо (рис. 10), хотя структуру его торгового баланса, помимо чистых экспортеров, формирует и вторая группа стран — чистые импортеры, для которых характерен дефицит торгового баланса. Положительный торговый баланс и достаточный объем взаимной торговли создают предпосылки для формирования зоны резервной валюты и далее экономического и валютного союзов.

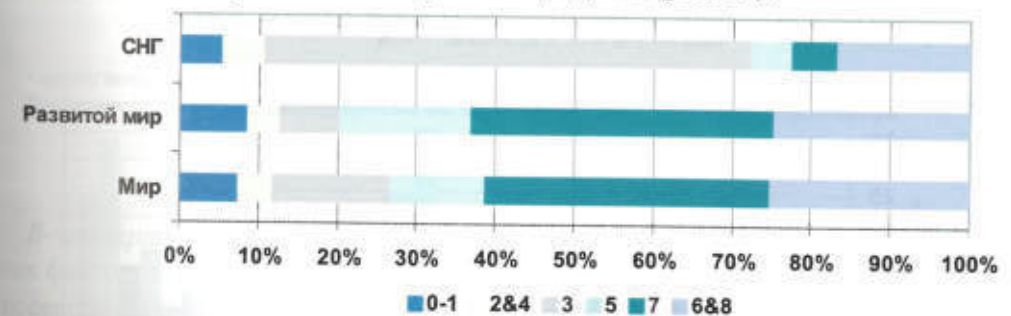

Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 10. Сальдо торгового баланса стран мира и СНГ в период с 2000 по 2009 г., млн долл. США

Негативные тенденции развития постсоветского регионализма обусловлены сложившейся структурой экономики и связаны с изменением структуры внешней торговли государств — участников СНГ в сторону сокращения числа товаров, выдерживающих международную конкуренцию на внешних рынках.

Во-первых, товарная структура внешней торговли СНГ имеет несбалансированный характер. Так, если в мировом экспорте преобладают машины и оборудование, то в экспорте СНГ — сырьевые продукты (рис. 11).

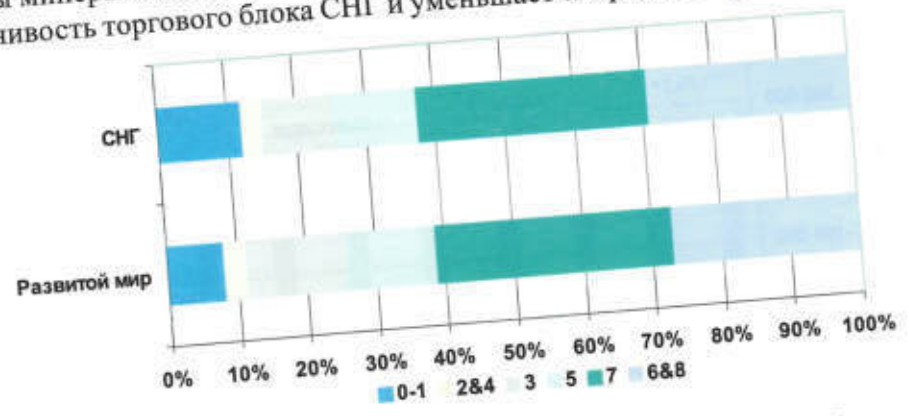
* Согласно SITC (Standard International Trade Classification): 0-1 — продовольственные товары и живые животные, напитки, табак; 2&4 — сырье непродовольственное (кроме топлива), масла, жиры; 3 — минеральное топливо и подобные товары; 5 — химические продукты; 6&8 — обработанные изделия и другие промтовары; 7 — машины, оборудование, транспортные средства.

Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 11. Структура экспорта в странах мира, развитых странах и странах СНГ в 2009 г., в %

* Стандартная международная торговая классификация (SITC) содержит десять разделов, в том числе: Food, live animals, beverages & tobacco (0-1); Crude materials, oils & fats (fuels excl.) (2&4); Mineral fuels, lubricants & related material (3); Chemicals (5); Machinery & transport equipment (7); Other manufactured goods (6&8).

Во-вторых, хотя современная структура потребления основных групп товаров в целом по СНГ практически не отличается от структуры их потребления в развитых странах (рис. 12), намечающаяся в развитых экономиках тенденция замены минерального сырья альтернативными источниками энергии снижает устойчивость торгового блока СНГ и уменьшает его роль в мировом хозяйстве.

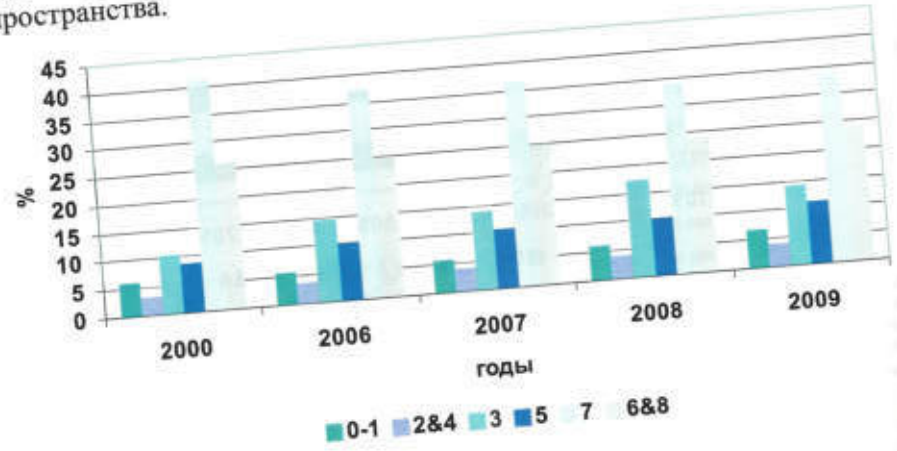

* группы товаров в соответствии с SITC (см. рис. 11)
Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 12. Структура потребляемого экспорта в развитых странах и странах СНГ в 2009 г., в %

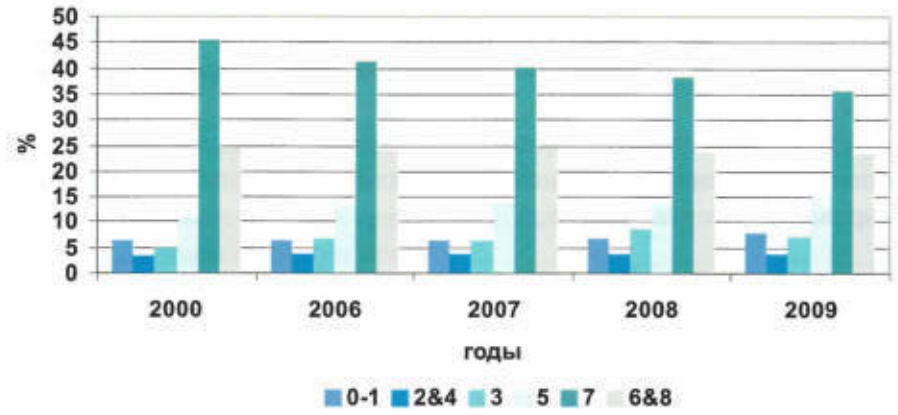
В-третьих, сложившаяся структура экспорта является следствием экономической политики, значит, тенденции развития экономики СНГ не совпадают с тенденциями мировой экономики и экономики развитых стран, ориентированных на производство и экспорт высокотехнологичных товаров (рис. 13, 14).

В отличие от мировых тенденций в странах СНГ стимулируется сырьевая экономика с преобладанием в экспорте минеральных продуктов, а в импорте — готовых товаров с высокой добавленной стоимостью (рис. 15), что серьезно деформирует структуру и снижает потенциал развития экономик стран постсоветского пространства.

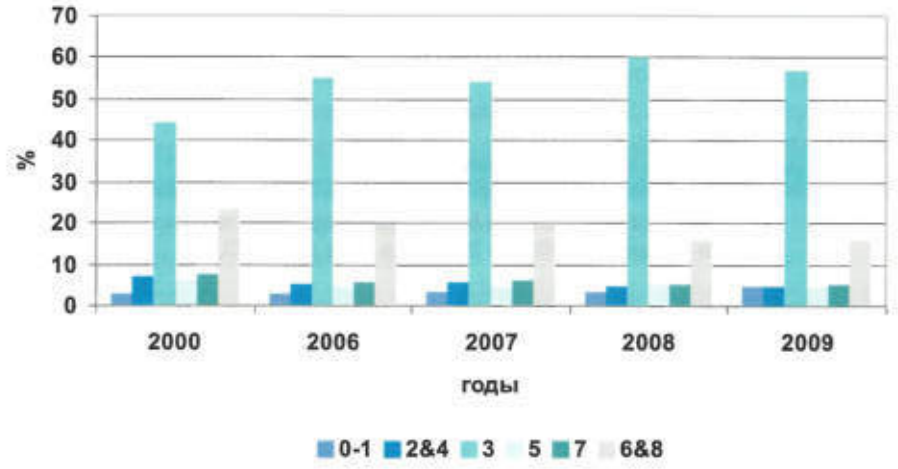
* группы товаров в соответствии с SITC (см. рис. 11)
Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 13. Изменение структуры мирового экспорта в период с 2000 по 2009 г., в %

* группы товаров в соответствии с SITC (см. рис. 11)
Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 14. Изменение структуры экспорта развитых стран в период с 2000 по 2009 г., в %

* группы товаров в соответствии с SITC (см. рис. 11)
Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

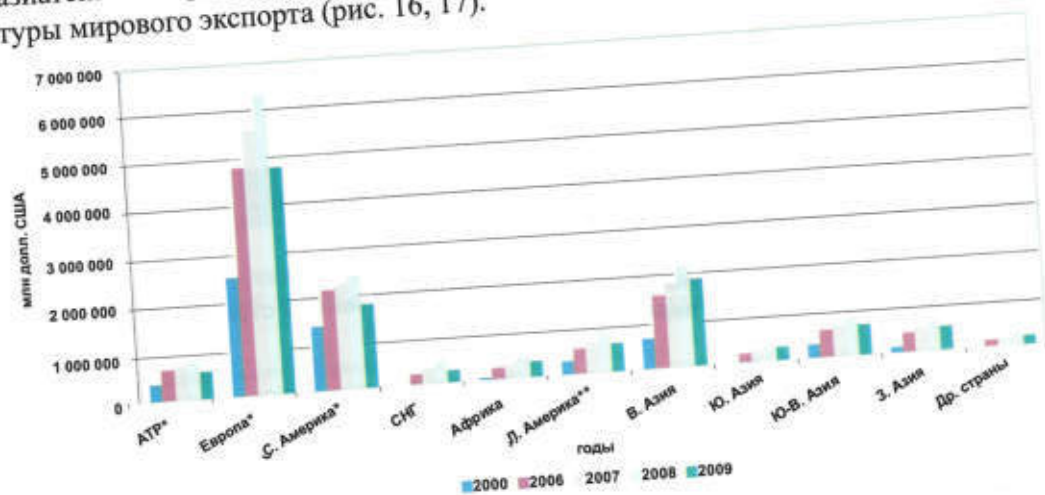
Рис. 15. Изменение структуры экспорта стран СНГ в период с 2000 по 2009 г., в %

В-четвертых, постсоветское пространство, в силу объективных и субъективных факторов, не может противостоять быстрому развитию западноевропейского, североамериканского и азиатско-тихоокеанского экономических пространств, образующих «глобальный экономический треугольник» во главе с США, Японией и Европейским Союзом.

Усиление тенденции регионализации этих пространств может привести к «созданию гиперрынка, охватывающего более половины мировой экономики» [4]. Для противостояния этой тенденции странам — членам Содружества Независимых Государств необходима стратегия глобального партнерства, определяющая направления и характер экономического взаимодействия, прежде всего, со странами Азии,

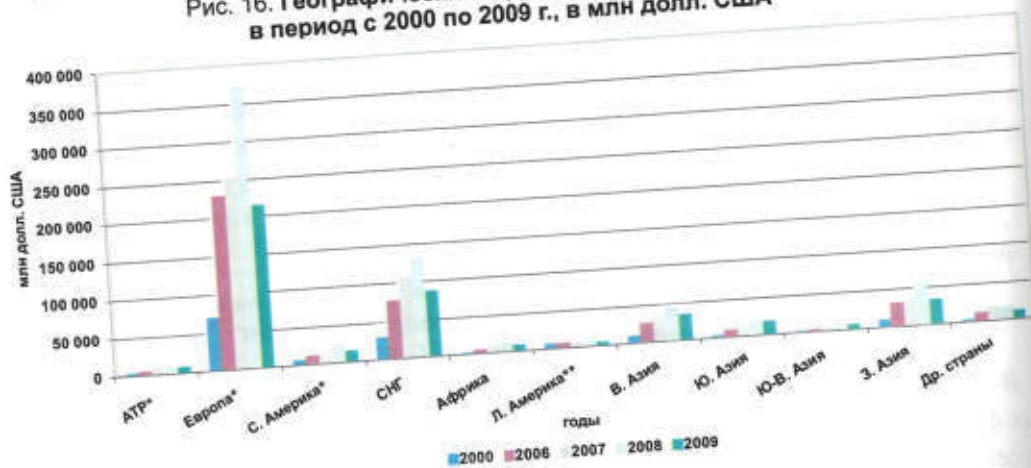
и ориентированная, главным образом, на конкретные результаты, которым в дальнейшем можно будет дать оценку. Отсутствие подобного программного документа не позволяет реалистично оценить место СНГ в меняющейся геополитической ситуации.

Географическая структура экспорта СНГ отражает недостаточное развитие азиатского направления сотрудничества и отличается от географической структуры мирового экспорта (рис. 16, 17).

* развитые государства
 ** Латинская Америка и страны Карибского бассейна
 Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 16. Географическая структура мирового экспорта в период с 2000 по 2009 г., в млн долл. США

* развитые государства
 ** Латинская Америка и страны Карибского бассейна
 Примечание: данные 2009 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2010 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 17. Географическая структура экспорта стран СНГ в период с 2000 по 2009 г., в млн долл. США

Основными потребителями мирового экспорта (или новыми регионами спроса) становятся страны Азиатского континента, в частности Азиатско-Тихоокеанского региона и Восточной Азии. По всей видимости, постсоветская группировка не в

полной мере реализует преимущества своего геополитического положения как связующего звена, транзитного моста между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом и, соответственно, потенциал эффективной интеграции в мировую экономику.

Таким образом, возрастание роли постсоветских интеграционных группировок в мировой экономике связано, прежде всего, с изменением интеграционной ситуации на постсоветском пространстве. Предпосылками качественного изменения интеграционной ситуации стали:

во-первых, создание Таможенного союза и оформление зоны свободной торговли СНГ;

во-вторых, восстановление основных макроэкономических показателей и сохранение потенциала развития единого ранее пространства;

в-третьих, повышение значимости Евразийского континента в геополитике и геоэкономике и глобальной роли российской экономики.

Сегодня можно утверждать, что на пространстве СНГ формируется самостоятельная модель «евразийского регионализма», ядром которой является экономический треугольник «Беларусь ⇔ Казахстан ⇔ Россия».

Экономическая интеграция переживает сегодня «третью волну регионализма», связанную с преодолением последствий глобального кризиса. В отличие от предыдущих этапов современный этап регионализма характеризуется ростом влияния блоков «трансконтинентального» регионализма, к которым, по нашему мнению, относятся группировки постсоветского пространства (СНГ, ЕврАзЭС) и ШОС — как элементы «трансазиатского блока», а также BRIC — как пример «межконтинентального регионализма».

Развитие процесса «постсоветского регионализма» сопровождается противоречивыми тенденциями. Повышение экономической значимости интеграционных группировок в мировой экономике обусловлено экстенсивными факторами роста экспортной составляющей в противовес современным тенденциям мирового развития.

Укрепление позиций постсоветской экономики в условиях глобализации необходимо начать с оценки реальных возможностей развития потенциала СНГ и ЕврАзЭС — изменения торговой политики, торговой структуры экспорта и определения перспектив глобального партнерства с учетом изменения полюсов глобального влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеллик Р. После кризиса? // Выступление в Высшей школе международных исследований при университете им. Дж. Хопкинса 28 сентября 2009 г. // <http://www.worldbank.org>.
2. Там же.
3. Перспективы развития мировой экономики. Подъем, риск и перебалансирование // Доклад МВФ, октябрь 2010 г. // <http://www.imf.org>.
4. Строев Е. Мир, СНГ, Россия на пороге 21 века // <http://www.viperson.ru>.

К вопросу об особенностях мусульманских движений и течений

ДЖАЛИЛОВ З.Г.

В последние годы в отечественной и зарубежной историографии значительно возрос и продолжает возрастать интерес к исламской религии. Заметное место в исследовательском процессе занимает изучение различных движений и направлений в исламе, систем взглядов мусульманских мыслителей и возглавляемых ими школ. Интерес к этому и другому кругу вопросов вполне закономерен. Помимо, разумеется, чисто академического аспекта, есть и другие, не менее серьезные мотивы, например, события, происходящие в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки. Наше сегодняшнее знание о тенденциях и закономерностях развития и распространения ислама уже ни у кого, пожалуй, не оставляет сомнений в факте самого непосредственного и весьма значительного влияния исламской идеологии на трансформацию всего разностороннего комплекса общественных структур в мусульманских обществах.

Мусульманские движения и течения имеют свои специфические особенности как в своем возникновении, так и в своем развитии. Чтобы представить себе действительную сложность «религиозного вопроса», многосложность и разнообразие течений в исламе, не всегда тождественных ни по своему происхождению, ни по историческим традициям, ни по религиозным учениям, мы и позволили себе остановиться на некоторых вопросах данной тематики.

В свое время А. Массэ считал, что первые признаки раскола в исламе стали проявляться сразу же после смерти пророка Мухаммеда. По мнению С.У. Дюшенбиева, он выделил несколько причин раскола, которые можно свести к следующим:

1. Склонность к пророчеству, свойственная семитам.
2. Разногласия по поводу сущности верховной власти (хариджизм, шиизм).
3. Разногласия, связанные с представлениями о Боге [1].

Хотя данные причины не оформлены в строгие определения, тем не менее дают определенное представление о мусульманских движениях и течениях в целом. К тому же раскол в исламе рассматривается в развитии. Многие авторы отмечают, что во всех случаях возникновение направлений и движений в исламе обуславливалось глубокими социальными причинами, нередко и сугубо политическими мотивами. Это хорошо показано в исследованиях Е.А. Беляева и других авторов, занимающихся анализом идеологии различных движений и течений в исламе. Кстати сказать, М.А. Родионов выступает против того, чтобы применять

к различным течениям ислама такие термины, как «ортодоксия», «ересь», «сектанство», «клир» и пр. [2].

Как известно, пророк Мухаммед не только не успел при своей жизни выработать концепцию о верховной власти, но и не оставил указаний о своем преемнике. Именно это «противоречие между религией и правом, — как отмечает С.У. Дюшенбиев, — стало самой главной или первой причиной раскола в исламе, который имел далеко идущие последствия» [3]. В сознании же верующих вопрос о верховной власти представлялся чисто «возрождением ислама», борьбой за «чистоту веры», связывался с поисками путей подлинного справедливого общества. Появление того или иного направления в исламе объявлялось его лидерами как некое «открытие» сокровенного смысла Священного Писания, ранее отвергнутого религиозными идеологами. Отсюда претензии на исключительность своей доктрины, притязательность на верховную власть в мусульманском обществе, непризнание авторитета суннитского халифа и шиитского имама.

Наиболее известными исследователями течений в исламе считаются Абу ал-Музаффар ал-Исфараини и Абу ал-Фатх Мухаммад бен ал-Карим аш-Шахрастани. В своей работе «Книга о религиях и сектах» («Китаб ал-милал ва-н-нихал») аш-Шахрастани в основу их классификации положил фирк (организованная группа людей, обозначаемая «сектой», исповедующих особое мнение по одному или нескольким вопросам). Он выделил в исламе четыре течения: кадариты, сифатиты, хариджиты и шииты. В результате соединения одной с другой формируется большое направление, от которого разрастаются ветви, образующие 73 мусульманские секты. Основываясь на Коране и известных хадисах пророка, аш-Шахрастани утверждал, что из всех направлений избежит ада и уцелеет только одна — ахл ас-Сунна ва-л-джама (люди сунны и общины) [4].

В одном из хадисов отмечается, что мусульманская община со временем распадется на 73 группы (фирка), иудаизм — на 71 ветвь, христианство — на 72. Следует заметить, что в вопросах количества сект в исламе (да и не только в исламе) существуют разные точки зрения. Например, А.В. Малашенко считает, что в исламе имеется «значительно больше сект, каждая из которых стремилась доказать свою правоту» [5]. Другие же призывают исходить из здоровой оценки и не приписывать исламу большее количество сект.

Известный востоковед М.А. Родионов, повествуя о первом расколе в исламе, пишет, что в 657 г. в битве при Сиффине халиф Али разбил сирийцев, поддержанных полководцем Амром ибн ал-Асом, покорителем Египта. Его уловка (он прикрепил к копьям свитки Корана и воззвал к третьей стороне) спасла сирийцев от полного разгрома [6]. Далее он пишет: «Считая, что суд Божий уже свершился на поле брани и люди не вправе оспаривать его решение, двенадцать тысяч бойцов покинули лагерь Али, за что их прозвали хариджитами, то есть ушедшими. Они выступили против обеих сторон — и против Али, и против Муавийи. Так начался первый раскол в исламе» [7]. Противостояние между центральной властью и хариджитами привело к трагическим последствиям: в 661 г. в Куфе был убит Али.

Однако имеется и другая точка зрения, согласно которой первый раскол в исламе связан с появлением партии (фирка) сторонников Али ибн Абу Талиба, зятя пророка, и хариджитов — первой сектой в исламе.

По мнению исламоведов, термин «хариджит» происходит от арабского глагола «хараджа», то есть «вышел», «ушел», «отколовшийся». Е.А. Беляев считает, что слово «хариджит» можно перевести как «повстанец» [8]. Нельзя не обратить внимания на одну особенность хариджизма, на которую они указывают — крайний фанатизм и нетерпимость не только к политическим и религиозным противникам, но и к инакомыслящим мусульманам. Насилие по отношению к вероотступникам было одним из принципов хариджитов. В отличие от других направлений в исламе хариджиты претендовали на то, чтобы подняться над халифами, подчеркивая свою исключительность, свою воинственность, и обращали на это особое внимание. Они первыми в исламе стали выступать против существующего строя, и их первым лозунгом стало положение о том, что о правоте человека следует судить по его действиям. Отсюда их фанатизм и непримиримость не только к не мусульманам, но и к своим единоверцам, не воспринявшим их убеждения.

Хариджиты вступали в открытый конфликт с халифатской властью, используя самые жестокие методы борьбы. По их мнению, все правители, которые судили не по шариату хотя бы в одном вопросе, а также их подданные являются неверующими, даже если во всех остальных вопросах все они соблюдали шариат. Считая многих неверующими, они готовы были лишить жизни всякого, кроме тех, которые, следуя их убеждениям, восставали против правителей своих государств [9]. На фоне многочисленных движений хариджиты постоянно заявляли о себе теми или иными громкими акциями. Именно наиболее радикальные из них подготовили в 661 г. убийство Али и возглавили крупные бунты и мятежи в Басре и Куфе. Однако не все направления в хариджизме поддерживали практику насилия, особенно в отношении женщин и детей. К таковым можно отнести суфритов, представителей одной из трех основных хариджитских ветвей. Она возникла в Басре во второй половине VII в. (основатель Зийад ибн ал-Асфар). В отличие от азракитов последователи этой секты считали, что отказ от вооруженных выступлений не должен служить основанием считать единоверцев отступниками от своей веры; они не признавали практику убийства беспомощных людей из лагеря своих противников [10].

Наиболее «умеренными» из хариджитских движений, по мнению большинства исследователей, являются ибадиты (основатель Абдаллах ибн Ибад). Они отказались от вооруженной борьбы, в частности против Омеядов. В 70-х гг. VIII в. было образовано Ибадитское государство Рустамидов с центром в г. Тахарт (Северная Африка) [11]. Как отмечает М.Б. Асанбаев, «в VIII в. и до конца XVIII в. население (Омана) было представлено союзом племен, исповедующих ибадитское направление шиизма. Помимо общности историко-культурного наследия и сложившихся традиционных экономических связей, оманские племена объединились вокруг имама, которому, наряду с религиозной, принадлежала и светская власть в имамате» [12]. Однако имеется и другой взгляд на практику и идеологию ибадитов. В книге, изданной стамбульским издательством «Хакикат Китабэви»,

отмечается, что ибадиты, кроме себе подобных, всех остальных мусульман считали неверными и во время войны разрешали грабить их имущество. Если мусульманин совершал тяжелый грех, то его также считали неверным. Неверным считали они и святого Али [13].

Следует заметить, что взгляды по основным религиозно-политическим вопросам суфритов и ибадитов в основном совпадали, что послужило основой для того, что в дальнейшем последователи Зийида ибн ал-Асфара слились с последователями Абдаллаха ибн Ибада [14]. Это свидетельствует о том, что между ними было больше идейного родства, нежели их организационная самостоятельность и независимость.

Логическим развитием сложных процессов в хариджитском движении явилось то, что в нем самом образовались отдельные течения, последователи которых имели свои взгляды относительно методов борьбы и как использовать их в тех или иных обстоятельствах. Раскол — прямое следствие кризиса, которое переживало хариджитское движение. В этих условиях, наряду с хариджитскими течениями, которые выступали за «чистоту» ислама и строгое исполнение религиозных предписаний, выделились движения, последователи которых не восприняли ряд положений, выдвинутых крайними хариджитскими общинами. Наряду с фанатизмом и жесткостью в отношении инакомыслящих мусульман, появление более умеренных хариджитских общин ослабило базу радикального хариджитского движения и привело его к поражению.

Аналогии, возникающие при сравнении хариджитских движений, приводят к мысли об их дочернем характере, о том, что разобщение в рамках хариджитского движения произошло в силу, прежде всего, внутренних причин. О характере их взаимоотношений можно лишь гадать. Однако различные названия не должны вводить в заблуждение относительно их подлинной природы. При всей специфике в них можно выделить не только особенное, но и общее — в идейной области все они были родственны и верны основным принципам учения хариджизма. Их цель — распространение среди мусульман своих воззрений, сделать их сторонниками своих организаций, привести к принесению присяги своему лидеру и направить их в дальнейшем на осуществление политических задач организации.

Хариджитские движения отличались, прежде всего, степенью идеологической вооруженности. Опираясь на развитое хариджитское учение, они создавали ту прочную идейную платформу, которая необходима для уверенности и стабильности любой организованной оппозиции правящему режиму и защищающей ее от его официальной идеологии. Поэтому хариджитские движения представляли собой стойкую и жизнеспособную (до определенного времени) систему, апелировавшую, главным образом, к социальным и религиозным чувствам масс. Не случайно бунты, проходившие под руководством хариджитов, были более упорными, организованными и продолжительными, нежели те, которые поднимали другие религиозные общины.

Анализ проблемы позволяет отметить такие характерные, общие для всех хариджитских движений черты их мировоззрения, как непризнание авторитета халифа и шиитского имама.

Современные лидеры религиозно-радикальных движений и поныне в своей деятельности используют взгляды и убеждения хариджитов, например, последователи Сайид Кутба, образовавшие в свое время такие организации, как «Братья-мусульмане» («ал-Ихван ал-муслимун»), «Исламская община» (джамаат ал-исламийя»). Так же, как и хариджиты, они называли неверными тех, кто делал суждения не по шариату. В основе этих организаций лежит доктрина Сайида Кутба, которая гласит: «Кто судит не по Корану, даже в одном вопросе, тот отрицает Божественность Аллаха и присваивает Божественность себе» [15]. Доктрина Сайида Кутба, как замечают теологи, исходит из неправильного толкования Суры 5 «Ал-Маида», Аят 44. Он считал (так же, как и хариджиты) неверными тех правителей, которые правят не по шариату, а также подданных этих правителей [16].

Отстаивая звание носителя «истинного ислама», идеологи религиозно-радикальных течений преследуют несколько целей. Во-первых, они стремятся играть роль образца для всех мусульман в вероисповедании. Во-вторых, играть роль представителя и защитника чистоты ислама перед лицом неверных, в том числе и из числа мусульман. В-третьих, претендовать на главенствующую роль в верховной власти, которую они понимают, прежде всего, как средство «очищения ислама» и борьбы с отступниками от веры. В-четвертых, они обвиняют в вероотступничестве тех правителей, которые отклонились от норм шариата. Все это напоминает те цели, которые в свое время ставили перед собой хариджиты.

Немало ответвлений и различных направлений обнаруживается среди шиитов. Как свидетельствует история, шиизм зародился во времена Али, однако стал широко распространяться уже после его смерти. Если в VII в. шиизм был представлен только тремя направлениями, то в VIII в. их было уже около десяти. Любопытное исследование провел известный ученый С.М. Прозоров. В шиизме он насчитал 77 ответвлений, которые существовали среди шиитов на конец IX в. [17]. Кстати сказать, по мнению ряда исследователей, шиизм до начала XVI в. считался одним из оппозиционных течений по отношению к суннизму и только с приходом к власти династии Сефевидов (1502 г.) он, наряду с приобретением статуса официальной идеологии Ирана, становится одним из основных направлений в исламе.

Следует заметить, что в структурном, организационном и идейном отношении шиитские движения в исламе были значительно более сложным организмом, нежели выступления хариджитов. Достаточно сказать, что если хариджиты выступали за выборный принцип власти, вне зависимости от происхождения, чина или крови, то шииты полагали, что только имама (ал-имама) является верховным органом правления для всех мусульман и что только потомки Али ибн Абу Талиба имеют право на верховную власть над мусульманами [18]. Они отличаются и от суннитов, выступавших за совмещение божественного и выборного источников власти [19].

Раскол среди шиитов произошел по многим причинам, однако основная причина заключалась в оспаривании власти не только у суннитов, которые выступали за то, чтобы халиф выбирался из наиболее достойных членов мусульман-

ской общины. Вопрос о власти был камнем преткновения и между самими шиитами, что не могло не привести к появлению различных ответвлений в рамках шиитского движения. Одно из первых течений в шиизме — сабаиты. Оно появилось еще при жизни Али. В основе его лежала идея приверженцев Али (например, Канбара, Абдаллаха ибн Саба) о том, что именно пророк назначил его своим преемником [20].

Другая ветвь, именуемая кайсаниты, возникла уже после смерти ал-Хусейна ибн Али. Ее название связано с главой шиитской общины ал-Мухтаром ибн Абу Убайда ас-Сакафи, имевшего прозвище Кайсан. Группа шиитов во главе с Кайсаном провозгласила четвертым имамом сводного брата Хусейна, сына Али от наложницы — Сухаммеда ибн Ханафийа. Однако к XI в. это движение прекратило свое существование [21].

Община зайдитов образовалась после смерти Зайда ибн Али (внука Хусейна) в 750 г. во время битвы с Омеядами. По мнению ряда исследователей, ее последователи занимали умеренную позицию. Они считали, что имамом может быть любой Алид и допускали одновременное существование нескольких имамов в разных странах. Зайдиты отрицают догматы о «скрытом имаме» и о «благоразумном скрывании» своей веры («такия»). «Они отрицают божескую природу имамата, — отмечает М.А. Родионов, — настаивая лишь на том, что избранный имам (или сразу несколько имамов в разных концах мусульманского мира) должен быть Алидом, “выступившим за справедливость с оружием в руках”. Они не поддерживают также учение о скрытом имаме, благоразумном скрывании веры, антропоморфизме Аллаха (ташбих) и абсолютном предопределении. Вот почему взаимоотношения зайдизма и суннизма довольно терпимы» [22]. Их общины ныне существуют в ряде мусульманских стран, в том числе в Северном и Южном Йемене, Пакистане, Саудовской Аравии.

Согласно традиции, в середине VIII в. сторонники Исмаила, который был лишен своим отцом (шестым имамом шиитов Джафар ас-Садиком) права стать очередным имамом, образовали свою секту имамитов. Отличительная черта этой общины заключается в том, что ее последователи признают двенадцать законных имамов. Они провозгласили сына одиннадцатого имама Хасана ал-Аскари Мухаммеда «скрытым» имамом, ожидаемым махди, с возвращением которого на земле воцарится мир и справедливость. «Имамиты, — отмечает М.А. Родионов, — верят во внешний (захир) и внутренний (батин) аспекты божеского откровения, непогрешимость имамов и во владыку времени сего, скрытого имама-махди, чей приход как Мессии откроет истинный смысл Писания» [23]. Вероучение имамитов признано государственным вероучением Исламской Республики Иран. К имамитам относился и сам Аятолла Хомейни. Большая община имамитов существует в Ираке (половина населения страны). Их группы имеются в Саудовской Аравии, Афганистане, Ливане, Кувейте и других странах.

Если рассматривать шиизм не как единую систему, а как одно из сложных направлений в исламе, то данный подход предполагает признание единства истоков всех групп этой системы, общность созданного ею легендарно-исторического материала, единого багажа, принципов внутренней структуры и методов действий,

но не наличие общего руководства и регулярных связей, признания общих имамов, единого вероучения и единой системы обрядов, символов и ритуалов. Так, в отличие от имамитов отделившаяся от них в IX в. группа шиитов, которую позднее стали называть алавитами (крайняя шиитская группа), выступила за признание последним имамом ал-Хасана ал-Аскари (одиннадцатого имама). Их учение включает в себя отдельные стороны шиизма, элементы домусульманских верований и христианства. Наиболее крупная община алавитов существует в Сирии, также они проживают в Турции и Северном Ливане [24].

Так же, как и алавиты, от основ первоначального ислама отошли исмаилиты (одна из самых известных ветвей шиитов), признавшие седьмым имамом сына Исмаила, которого отец Джафар ас-Садик лишил права стать имамом, Мухаммеда ибн Исмаила. Как и шииты, исмаилиты считают Али (двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда) первым имамом и духовным лидером всех мусульман, а значит, духовное руководство (имамат) должно наследоваться через Али и его жену Фатиму.

Большинство исследователей отмечают, что в мировоззрении исмаилитов переплетались прогрессивные и регрессивные, материалистические и идеалистические, атеистические и теистические идеи и взгляды на мир и на человеческое общество. Их обвиняли в связях с античной философией, в пропаганде антирелигиозных взглядов. Как отмечает Х. Додихудоев в своей книге «Философия крестьянского бунта», «возникновение исмаилизма как течения общественной мысли явилось поворотным пунктом в интеллектуальной жизни мусульман — поворотом к философствующей теологии под влиянием античной и эллинистической философии, к критике теологии с точки зрения философского идеализма» [25].

Параллельно расширению исмаилитского учения происходил раскол в рядах самих исмаилитов, создавались новые ветви, разнообразные по своей структуре, по целям и методам их достижения. Их характер определялся, прежде всего, тем, какую религиозную идеологию они проповедовали, кого объявляли последним имамом и ожидаемым махди, массовой социальной базой, духовными потребностями своих членов. Наряду с умеренными, появлялись воинствующие течения, отличавшиеся религиозным фанатизмом и нетерпимостью к инакомыслящим.

В конце IX в. в рамках исмаилитского течения появилась ветвь исмаилитов ем карматы (карматийа). Возникновение и деятельность этой ветви исмаилитов наглядно продемонстрировали двойственность и противоречивость религиозно-опозиционного движения, дали пример его возможного превращения в инструмент агрессии и использования против представителей других вероучений. Анализ деятельности различных оппозиционных движений показывает, что им были в целом присущи типичные для таких религиозных групп «позитивные» и «негативные» черты, отмечавшиеся как отечественными, так и зарубежными исследователями. Так, анализируя деятельность карматов, С.У. Дюшенбиев пишет, что «они совершали массовые убийства мекканских паломников, как только в 924 г. отряд карматов в составе 800 всадников и 1 000 пехотинцев, напад на караван паломников, перебили 2 200 мужчин и 300 женщин, а еще 2 200 мужчин и 500 женщин угнали к себе в Хаджар, где их превратили в рабов» [26]. Ви-

димо, имея в виду этот факт, М.А. Родионов отмечает, что «в Аравии исмаилиты прогремели под именем “карматы”» [27]. В то же время, как отмечает Е.А. Беляев, карматское учение оказало сильное влияние на крупнейших поэтов и философов, среди которых Рудаки, Ибн Сина и мн. др. [28]. Карматское движение исмаилитов было наиболее крупным, но далеко не единственным. В начале X в. появились фатимидские исмаилиты, считавшие свое происхождение от дочери пророка Мухаммеда Фатимы. Исмаилитская династия Фатимидов утверждается в Египте, Сирии, Палестине, Хорасане, Бахрейне, Тунисе и других странах. Они завладели Меккой и Мединой.

В 1021 г. в среде фатимидских исмаилитов произошел раскол, в результате которого выделилась община друзов (основатель ад-Дарази). В исторической литературе она известна под названием хакимидов (друзы считают, что, после таинственного исчезновения ал-Хакима, он явится в качестве махди). В основном они обосновались в горных районах Ливана и Сирии.

После смерти халифа аль-Мустансира (1036—1094 гг.) среди исмаилитов произошел новый раскол. Еще при жизни халиф наследовал свой престол старшему сыну Низару, однако армейское руководство назначило халифом другого сына Мустансира Мустали. Согласно Г.Э. фон Грюнебауму, Назир и его сын погибли насильственной смертью, а его сторонники были изгнаны из Египта. В общей форме деятельность низаритов определялась позицией Хасана ибн Саббаха, руководившего ими в горах Западного Ирана. В 1090 г. Хасан ибн Саббах призвал персидских низаритов захватить горную крепость Аламут, ставшую впоследствии знаменитой столицей низаритского государства. Захват крепостей продолжался: к середине XIII в. число захваченных ими крепостей превышало уже сотню [29]. Хотя учение исмаилитов, по мнению исламоведов, носит скрытый, «тайный» характер, низариты не остались в стороне от политической борьбы, применения вооруженных актов [30]. В то же время (это другая особенность исмаилитов, низаритов) исмаилиты выдвигали требования распределения материальных благ по справедливости. Свои надежды они возлагали на государство, возглавляемое имамом-халифом и обеспечивающее благоденствие народу. Утопическая социальная теория исмаилитов имела успех в общественных движениях эпохи и приводила к определенным результатам в исмаилитских государствах.

В 1256 г. низариты были разгромлены войсками Хулагу хана, а затем бежали в Индию. Со временем их общины расселились в США, Франции, Иране, Ираке, Китае, Афганистане, Египте и других странах [31]. Ныне большая исмаилитская община имеется в Таджикистане (в Горно-Бадахшанской области их насчитывается более 200 тыс. чел.), куда он проник в X—XI вв. Большую роль в распространении этого течения шиитского ислама сыграл выдающийся поэт и мыслитель Насир Хосров (1004—1088 гг.), которого считают «апостолом исмаилизма» на Памире. Практически все памирские народы (за исключением язгулемцев и ванчцев) исповедуют исмаилизм [32]. Активную деятельность исмаилиты во главе с их духовным лидером Ага-ханом проявляют в Кыргызстане.

Сложен и противоречив мир религиозных движений и течений. Чтобы постичь его сущность, нужно, как нам представляется, рассматривать его конкретно-

исторически, анализируя путь развития религиозных направлений, который проходит через столетия. Конечно, все это не лежит на поверхности. При сугубо внешнем подходе к исламу и деятельности различных движений и течений многие аспекты могут оказаться вне поля зрения. Именно, в силу этого, изучение мусульманских движений и течений должно вестись с исторических позиций на основе современных теоретико-методологических и методических разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Массз А. Ислам. Очерки истории. — М., 1982. — С. 101; Дюшенбиев С.У. Исмаилиты на пороге XXI века. — Бишкек. — 2007. — С. 10.
2. Родионов М.А. Ислам // История религии. — СПб, 1997. — С. 223.
3. Дюшенбиев С.У. Указ. соч. С. 11.
4. аш-Шахрастани, Мухаммад б. Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-н-нихал). Ч. 1. Ислам / Пер. с араб., введение и комментарии С.М. Прозорова. — М., 1984. — С. 27—28.
5. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. — М., 2006. — С. 55.
6. Родионов М.А. Указ. соч. С. 60.
7. Там же.
8. Беляев Е.А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. — М., 1965. — С. 159.
9. Предостережение от трех заблудших течений. — Киев, 2009. — С. 14.
10. Дюшенбиев С.У. Указ. соч. С. 17—18.
11. Там же. С. 18.
12. Асанбаев М. Аравийские монархии: общество, власть и государство. — Алматы, 2009. — С. 47.
13. Хакикат Китабзви. — Стамбул, 2003. — С. 224.
14. Ислам. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. — М.: Наука, 1991. — 315 с. (С. 81).
15. Предостережение от трех заблудших течений... С. 9.
16. Там же.
17. Ислам. Энциклопедический словарь... С. 18.
18. Родионов М.А. Указ. соч. С. 61.
19. Там же. С. 233.
20. Ислам. Энциклопедический словарь... С. 298.
21. Дюшенбиев С.У. Указ. соч. С. 20.
22. Родионов М.А. Указ. соч. С. 234.
23. Там же. С. 233.
24. Ислам. Энциклопедический словарь... С. 194.
25. Додихудоев Х. Философия крестьянского бунта. — Душанбе, 1987. — С. 20.
26. Дюшенбиев С.У. Указ. соч. С. 23.
27. Родионов М.А. Указ. соч. С. 234.
28. Беляев Е.А. Указ. соч. С. 60—63.
29. Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600—1258). — М., 1988. — С. 138.
30. Там же.
31. Ислам. Краткий справочник. — М., 1983. — С. 65—66.
32. Бушков В., Каландаров Т. Исмаилиты Таджикистана: традиции и современность // Центральная Азия и Кавказ. — 2002. — №6 (24). — С. 130.

Специфика одежды казахского сельского населения Северного Казахстана

КАЛЫШ А.Б.

При рассмотрении одежды сельского населения, преимущественно казахского, следует сразу отметить, что на протяжении многих десятилетий здесь наблюдается одновременное бытование традиционного комплекса костюма или отдельных его элементов с современной общепринятой городской формой.

Наиболее полно традиционная одежда казахов Костанайской и Павлодарской областей, совпадающая с северо-восточным комплексом казахского костюма, детально исследованного И.В. Захаровой и Р.Д. Ходжаевой [1], широко бытовала вплоть до первых десятилетий, а на юго-востоке региона — вплоть до 20-х гг. XX в. Но уже со второй половины 1920-х гг. и в 1930-е гг. под влиянием русского и украинского населения, усиленного проникновения промышленных тканей и товаров, постепенного ослабления пласта представлений, связанных со знаковой, символической, магической и прочими функциями одежды и ряда других причин, начала внедряться городская форма одежды, которая коснулась, прежде всего, мужского костюма.

Влияние инноваций усилилось в 1940-е гг., поскольку, кроме указанных выше факторов, появились новые: большинство мужчин призывного и более старшего возрастов, будучи мобилизованными в действующую и трудовую армию, освоили новые формы одежды. Изменению используемой одежды способствовало и общение с эвакуированным населением из восточных регионов страны, часть из которых жила в казахских семьях. Дальнейшая тенденция вытеснения традиционного костюма городским продолжалась и в 1950—1960-е гг. в результате усиления этнокультурных контактов, которые затронули и районы с преобладанием казахского населения исследуемых областей.

В 1980—2000-е гг. традиционный комплекс костюма или часть его, не противоречащие современным эстетическим требованиям, больше сохранились у представителей старшего поколения.

Из будничной верхней наплечной мужской одежды у пожилых людей можно встретить камзолы с рукавами (жеңді) и без них — «шолоқкең», покупные шапаны, выполненные в национальном стиле. Иногда поверх шапана надевают бо-

лее плотный халат (шекпен) из сукна или верблюжьей шерсти, которые изредка встречаются в Баянаульском районе Павлодарской области и Наурзумском районе Костанайской области. То же самое можно сказать и об овчинных тулупах (тон), крытых материей шубах — «ішік» (рис. 1—3)*, которые обычно оторачивают лисьим, корсачьим или волчьим мехом. По сообщениям информаторов, на отделку такой шубы уходит до 12-ти лисьих шкур [2, 3].

Рис. 1. Крытая материей мужская лисья шуба (ішік). Павлодарская область, Баянаульский район

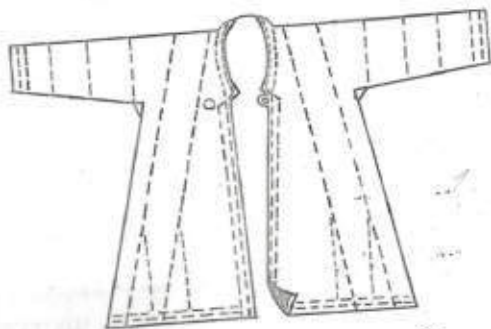

Рис. 2. Мужской домотканый халат (шекпен) из верблюжьей шерсти. Костанайская область, Наурзумский район

Наиболее характерным повседневным костюмом пожилых казашек является платье с отрезной по талии широкой юбкой. Поверх платья носят бархатные, вельветовые безрукавки — жилетки такого же покроя, что и мужской, только с открытым воротом и без воротника. В отличие от мужского костюма они застегиваются пряжками (капсырма). Распространены также однобортные или двубортные жакеты, в том числе и у женщин среднего возраста.

В качестве зимней верхней одежды старые женщины, особенно в моноэтнических районах указанных областей, носят длинные, сшитые в талию плюшевые или бархатные камзолы с рукавами (бешпет), со стоячим или отложным воротником, прорезными боковыми карманами. Приобретают их на рынках, в магазинах или шьют на заказ. Подобные костюмы встречаются не только в данном регионе и в республике, но и у соседних народов Средней Азии [4, 5, 6]. Реже носят халаты (шапан) туникообразного покроя с отложным воротником, сшитые из сукна, атласа. Встречается также крытая материей шуба, называемая в Северном Казахстане «пұшпақ ішік», так как изнутри она отделяется более дорогим мехом — шкурками из лисьих лапок (пұшпақ). Снаружи описываемая шуба покрыта саржей, а края, подол, рукава украшены мехом ондатры [7].

Мужчины-казахи среднего и молодого поколений, как и представители других народов, носят одежду современного городского покроя, главным образом покупную, включая весь комплекс мужского костюма, начиная от рубашек вплоть до курток и пальто. Если и встречаются у них шубы, полушубки, то и они сши-

ты на фабрике или в ателье индивидуального пошива. В качестве рабочей одежды носят поношенные вещи, ватники, куртки, спецовки, комбинезоны.

Рис. 3. Мужчина, одетый в крытую материей волчью шубу (ішік), женщина — в легкий шелковый халат (шапан). Павлодарская область, Баянаульский район

Более разнообразной и современной является одежда молодых женщин и девушек. В комплексе их костюма, независимо от этнической принадлежности, можно увидеть всевозможные по фасону платья как из хлопчатобумажных, шерстяных, так и искусственных, синтетических материалов, сарафаны, юбки с блузками, кофты, джемпера. Учителя, служащие предпочитают носить платья-костюмы. Преобладают покупные вещи или сшитые в ателье и пошивочных мастерских. Плащи, куртки, пальто, шубы подбираются соответственно моде.

* Все фото выполнены автором.

Преимущественно в моноэтнических районах в отношении одежды женщин среднего возраста частично сохраняется еще комплекс поверий, связанных с идеей плодородия и бесплодия, счастья и несчастья. Так, существует ряд запретов (предостережений) носить какую бы то ни было одежду бесплодной женщины. Нельзя также подбивать задний край подола платья нерожавшей женщине, что было связано с магической стимуляцией плодородия [8] и т.д.

Если рассматривать детскую одежду, то в исследуемом нами регионе, как в республике, так и в Средней Азии в целом, традиционный костюм бытовал лишь до 1960-х гг., когда еще придерживались ряда обрядов и поверий, связанных с охраной ребенка и его здоровья [9].

Лишь кое-где в отдельных южных селениях Северного региона с преобладанием казахского населения сохранилось представление, согласно которому специально сшитая и надета наизнанку детская рубашка — «ит кейлек» (букв. «социально сшитая и надета наизнанку детская рубашка»), приносимая при проведении детского обряда «шілде» и носимая младенцем до сорока дней, якобы предохраняет его от различных болезней и сглаза. То же самое можно сказать и о повериях, связанных с покроем детской одежды, когда подол и края рук рубашек, платьев не подшивали, чтобы не укоротить рост и жизнь ребенка [10, 11].

В остальном детская одежда у казахов, как и у других этносов, мало чем отличается от современных стандартов. Многие родители предпочитают брать готовые комплекты одежды, продаваемые на сельских рынках или в городе. На унификацию детского костюма, видимо, влияют и детские дошкольные учреждения, школы. Сообразно велению времени, взрослые одевают детей в те образцы одежды, которые практичны, эстетичны и общеприняты соответственно их возрасту.

Головные уборы, бытовавшие в прошлом, наиболее полно сохранились у казахов в среде старшего поколения. Из зафиксированных нами полевых, музейных материалов они полностью совпадают с традиционными формами, распространенными в регионе и республике. Их сохранение частично объясняется все еще бытующим представлением о магических функциях головных уборов. В традиции ряда тюркоязычных народов, в том числе и казахского, головной убор ассоциируется с понятием «верх», «благополучие». Например, нельзя меняться головными уборами, иначе с чужим головным убором на него перейдут и чужие несчастья, будут мучить головные боли и т.д. Стойко держится представление, что нельзя наступать или перешагивать через головной убор [12].

Из верхних головных уборов в области, как и в республике в целом, до сих пор встречаются «бөрік», «тымак», «такия». Наиболее предпочитается круглая шапка с низким коническим цилиндром на ватной или шерстяной прокладке, с меховой опушкой (бөрік). Отличительным свойством, характерным только для Северного Казахстана, являются «құндыз бөрік» и «пұшпақ бөрік» — шапки с опушкой из бобрового меха и из лисьих шкур или лисьих лапок. «Бөрік» популярен и среди молодежи, и следует отметить, что не только среди казахской молодежи, но и русской, украинской, немецкой, татарской. Раньше охотно покупались шапки Карагандинского и Алматинского меховых комбинатов, теперь предпочитают те, которые поставляются рынком.

Меньше сохранился в регионе «тымак», представляющий собой зимнюю шапку с незначительной выпуклостью на макушке, в то время как в восточных районах Казахстана он имел более высокую и узкую верхушку [13]. В остальном его форма стандартна: козырек, две длинные лопасти для ушей, задняя часть, прикрывающая затылок и шею. Шьют его из мелкой смушки или лисьего меха. В первом случае он называется у местных жителей «елтірі тымак» (рис. 4), а во втором — «тулкі тымак» (рис. 3) [14]. Современные фабричные тымаки из овчины также пользуются большим спросом, так как они незаменимы при суровой погоде, буранах. Его удобство по достоинству оценено всеми контактирующими этносами.

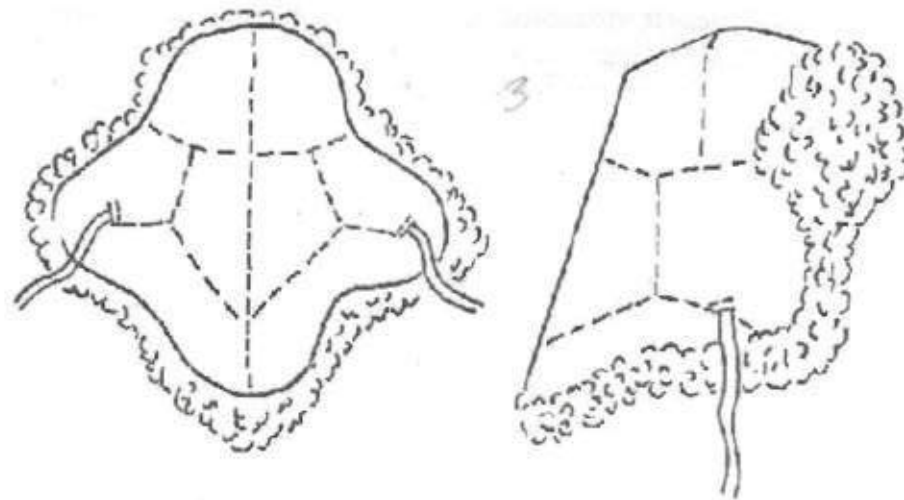

Рис. 4. Зимний мужской головной убор «елтірі тымак». Павлодарская область, Аксуский район. Бархат, х/б ткань, войлок, каракуль

Охотно носят старики и казахские пубетейки (тебетей, такия), сшитые из бархата, конические макушки которых состоят из четырех до восьми клиньев, а их цилиндрический околыш простеган машинной строчкой. Предпочитают носить как одноцветные из темных, голубых, зеленых цветов, так и орнаментированные традиционными орнаментами. В то же время отметим, что указанный головной убор слабо отражает локальные традиции в отличие от среднеазиатских, имевших такие разновидности, как чувская, кашкадарьинская, ходжентско-уратюбинская, каратегинская и др. [15, 16, 17]. Подтверждением сказанного является и то, что в настоящее время местное население предпочитает носить покупные тебетейки, сшитые не только в Северном Казахстане и других регионах республики, но и в соседнем Кыргызстане.

В современных головных уборах среднего и более молодого поколения слабо выражены этнические особенности. Так, обычно носят меховые шапки-ушанки, фуражки, кепки. Интеллигенция, руководители и работники высшего звена надевают дорогие ондатровые и норковые шапки. Они же носят в летнее время шляпы: фетровые и соломенные.

Из традиционных головных уборов пожилых казахов в южных районах региона встречается «кимешек» (капюшон), иногда с платком (жаулық), накаты-

ваемым на него. Он, как правило, шьется из цельнокроеной передней и задней частей. Вырез для лица в верхней части делается овальный, обрамленный вышивками из цветных нитей. Края низа украшаются машинной строчкой. Они идентичны тем комплектам, которые представлены в коллекциях ГМЭ и МАЭ из Павлодарского и Костанайского уездов и характерны для Северного Казахстана [18, 19, 20]. Отметим то обстоятельство, что задняя часть местных головных уборов в отличие от восточных регионов, а также Жетысу имеет овальную форму, а у последних — остrokонечную. Указанное различие хорошо просматривается в научном каталоге «Традиционная одежда казахов», подготовленном Центральным государственным музеем Республики Казахстан под редакцией Н. Алимбая [21]. Отметим, что кимешек известен и каракалпакским, реже узбекским женщинам [22, 23].

Среди женщин старшего, среднего возраста, как у казашек, так и у русских, украинок, встречаются пуховые платки ручной работы, большие теплые шерстяные и хлопчатобумажные платки. Девушки носят пуховые шали, шарфы, вязаные и меховые шапочки.

Изменения заметны и в обуви. В настоящее время в Костанайской и Павлодарской областях в частности и в республике в целом у старшего поколения все еще можно встретить из традиционной обуви только мягкие сапоги «масі» (ичиги). Они шьются из черной хромовой кожи с подкладом из белой сыромятной кожи или из хлопчатобумажной ткани на мягкой подошве. Как правило, голенище, задник и головка скроены отдельно, имея машинный шов. С другой стороны, особенностью встречаемых нами ичигов является то, что они не подразделяются на правый или левый сапог. Аналогична конструкция и женских сапогов, которые могут, помимо традиционного черного цвета, иметь красный, темно-синий и изготавливаться из юфта или сафьяна [24, 25]. Зимние ичиги шьются более просторные, чтобы изнутри можно было бы носить мягкие хлопчатобумажные портянки.

Все они завозятся в исследуемый регион из Южного Казахстана, преимущественно из Туркестана. Поверх ичигов при выходе на улицу надевают сейчас не кожаные галоши, как раньше, а более удобные, резиновые, известные как «азиатские», появившиеся в Средней Азии и Казахстане в начале XX в. [26, 27]. Ходят и без ичигов, в одних галошах, надевая теплые или шерстяные носки. Такие же галоши в большом почете и у женщин русской, украинской, немецкой, татарской национальностей [28, 29, 30, 31].

Выходят из употребления и валенки. Носят их преимущественно в сильные морозы люди старшего, реже — среднего поколения. Молодежь отдает предпочтение меховым сапожкам и ботинкам.

Созданные модельерами комплексы одежды на основе национальных мотивов носят стилизованный характер, но не всегда отражают местные традиции в одежде. Так, за некоторым исключением (женские камзолы, безрукавки), они редко входят в повседневную, тем более праздничную одежду. В магазинах или на рынках их приобретают в основном для составления свадебных подарков или при традиционной раздаче их на похоронах, а также в дни празднования Наурыза. Например, по нашим опросам, на вопрос, что мешает приобретению тради-

ционных костюмов, наряду с ответами о недостатке материальных средств и отсутствии таких вещей в продаже, от 45,7% казахов Аксуского района Павлодарской области до 56,6% в Наурзумском районе Костанайской области ответили, что они не желают их приобрести.

Традиционные национальные женские украшения сохранились у женщин-казашек пожилого возраста, реже — среднего. Наиболее полно представлены украшения для рук — серебряные круглые полусомкнутые браслеты (білезік), покрытые насечкой, различные перстни (жүзік) и кольца (сакина). Пожилые женщины носят также серебряные плоские серьги (сырға) и фигурные застёжки (қапсырма) для стягивания бортов камзола, аналогичные тем, что хранятся в коллекциях ГМЭ из Костанайского и Павлодарского уездов [32].

Сохранение описанных выше традиционных украшений из серебра объясняется, видимо, помимо престижности и редкости, все еще существующими представлениями об их знаковых, сакральных, очистительных и других магических функциях. Например, раньше эти украшения служили показателем не только возрастной, социальной, но и определенной родоплеменной принадлежности [33]. Также по традиции в ряде моноэтнических районов исследуемых областей взрослые женщины при приготовлении пищи должны были иметь на пальцах руки серебряные перстни или кольца, чтобы пища была «чистой», и сейчас браслеты могут носить только замужние и пожилые женщины [34, 35, 36, 37]. По народной традиции считается, что украшения должны сопутствовать женщине с малых лет на всю жизнь, ибо она без украшений все равно что дерево без листьев («әшекейі жоқ әйел жапырағы жоқ ағашпен бірдей») [38].

Имеющиеся украшения можно разделить на два вида: старинные, передаваемые по наследству, обычно от матери старшей дочери, и современные, выполненные на заказ народными умельцами в традиционном стиле, реже — покупные, фабричные.

Еще до революции славился Баянаульский район своими ювелирными изделиями. Существовала школа мастеров-зергеров из династии «кошетер ұсталары» — Жусуп, Ултарак, изделия которых ценились на Куяндинской, Баянаульской и Акмолинской ярмарках [39]. Традиции кошетерцев были продолжены впоследствии К. Касымовым — заслуженным деятелем искусств КазССР, Б. Балтабаевым, К. Сулейменовым, О. Кожановым и др. Все ювелирные украшения изготавливались ими из серебра заказчиков, в основном из старых серебряных монет. Технические приемы и орнамент ювелирных изделий, описанные исследователями по Северо-Восточному Казахстану, имеют аналогии и в Павлодарской области [40, 41, 42, 43, 44]. В результате культурного обмена с контактирующими этносами, преимущественно русскими, появились браслеты, имитирующие ручные дамские часы.

К сожалению, в настоящее время изготовление традиционных украшений, как и других видов народных промыслов, постепенно угасает. Некому заниматься координацией их творчества, обучением юных умельцев на основе традиционного искусства народных мастеров. Аналогичные промышленные изделия ни по материалу, ни по качеству и технике, ни по другим параметрам не всегда соответствуют традиционным образцам.

В настоящее время казашки, как и женщины других национальностей, больше носят покупные ювелирные изделия промышленного производства, преимущественно золотые.

Таким образом, традиционный комплекс одежды, украшений, равно как и отдельные их элементы в исследованных двух областях Северного Казахстана, имеют реальное бытование среди пожилых людей, особенно женщин. Происшедшие изменения в первую очередь затронули материал одежды, обувь, меньше — ее конструктивные особенности, головные уборы и женские украшения. В некоторых случаях наблюдается процесс рекультурации элементов традиционной одежды, например, женского свадебного костюма, включая специфический головной убор невесты — «саукеле». Перечисленные выше виды национально-го костюма, встречающиеся в Северном Казахстане, являются общими не только для других регионов Казахстана, но и для многих тюркоязычных народов Средней Азии, Поволжья, Кавказа и Южной Сибири, так как они сложились в результате многовековых культурных связей и взаимовлияний, вследствие чего очень немногие виды одежды были распространены у отдельных групп или народов и отсутствовали у других [45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52].

Современная городская одежда, распространенная, главным образом, среди представителей младшего и среднего возраста (наиболее социально активной части населения), независимо от этнической и социально-профессиональной принадлежности, давно утратила черты необычности и стала повседневной. Этнические отличия в одежде проявляются в основном в расцветке тканей, подборе материала, покрое и отделке, способах ее ношения и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда (XIX — начало XX века). — Алма-Ата: Наука, 1964. — 178 с. (С. 146).
2. Полевые материалы автора, Павлодарская область, Баянаульский район, 1989 г.
3. Полевые материалы автора, Костанайская область, Аулиекольский район, 1989 г.
4. Әміргазин Қ. Қазақ қолөнері. — Алматы: Дайк-Пресс, 2004. — 162 бет (51—52 бб.).
5. Васильева Г.П. Некоторые тенденции развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана // Сов. этнография. — 1979. — №3. — С. 18—30 (С. 21).
6. Егізбаева М.Қ. XIX—XX ғ. Басындағы қазақ халқының дәстүрлі ұлттық киіміндегі өзгерістер // Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 20-жылдығына арналған «Нұрпейіс оқулары» аясындағы «Тарих ғылымының өзекті мәселелері мен келешегі» Халықаралық ғылыми-практикалық конференцияның материалдары. — Алматы, 2011. — 267—271 бб. (268 б.).
7. Полевые материалы автора, Павлодарская область, Баянаульский район, 1980 г.
8. Шаханова Н.Ж. Мир традиционной культуры (этнографические очерки). — Алматы: Қазақстан, 1998. — 184 с.
9. Васильева Г.П. Отражение этносоциальных процессов в материальной культуре современной сельской семьи (на примере народов Средней Азии и Казахстана) // Сов. этнография. — 1982. — №5. — С. 45—51 (С. 49).
10. Полевые материалы автора, Павлодарская область, Баянаульский район, 1989 г.
11. Полевые материалы автора, Костанайская область, Аулиекольский район, 1989 г.
12. Полевые материалы автора, Костанайская область, Аулиекольский район, 1989 г.
13. Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Одежда и украшения // Культура и быт казахского колхозного аула. — Алма-Ата, 1967. — С. 114—129.

14. Полевые материалы автора, Павлодарская область, Аксуский район, 1989 г.
15. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. — М., 1954. — Вып. 1. — С. 339—343.
16. Абдуллаев Т.А., Хасанов С.А. Одежда узбеков (XIX — начало XX в.). — Ташкент: ФАН, 1978. — 116 с. (С. 15).
17. Широкова З.А. Одежда // Таджики Каратегина и Дарваза. — Душанбе, 1970. — Вып. 2. — С. 116—202 (С. 47).
18. Государственный музей этнографии народов СССР. — Осн. фонд, колл. 1062 (коллекция П.Н. Бекетова). — Предм. 33, 34.
19. Музей археологии и этнографии Института этнологии и этнической антропологии РАН. — Осн. фонд. — Колл. 1749 (коллекция К.В. Шенникова). — Предм. 13.
20. Полевые материалы автора, Павлодарская область, Баянаульский район, 1986 г.
21. Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық музейінің этнографиялық коллекциясы. 1 том. Қазақтың дәстүрлі киім-кешегі (иллюстрацияланған ғылыми каталог). — Алматы: Өнер, 2009. — 344 бет (96—103 бб.).
22. Алламуратов А. Каракалпакская народная вышивка. — Нукус: Каракалпакстан, 1977. — 79 с. (С. 50—53).
23. Есбергенов Х. Одежда // Этнография каракалпаков XIX — начала XX века (Материалы и исследования) / Отв. ред. Т.А. Жданко, С.К. Камалов. — Ташкент, 1980. — С. 57—102 (С. 80).
24. Әміргазин Қ. Қазақ қолөнері... 50—53 бб.
25. Қазақстан Республикасы Мемлекеттік Орталық музейінің этнографиялық коллекциясы. 1 том. Қазақтың дәстүрлі киім-кешегі (иллюстрацияланған ғылыми каталог)... 289—295 бб.
26. Казахская национальная одежда: Альбом. Автор рис. А. Галимбаева. — Алма-Ата: Жалын, 1976. — 112 с. (С. 11).
27. Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.). — М.: Наука, 1982. — 141 с. (С. 67).
28. Полевые материалы автора, Павлодарская область, Баянаульский район, 1989 г.
29. Полевые материалы автора, Костанайская область, Наурузумский район, 1989 г.
30. Полевые материалы автора, Костанайская область, Аулиекольский район, 1989 г.
31. Полевые материалы автора, Павлодарская область, Аксуский район, 1989 г.
32. Государственный музей этнографии народов СССР. — Колл. 1062. — Предм. 50, 53, 54.
33. Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 328 с. (С. 265—286).
34. Полевые материалы автора, Павлодарская область, Баянаульский район, 1989 г.
35. Полевые материалы автора, Костанайская область, Наурузумский район, 1989 г.
36. Полевые материалы автора, Костанайская область, Аулиекольский район, 1989 г.
37. Полевые материалы автора, Павлодарская область, Аксуский район, 1989 г.
38. Тохтабаева Ш.Ж. Шедевры Великой степи. — Алматы: Дайк-Пресс, 2008. — 240 с. (С. 97).
39. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. — Алма-Ата: Өнер, 1986. — Т. 1. — 256 с. (С. 217).
40. Масанов Э.А. Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле (вторая половина XIX — начало XX в.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. — Алма-Ата, 1961. — Т. 12. — С. 148—170.
41. Тәжімұратов Ә.С. Шебердің қолы ортақ. — Алматы: Қазақстан, 1977. — 96 бет.
42. Муканов М.С. Казахские художественные домашние ремесла. — Алма-Ата: Казахстан, 1979. — 179 с.
43. Аргынбаев Х.А. Қазақ халқының қол өнері. — Алматы: Өнер, 1987. — 128 бет.
44. Казахские женские ювелирные украшения: Альбом / Сост. Ш.Ж. Тохтабаева. — Алма-Ата: Өнер, 1985. — 154 с.
45. Примкулова Г.Ж. Одежда современного казахского населения Южного Казахстана // Материалы Международных Бекмахановских чтений. — Алматы, 2002. — С. 271—275 (С. 272—274).
46. Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков конца XIX — начала XX в. — Ташкент: ФАН, 1981. — 126 с. (С. 68—73).
47. Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (вторая половина XIX — начало XX в.). — С. 52—53.
48. Есбергенов Х. Одежда // Этнография каракалпаков XIX — начала XX века (Материалы и исследования)... С. 63—70.
49. Мухамедова Р.Г. Татары // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. — М., 1985. — С. 200—236 (С. 218).
50. Бикбулатов Н.В. Башкиры // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. — М., 1985. — С. 237—270 (С. 254).
51. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX в. — М.: Наука, 1976. — 227 с. (С. 108—135).
52. Потапов Л.П. Одежда алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. — 1951. — Т. XIII. — С. 5—59 (С. 15—16).

Из истории государственно-конфессиональных отношений в Казахстане: начало политики атеизации и борьбы с исламом (1917—1927 гг.)

НУРТАЗИНА Н.Д.

Составной частью «культурной революции» в СССР стала борьба с религией. Как доказано в классических советологических исследованиях западных авторов, в ходе реализации этой политики наблюдалась следующая закономерность: до середины 1920-х гг. по отношению к исламу соблюдалась осторожность, зато в 1930-е гг., в рамках всесоюзной антирелигиозной кампании, наоборот, наиболее грубо попирались религиозные права национальных меньшинств, в том числе мусульманских народов.

Цели и задачи, принципы политики атеизации были обоснованы в работах В.И. Ленина («О значении воинствующего материализма» и др.), а также таких партийцев, как В.Д. Бонч-Бруевич, А.В. Луначарский, Е.М. Ярославский и др. С идеологической точки зрения религия была признана «опиумом для народа». В плане идейной и практической подготовки большевики выгодно использовали для себя противоречия в общественной и религиозной жизни мусульман: ослабление интеллектуальных основ ислама и кризис традиционного образования, стихийную секуляризацию массового сознания, раздоры среди духовенства, разобщенность мусульманских народов империи.

Знаменитый Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви (23 января 1918 г.) за подписью Ленина лишил все религиозные общества статуса юридического лица, имущество их объявил народным достоянием. Статья 3 гарантировала право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Подорвать позиции религии должны были и такие законодательные акты, как декреты «О расторжении брака», «О гражданском браке» (декабрь 1917 г.), Декрет о передаче решения всех мусульманских вопросов в руки комиссариата по делам мусульман внутренней России (27 января 1918 г.) и др.

В мае 1918 г. для разъяснения Декрета об отделении церкви от государства и его реализации при Наркомюсте был создан специальный отдел (№8), который возглавил П.А. Красиков. Началась атеистическая пропаганда. Только за первые 2,5 года отделом при участии партийных органов и советских учреждений было

организовано свыше 400 лекций, митингов и диспутов в различных городах [1]. С 1919 г. стал выходить журнал «Революция и церковь».

Согласно Декрету (от 23 января 1917 г.), православие было лишено привилегированного статуса среди конфессий страны, который был официально дан ему самодержавным режимом. Предусматривалось, что государство не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь религиозных общин. Играя на чувствах угнетенных мусульман, СНК РСФСР выпустил Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока (20 ноября 1917 г.). В нем демагогически заявлялось о предоставлении религиозной свободы угнетенным мусульманам [2]. Были впечатляющие акции, вроде возвращения верующим знаменитого Корана халифа Османа и др.

Тем не менее уже в те годы верующие были всерьез озабочены своим будущим. Были протесты, попытки противостоять ограничительным мерам. В силу такой специфики ислама, как универсальность, всеохватность, что порождало тесную взаимосвязанность его с семейно-брачными отношениями, системой образования, отделение религии от школы и другие меры должны были иметь разрушительные последствия особенно для мусульман. Вот почему лидер «мусульманских коммунистов» [создавший идеологию, соединившую элементы марксизма и ислама, основатель Российской мусульманской коммунистической партии (РМПК)] Мирсаид Султан-Галиев (1892—1940 гг.), а также ряд представителей духовенства сразу заявили, что Декрет от 23 января 1918 г. не может быть применен по отношению к мусульманским регионам.

Общеизвестно, что в первое десятилетие Советской власти, особенно в годы Гражданской войны, большевики не имели возможности открыто выступить против духовенства. Хаос, голод, разруха делали невозможным полномасштабно претворять антирелигиозные принципы. Тем не менее религиозная жизнь стремительно приходила в упадок. До середины 1920-х гг. не было только официально, планового наступления на религию, тогда как глумление над религиозными чувствами людей, разрушение молитвенных домов в ограниченных масштабах имели место еще на заре Советской власти. Общая враждебность к религии, бесчинства красногвардейцев, несанкционированные аресты и убийства священнослужителей, разграбление монастырей, церквей встречались уже повсюду. Идеологическое противостояние усугублялось тем, что духовенство (прежде всего, христианское), боясь «безбожной власти», в той или иной степени поддерживало силы контрреволюции [3].

Враждебность большевистского режима к мусульманскому фактору уже проявилась в таких событиях, как, например, официальное подавление Советской властью всероссийского мусульманского движения (в апреле 1918 г.), жестокий разгром Кокандской автономии, экспорт революции в Бухару и Хиву и др. И все же официально война с религией еще не была объявлена. Осознавалось, что борьба с вековыми религиозными устоями будет непростой. Отсюда — противоречия, лавирование, обман. Считали, что с религией нужно бороться косвенно, «подтачивая» ее основы через распространение нового мировоззрения.

Тактика коммунистов была направлена на то, чтобы выиграть время, особенно это касалось мусульманских регионов. Учитывалась консервативность Востока,

слитность религии с национальными обычаями и то обстоятельство, что, «помня о работе среди мусульман в течение долгих лет христианских миссионеров, нужно избегать давать повод к смешению с ними наших пропагандистов» [4]. Препятствием было и то, что вплоть до середины 1920-х гг. на сферу культуры и просвещения оказывали большое влияние бывшие алаш-ордынцы, не были ликвидированы баи. Большевики боялись идей панисламизма и пантюркизма, поэтому на первых порах делался упор не на борьбу с собственно исламом, а на подрыве единства тюрко-мусульманских народов. Ставка на этничность, поддержка национальных чувств на деле были «очень активной антирелигиозной политикой» [5].

Ленин повторял о необходимости «завоевать доверие трудящихся мусульман». Отчасти это было связано и с идеей мировой революции, надеждой завоевать симпатии мусульман зарубежного Востока [6]. Советам нужно было использовать в необходимых случаях религиозный фактор для укрепления своих позиций. О компромиссе между властью и духовенством говорит распространение в те годы идеи о сходе коммунизма и ислама, когда Ленина выдавали за пророка или святого и т.д. [7].

Лояльное к Советской власти духовенство выпускало фетвы с оправданием и освящением земельно-водной реформы и др. Делались некоторые уступки женщинам. Так, еще в 1919 г. мусульманка Мухлиниса Буби была избрана в состав руководства Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири и на протяжении почти двух десятилетий принимала участие в обсуждении религиозных дел. В свете подобной политики взаимных компромиссов понятно, почему в 1922 г. в конституциях Бухарской и Хорезмской республик провозглашалась свобода совести, но не говорилось еще об отделении религии от государства. Под давлением коммунистов на Втором курултае высшего духовенства в Бухаре, состоявшемся 28—31 января 1924 г., басмачи были объявлены «врагами народа» [8].

Период с 1923 по 1927 г. можно назвать «временным равновесием сил» [9]. С одной стороны, по всей стране нарастало влияние атеизма. Декрет СНК РСФСР от 8 февраля 1923 г. о регистрации религиозных обществ, по сути, нарушал закон от 23 января 1917 г., так как стало возможным вмешательство государства во внутреннюю жизнь общин. Уже в 1922—1923 гг. в СССР возникли кружки безбожников (хотя в Казахстане и Средней Азии они появились позже). В августе 1924 г. при редакции газеты «Безбожник» было образовано Общество друзей газеты «Безбожник» (ОДГБ), а в апреле 1925 г. был основан Союз безбожников. С другой стороны, Советская власть продолжала делать видимость заботы о верующих.

Показателем такого отношения было разрешение на проведение Съезда мусульманского духовенства в Уфе (10—21 июня 1923 г.), на котором присутствовало до трех тысяч делегатов [10]. Почетным председателем был избран Ризаэддин Фахреддинов, которого в первый же день съезда единогласно избрали муфтием, председателем Центрального Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири РСФСР с центром в Уфе. Поскольку Духовенство Казахстана находилось тогда в ведении именно Центрального духовного управления мусульман РСФСР, то стоит сказать несколько слов о личности муфтия Р. Фах-

реддинова (1859—1936 гг.). Как авторитетный религиозный деятель и ученый Р. Фахреддинов в условиях атеизации населения, осуществлявшейся советским государством, сделал многое для сохранения мечетей, кадров духовенства и системы начального религиозного образования в России. Он сумел наладить диалог с властями, которые в 1920-х гг. были вынуждены считаться с его мнением — мнением известного религиозного деятеля и интеллектуала-востоковеда. Р. Фахреддинов был знаком с выдающимися учеными-востоковедами своего времени: академиками А. Самойловичем, И. Крачковским, В. Бартольдом. Неслучайно в 1925 г. он получил приглашение участвовать в качестве гостя в юбилейных торжествах, посвященных 200-летию Академии наук СССР, а в 1926 г. возглавил делегацию советских мусульман на I Всемирном мусульманском конгрессе в Саудовской Аравии, где был избран его вице-президентом. В 1926 г. на Всероссийском съезде мусульманского духовенства Р. Фахреддинов был переизбран на должность муфтия.

В документах съезда мусульманского духовенства 1923 г. отразились противоречивость и натянутость отношений между религией и государством. «Руководство съезда шло буквально по острию ножа, лавируя между необходимостью подчинения Советам и защитой интересов мусульман» [11]. В 1924 г. ЦДУ стал издавать журнал «Ислам» (редактор — казы Кашшафуддин Тарджиманов). Он рассылался во все восточные республики, знакомил с вопросами мусульманской жизни. В 1927 г. в нем был опубликован отчет Р. Фахреддинова о поездке на Мекканский международный мусульманский конгресс.

Относительно либеральный характер ранней конфессиональной политики большевиков выразился в удовлетворении ходатайства мусульманского съезда в Уфе, когда Постановлением ЦИК и СНК СССР (октябрь 1923 г.) правительство, «принимая во внимание культурно-экономическую отсталость мусульман», разрешало «в пределах Туркестанской, Киргизской республик и автономных единиц Кавказа... открытие частных школ для преподавания мусульманского вероучения лицам, достигшим совершеннолетия по шариату»; оговаривалось, что это должно быть время, свободное от занятий в советской школе. Так, стали вновь открываться школы при мечетях.

В пределах Туркестанского края вплоть до середины 1920-х гг. вопрос о ликвидации религиозных школ даже не ставился. Они просуществовали до 1928—1929 гг. Не хватало кадров «красного учительства». Временами даже в советских школах разрешалось преподавание ислама (1925 г.) при условии, что учителя религии не воспользуются этим для антисоветской пропаганды и труд их будет оплачиваться верующими родителями. В целом влияние ислама до конца 1920-х гг. оставалось внушительным, в том числе и среди казахов.

Противостояние между религией и атеизмом явствует из документов того времени. Критиковали советских учителей-мугалимов и даже партработников за то, что они находятся под влиянием религии. Даже в 1928 г. пресса национальных республик писала, что жены многих передовых рабочих, партийцев ходят в парандже, в лучшем случае они снимают паранджу 1 мая во время демонстрации, а затем, со 2-го числа, опять ее надевают, что до 20—30% учениц и учительниц

советских школ и даже «не все коммунистки» не расстались еще с паранджой [12]. В воспоминаниях о первом женском клубе в г. Туркестане рассказывается, что узбечка снимала паранджу только в помещении, во время собрания, но как только «подходила к двери клуба, надевала паранджу. За дверями ее ждал муж и уводил ее» [13].

В материалах по Сырдарьинской области (1927 г.) отмечали: «Религиозность. Этой болезнью заражены почти поголовно все члены и кандидаты ВКП(б). Пример: на вопрос одному из членов ячейки “Веруешь ли ты в бога?” был дан ответ: “У нас все веруют, все ходят в мечеть, нам никто не запрещает молиться, да и, я думаю, парткомы уважаем, но и бога не бросаем. Плох тот человек, кто бога забывает. Я думаю, что и Ленин уважал бога...”» [14].

В Обзоре деятельности мусульманского духовенства в Казахстане (1927 г.) говорилось о психологическом давлении мулл на коммунистов: «Нередко муллы вызывают к себе членов ВКП(б) и говорят им, что Компартия запрещает своим членам принимать участие в религиозной жизни, поэтому духовенство не вправе совершать для них религиозных обрядов, за неисполнение же последних они не будут считаться мусульманами и поэтому бог может простить им грехи только тогда, когда они выйдут из ВКП(б) и снова примут ислам» [15]. Вероятно, речь шла об обмывании покойников, чтении жаназы и т.п.

О коммунистах-уйгурах Джаркентского уезда сообщалось, что «при более откровенных беседах некоторые коммунисты отвечали, что, когда они находятся среди почетных религиозных людей, они исполняют религиозные обряды, мол, для того, чтобы не потерять авторитета между верующими массами» [16]. Следует заметить, что «подпольная» религиозность некоторой части интеллигенции и даже высшей партийной номенклатуры, так или иначе, сохранялась на всем протяжении существования Советской власти в регионе.

Существовала обеспокоенность тем, что в казахских аулах после гражданской войны, голода и джута наметился даже общий подъем религиозного движения [17]. Это выразилось в возникновении во всех уездах края, населенного преимущественно казахами, уездных и районных мухтасибатов, религиозных школ, мечетей и шариатско-аксакальских судов, в «быстром росте мюридства», то есть последователей ишанов (ишаны Косдаулетов, Аисариев и другие имели в Уральской губернии каждый по 500—800 мюридов).

Контингент мюридов у некоторых казахских ишанов доходил от 10 до 15 тысяч [18]. Хадж в Мекку хотя и был сильно затруднен, но продолжался. Сохранялось значение паломничества в Туркестан к гробнице Ходжи Ахмеда Йассави — ежегодно (данные 1927 г.) сюда стекаются от 5 000 до 8 000 верующих [19]. Серьезные позиции религии подтверждают документы Джетысуйского губкома ВКП(б) за 1926 г. В губернии насчитывалось 458 мулл, 90% которых являются казахами [20].

Одновременно имело место недовольство народа и духовенства распространением атеизма, ущемлением прав по религиозным признакам. В 1925—1927 гг., особенно после распоряжения НКВД, ограничивающего мусульманское просвещение, о закрытии религиозных школ, запрещении религиозных обрядов и праздников, даже Наурыза (с 1926 г.), проходили мусульманские сходы, где звучали тре-

бования об уравнивании духовных лиц с остальными гражданами, об отмене подоходного налога с духовенства, предоставлении полной свободы вероучения и др.

В журнале «Кызыл Казахстан» за 1928 г. сообщалось, что «во время прошедшего Курбан айта мулла Рахметолла-улы Мырзасейт агитировал, чтобы люди не ели в домах комсомольцев и не общались с ними... Всем известный мухтасиб Ныгметолла Ибраим-улы в 1925—1926 гг. по всему Джангалинскому району проводил агитацию против коммунистов и комсомольцев. “Не выдавайте дочерей замуж за коммунистов и комсомольцев, не женитесь на них. Не общайтесь с ними”, — говорил он... Хазрет Габдыгазы поручил своим мюридам передать всем мусульманам, чтобы их дети не вступали в комсомол» [21].

Разумеется, Советская власть не могла долго терпеть такое равновесие. Разрешение преподавания вероучения при мечетях (постановление 1923 г.) было, по существу, последней уступкой в религиозном вопросе. В дальнейшем был принят ряд подзаконных актов и инструкций (в т.ч. дополнение НКВД от 23 декабря 1924 г.), которые свели на нет возможность реализации указанного постановления 1923 г. Тезисы по антирелигиозной пропаганде среди мусульман КССР (1926 г.) предусматривали жесткое пресечение религиозной активности, уже стали писать об антисоветском характере духовенства, называть ислам «прислужником байства», усилилась цензура и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лившиц Г.М. Очерки по истории атеизма в СССР: 20—30 годы. — Минск, 1985. — С. 8.
2. Декреты Советской власти. — М., 1957. — Т. 1. — С. 113—114.
3. Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918—1920 гг. и интервенция: очерки и материалы. — М.: Безбожник, 1930. — С. 45.
4. Тезисы к докладу агитпрома Киробкома РКП(б) от 25 февраля 1922 г. // Преодолевая религиозное влияние ислама (из опыта Коммунистической партии Казахстана) 1917 — начало 1930-х гг.: Сб. док. и матер. — Алма-Ата, 1990. — С. 51.
5. Islam and Communism. — N.Y., 1960. — P. 15.
6. Ibid. P. 14.
7. Ахмедов С. Влияние культурной революции на формирование научно-атеистического мировоззрения трудящихся. — Душанбе, 1987. — С. 70.
8. Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. — Ташкент, 2000. — С. 550.
9. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. — Уфа, 1999. — С. 136.
10. Там же.
11. Там же. С. 134.
12. Смирнов Н. Чадра: происхождение покрывала мусульманской женщины и борьба с ним. — М., 1929. — С. 55.
13. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана: Сб. док. — М., 1971. — С. 354.
14. Доклад Сыр-Дарьинской губернской контрольной комиссии // Преодолевая религиозное влияние ислама... С. 148.
15. Обзор деятельности мусульманского духовенства в Казахстане // Там же. С. 131.
16. Экономический и политический обзор состояния уйгурских кишлаков. Об отношении кишлачных коммунистов к религии // Там же. С. 159.
17. Информационный отчет Киркрайкома РКП(б). О религиозном движении в ауле // Там же. С. 89.
18. Обзор деятельности мусульманского духовенства в Казахстане // Там же. С. 133.
19. Там же. С. 134.
20. Постановление секретариата Джетысуйского губкома ВКП(б) о деятельности мусульманского духовенства // Там же. С. 107—108.
21. Усилить антирелигиозную работу. Из статьи журнала «Кызыл Казахстан» // Там же. С. 182.

Региональный подход в изучении политики царской власти в отношении казахов

АБДИЛДАБЕКОВА А.М.

В макросистеме континентальной Российской империи Казахстан занимает особое место. Его выделение соответствует требованиям рассмотрения временного и географического факторов. Исследователи выдвигают тезис о том, что единой политики самодержавия в масштабе империи не существовало. То же самое относится, в частности, к вопросам единой динамики, синхронности или асинхронности в колонизации, ассимиляции, русификаторских усилиях власти. Вслед за доказательством этого тезиса естественно рассмотрение политики Российской империи в Казахстане с точки зрения институционального, управленческого, общественного контекста. В каких же рамках методологических подходов возможен конкретно-исторический анализ выдвинутых тезисов? В исследованиях А. Каппелера опубликованы размышления по данной проблеме с учетом критических суждений, высказанных историками разных стран. Представляют интерес его оценка и перспективы использования регионального подхода: «В будущем, как мне кажется, региональный подход к истории империи станет особенно инновационным. Преодолевая этноцентризм национально-государственных традиций, он позволяет изучать характер полиэтнической империи на различных пространственных плоскостях. В отличие от национальной истории этнические и национальные факторы здесь не абсолютизируются, и, наряду с этническими конфликтами, рассматривается более или менее мирное сосуществование различных религиозных и этнических групп. Смена перспективы разрывает, прежде всего, столетней давности традицию централистского взгляда на историю России, которая себя изжила» [1].

Одним из активных сторонников регионального подхода для понимания имперской политики является российский историк А.В. Ремнев [2]. Он утверждает, что не следует подменять историю регионов историей народов, в них проживающих, что необходимо взглянуть на регион как на социокультурную, экономическую и политико-административную систему.

В профессиональной исторической среде высказываются определенные сомнения по поводу регионального подхода как нового направления новейшей историографии, в первую очередь из-за неопределенности его оснований. Само поня-

тие «регион» является неопределенным, поскольку применяется к самым разным по размеру территориям. Эти регионы могут принадлежать одному государству, могут включать ряд государств, а могут быть разрезаны государственной границей. Принципы вычленения регионов также не едины, они многообразны [3].

А.И. Миллер, Т. Уикс и Р. Гераси по отношению к империи Романовых также выделяют исторические источники, которые выступают как вариант регионального подхода, поскольку вычленяют в государстве регион, используя границы современных государств [4]. Национальные исторические нарративы, как правило, по-своему сочетают этнический и территориальный подходы, то есть описание истории нации сопровождается объяснением того, почему такая-то территория принадлежит этой нации «по праву». Как отмечает историк Ж.Б. Кундакбаева, «при разработке учебных курсов по истории России и Казахстана раздел о политике Российской империи по отношению к народам национальных окраин способен оказать влияние на стереотипы и модель восприятия сложных аспектов прошлого. От этого зависит формирование образа другого государства — не образа чужой земли, не осколка Российской империи, а соседа, с которым накоплен большой опыт существования в пределах одного государства, имеется обширная общая граница — естественно-географическая зона прямых контактов» [5].

Современные дискуссии о региональном контексте имперской истории и трудностях, с которыми сталкиваются сторонники нового направления в историографии, безусловно, важны для понимания истории Казахстана в период, когда он являлся частью имперского пространства, для установления как внешних (в т.ч. и государственных), так и внутренних границ региона и его окружения.

Среди историков нет разногласий по поводу того, что наступление России на области традиционных пастбищ казахов началось одновременно из южной Сибири и с Южного Урала и было обеспечено закладкой крепостей Омск (1716 г.) и Семипалатинск (1718 г.) на Иртыше. Параллельно этому процессу форсированно развивались торговые связи с казахами. Просьбы о помощи со стороны ханов дали России возможность также военным путем утверждать свое политическое влияние. В период между 1731 и 1742 гг. ханы Младшего и Среднего жузов, а также некоторые султаны Старшего жуза принесли российскому царю клятву верности. Эти клятвы с российской точки зрения являлись правовыми актами, которые обосновывали претензии России на господство над ними и являлись отправной точкой вхождения народов в состав Российской империи. Ж.Б. Кундакбаева, подробно рассмотрев в своей монографии акты принятия присяги, считает, что «уровень развития современной исторической науки, преодоление идеологических штампов позволяют взглянуть на проблему по-другому. Сам процесс представляется сложным и длительным, наполненным не только дипломатическими и военными действиями, но и конкретным пересечением судеб различных людей, разнообразными проявлениями глубокой трансформации как политического строя традиционных социумов, так и образа жизни, образа мысли населения империи» [6].

Согласно мнению исследователей, после этих событий Российская империя, как когда-то Византия, сосредоточивала свое внимание на контроле над народа-

ми и племенами, проживающими вдоль ее границ, даже если непосредственной угрозы они еще не представляли. В дальнейшем казахские племена должны были стать неотъемлемой частью империи и потерять остатки былого родоплеменного самоуправления. Российская империя заимствовала у Византии (а через нее и у Рима) принцип универсализма изоляционизма. После падения Константинополя в 1453 г. Московская Русь ощутила себя единственным православным государством в мире, по определению — самым лучшим и достойным, не нуждающимся в сравнении с другими государствами или цивилизациями.

Однако монгольские ханства, прежде всего государство ойратов, города — государства Восточного Туркестана, казахские ханства, киргизские и алтайские родоплеменные объединения, Кокандское ханство и др. в разное время выступали как активная политическая сила, проводили самостоятельную политику, использовали свои принципы, нормы и формы внешнеполитических связей. Между правителями этих государств и народов подчас возникали острые конфликты, которые разрешались силой оружия. Нередко были случаи, когда такие правители в борьбе за власть и в угоду своим интересам предавали собственные народы, вступая в сделку с чужеземными захватчиками. Это облегчило, например, борьбу маньчжуро-китайских владельцев с Джунгарским ханством, которое они уничтожили в 1755—1758 гг.

В исторической литературе в разное время поднимался вопрос об альтернативности выбора политического союзника для казахских правителей. Выбор в пользу союза с Россией оценивается с точки зрения последующих событий, о которых, естественно, не могли знать казахские ханы, подавая прошение о принятии казахов в российское подданство. Абулхаир хан и его преемники думали, вероятнее всего, лишь о вассальной зависимости от Российской империи, не нарушающей внутреннего устройства казахов. Теоретически альтернативой вхождения казахов и других народов Центральной Азии в состав Российской империи могло бы стать объединение казахов и других тюркских народов Центральной Азии в новый Тюркский каганат, который мог бы противостоять как джунгарской и китайской, так и, позднее, российской экспансии, тем более что никакой реальной помощи от России против джунгар, несмотря на обещания, казахи так и не получили.

Включение в состав Российской империи территории Казахстана не имело для Петербурга существенного стратегического или экономического значения. Так считает российский историк В.В. Стольников. Он пишет, что «среди причин российского активного освоения сопредельных территорий приоритетное место занимали не столько экономические интересы, сколько геополитические и военно-стратегические задачи, выдвигаемые временем» [7]. Данный вывод нельзя абсолютизировать. Экспансия Российской империи на Западе, выразившаяся в завоевании прибалтийских провинций Швеции и разделах Речи Посполитой, равно как и в войнах против Турции, с самого начала имела мощную экономическую составляющую в виде выхода к морям и завоевания новых земель для раздачи помещикам, а также приобретения новых торгово-промышленных центров. Что же касается восточных окраин империи, то здесь первоначально, дей-

ствительно, преобладали чисто геополитические и военные мотивы. Царское правительство стремилось не допустить создания на своих границах каких-либо военно-политических образований, которые могли бы совершать набеги на имперскую территорию, а в дальнейшем — стать союзником Китая, Ирана или Турции. Впоследствии новоприобретенные территории становились местом прокладки российских торговых путей в Среднюю Азию. А позднее, после крестьянской реформы 1861 г., развития промышленности и роста земельной проблемы в Центральной России, владения на Востоке становились важной отдушиной для российской экономики.

Вхождение Казахстана в состав империи, начавшееся с превращения казахских ханов в российских сателлитов, вполне вписывается в общий механизм территориального расширения Российской империи. Она должна была постоянно расширяться, иначе отсутствие новых буферных территорий создавало угрозу отпадения ранее завоеванных земель, которые могут либо отойти другим империям или соседним государствам, либо превратиться в самостоятельные государственные образования. Подобный механизм делает империи принципиально нежизнеспособными. Они обрекаются на конечную гибель в тот момент, когда перестают быть достаточно сильными для новых завоеваний. Дойти же «до последнего моря», завоевать все обитаемое, или, по крайней мере, все цивилизованное пространство Земли, не смогла ни одна империя. Для Российской империи такой «момент не возврата», момент прекращения интенсивной внешней экспансии, наступил после поражения в Крымской войне, хотя для распада собственно Российской империи понадобилось еще полвека — до революции 1917 г.

Необходимо подчеркнуть и другой внешнеполитический аспект расширения империи за счет территории Казахстана, отмеченный в исторических исследованиях. Активное расширение происходило, главным образом, с середины XIX в., то есть с периода, когда Российская империя не только постепенно вступала в полосу упадка, и ее экспансия переключилась на территории, где она в тот момент еще не имела серьезных геополитических соперников. Китайские правители в тот момент не планировали экспансию на север, поскольку сами превратились в объект экспансии Англии и Франции, а позднее — США и Японии. Для Британской империи Средняя Азия находилась на далекой периферии Индии, и она не могла выделить достаточно сил и средств для военного движения в Центральную Азию. В тот период англичане потерпели чувствительные поражения в Афганистане. Исследователи полагают, что для Британии контроль над Афганистаном, и тем более над Средней Азией, не представлялся жизненно необходимым с точки зрения сохранения империи. Даже если бы Россия установила контроль не только над Средней Азией, но даже и над Афганистаном, все равно естественные препятствия и трудности сообщения среднеазиатских окраин с основными центрами Российской империи делали невероятным русский поход в Индию. Англия никогда не предпринимала попытки военной экспансии в Средней Азии, удовлетворившись сохранением афганского «буфера» между Индией и Российской империей.

Востоковед Г.Ю. Ситнянский полагает, что для того, чтобы лучше понять специфику политики Российской империи в Казахстане и Среднеазиатском регионе, необходимо иметь в виду столетнее (1815—1907 гг.) англо-русское соперничество в Азии — от Константинополя до Пекина. Причем уровень соперничества был таким, что и русские, и британцы полагали, что само существование их стран поставлено на карту [8]. Поэтому, анализируя российскую политику продвижения в Среднюю Азию, важно обратиться к альтернативным точкам зрения, которые высказывались в русском правительстве и политической, интеллектуальной и военной элите XIX в. К примеру, что без расширения границ Российской империи до Хивы и Коканда невозможно обеспечить спокойствие даже Тобольской и Томской губерний, а с другой стороны — ни в коем случае не присоединять весь регион, ограничиться казахскими степями и казахско-киргизским Семиречьем, не идти дальше Ташкента [9].

Г.Ю. Ситнянский в этой связи обращается к трудам М.И. Венюкова. Согласно его мнению, Россия, начав завоевание региона от рек Урала и Иртыша, уже не могла остановиться до самых границ Гиндукуша и Хорасана, поскольку между этими пределами нет ни естественно-природных границ, ни территорий, способных содержать большие массы европейского населения; именно такие территории могли быть естественными государственными границами [10]. На самом деле такие территории именно на южной окраине казахских степей, в Семиречьи, имелись. В другой работе тот же автор это признал, обозначив естественную южную границу России по линии: Алма-Ата — Киргизский Алатау — горы Каратау — Перовск (ныне Кызыл-Орда) [11].

Подводя итоги, подчеркнем, что региональный подход дает возможность исследователям анализировать историческое прошлое с учетом национального и регионального контекста. Региональный подход позволяет вовлечь в историографию часто остающиеся в тени, но не менее интересные достижения национальных исторических школ, позволяет синтезировать достоинства масштабной теоретической интерпретации прошлого с необходимым обоснованием исторической реальности.

Говоря в этой связи об исследовании политики Российской империи по отношению к Казахстану, невозможно отделить ее от политики по отношению к Средней Азии. Историография изучения истории Казахстана и народов Средней Азии (казахов, узбеков, киргизов, туркмен, каракалпаков и таджиков) настолько переплетена и взаимосвязана, что изучать их изолированно друг от друга научно несостоятельно.

Периферийное положение Казахстана в пространстве Российской империи создавало определенные экономические и политические противоречия в развитии. Несомненно, что казахи и их предки в течение весьма длительного времени могли сохранять как традиционный уклад жизни, так и относительную политическую независимость. Они сберегли свою идентичность среди многонационального населения Улуса Джучи. В составе Российской империи казахи частично сохраняли свою политическую самостоятельность вплоть до середины XIX в. То, что казахи регулярно восставали против Российской империи, доказывает, что при-

соединение Казахстана было не вполне добровольным, если значительные слои и группы казахского общества активно боролись против Российской империи. Практически был остановлен процесс строительства казахской государственности. Вследствие вытеснения казахов с родных земель русскими переселенцами, перед казахским этносом встала реальная угроза превратиться в меньшинство на своей родине, что в действительности и произошло в XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каппелер А. «Россия — многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio* (Казань). — 2001. — №1. — С. 21.
2. Ремнев А.В., Савельев П.И. Предисловие // Имперский строй России в региональном измерении. XIX — начало XX в. — М., 1997; Ремнев А.В. Россия на Дальнем Востоке в начале XIX в.: замыслы, дискуссии, реалии // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. — 2000. — №4; он же. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio* (Казань). — 2000. — №3-4; он же. У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И. Венюкова // Исторические записки. — М., 2001. — Т. 4 (122); он же. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. — М., 2001 и др.
3. Neumann, I. *Uses of the other: The «East» in European identity formation*. — Minneapolis, 1999.
4. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и в русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). — СПб, 2000; Miller, Alexei. *Shaping Russian and Ukrainian identities in the Russian Empire during the nineteenth century: some methodological remarks* // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. — 2001. — В. 49. Н. 4. — С. 257—263; Weeks, Theodore R. *Russification and the Lithuanians, 1863—1905* // *Slavic review*. Vol. 60. — 2001. — №1. — Pp. 96—114; Geraci, Robert P. *Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia* / Eds. Ithaca. — London, 2001. — P. 3—4.
5. Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В.». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в. — М., 2005. — С. 10—11.
6. Там же. С. 12.
7. Стольников В.В. Разработка и реализация политики Российской империи в отношении национальных окраин в XVI—XVIII вв. Дис. канд. историч. наук. — М., 2005. — С. 3.
8. Ситнянский Г.Ю. Мировой демократический процесс и степная традиция // *Азия и Африка*. — 1996. — №3; Юртаев В., Ситнянский Г.Ю. Россия и Южная Евразия // *Экономические стратегии*. — 2000. — №4.
9. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. — М., 1867. — С. 3—4.
10. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. — СПб, 1877. — Ч. 1. — С. 140.
11. Венюков М.И. Россия и Восток. — СПб, 1877. — С. 279.

Источники по исследованию исторической географии Степных областей Казахстана XIX — начала XX в.

КСЕНЖИК Г.Н.

Историческая география Степных областей Казахстана XIX — начала XX в. — это, прежде всего, история колонизации, заселения пространства. Поэтому перед нами стояла задача — точнее и достовернее показать, как историко-географические характеристики переходят последовательно одна в другую и исследовать динамику их изменений.

К наиболее важным источникам данного исследования можно отнести материалы архивов, которые оказывают неоценимую помощь при освещении вопросов исторической географии данного периода. В первую очередь — это материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК).

Значительный массив историко-географических данных по политико-административному размежеванию территорий, прохождению путей сообщения и статистических данных нами собрано в фондах: Ф. 4 «Оренбургская пограничная комиссия» [1]; Ф. 15 «Семипалатинское областное управление» [2]; Ф. 25 «Тургайское областное управление» [3]; Ф. 29 «Заведующий переселенческими делами в Тургайско-Уральском переселенческом районе» [4]; Ф. 64 «Канцелярия Степного генерал-губернатора» — отчеты и доклады генерал-губернаторов и военных губернаторов Степных областей; проекты и положения об управлении в областях Степного края; Ф. 317 «Заведующий переселенческим делом в Акмолинском районе Главного управления землеустройства» [5]; Ф. 318 «Тургайский областной статистический комитет внутренних дел, г. Оренбург» [6]; Ф. 338 «Омское областное правление министерства внутренних дел» — географическое описание приказов и статистические данные [7]; Ф. 345 «Областное правление сибирскими киргизами» — материалы о быте казахов Среднего жуза; Ф. 369 «Акмолинское областное управление» — фактические документы о составе, об образовании переселенческих участков, о выделении хуторов, статистические сведения о состоянии переселенческих участков [8]; Ф. 374 «Пограничное управление сибирскими киргизами» — статистические и другие сведения по округам и волостям Сибирского ведомства [9]; Ф. 393 «Акмолинский областной

статистический комитет» — статистические данные по Акмолинской области в сфере экономики, культуры и т.д. [10]; Ф. 460 «Семипалатинский областной статистический комитет внутренних дел» — статистические данные по развитию скотоводства и земледелия в казахских переселенческих хозяйствах; Ф. 469 «Заведующий Переселенческим делом в Семипалатинской области»; Ф. 486 «Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска, г. Омск»; Ф. 2300 «Коллекция копий документов по истории Казахстана, поступивших из зарубежных архивов» и т.д.

Важный и интересный материал найден в делах объединенного ведомственного архива Министерства образования и науки г. Алматы — ОВА МН АН РК Ф. 11. ОП. 4 — «Материалы, выявленные в союзных, республиканских, областных архивах по истории Казахстана» [11].

Много важных материалов можно найти в государственных архивах Российской Федерации, в которых содержатся документы, касающиеся историко-географического развития Степных областей Казахстана. Были использованы документы Российского Государственного исторического архива — РГИА: Ф. 1291 «Земский отдел МВД (1895—1917)» [12]; Ф. 391 «Переселенческое управление (1867—1918)» [13]; а также из Российского государственного военно-исторического архива — РГВИА: Ф. 38 «Департамент генерального штаба», ОП. 2 — имеются дела: о награждении чинов топографов, состоящих при отдельном Сибирском корпусе за производство съемки пограничных пространств; ОП. 5. Д. 378 — рапорт командира Сибирского корпуса генерал-лейтенанта князя Горчакова о представлении проекта укреплений при Акмолинском приказе [14]; ОП. 8. Д. 17 — представление командующего отдельным Сибирским корпусом о возведении укреплений вокруг степи Сибирским ведомством [15]; ОП. 8. Д. 32 — о поездке и осмотре генералом Катениным киргизской степи Оренбургского ведомства [16]; Ф. 67 ОП. 1. Д. 29 — черновик записки Данзаса [17] и т.д.

Ценные материалы колониальной администрации найдены нами в фондах Государственного архива Омской области Российской Федерации — ГАОМО, в первую очередь: Ф. 1 «Военно-походная канцелярия главного командира Сибирского генерал-губернаторства»; Ф. 2 «Сибирского генерал-губернаторства» [18]. Данные фонды включают как документы центральных ведомств (царские и правительственные указы, постановления; переписку с Военным министерством, Министерством иностранных дел, Министерством внутренних дел и др.), так и документы местных органов власти, начиная от генерал-губернатора Западной Сибири и кончая донесениями, распоряжениями низших командиров и рядовых. Это позволяет не только проверять и перепроверять многие наиболее важные факты, но и проследить движение того или иного вопроса, что называется сверху вниз и обратно; Ф. 3 «Главное управление Западной Сибири» — значительную часть фонда занимают материалы о землеустройстве переселенцев в борьбе местного населения с царской администрацией за землю [19]; Ф. 6 «Штаб отдельного Сибирского корпуса»; Ф. 86 «Западносибирский отдел Императорского Русского географического общества» содержит ценные документы об образовании ЗСОИРГО, годовые отчеты; Ф. 366 «Материалы личного фонда Г.Е. Катанаева». В данном

фонде собраны документы, связанные с творчеством официального историка сибирских казаков Г.Е. Катанаева [20].

Решению ряда задач настоящей темы исследованию способствовало использование Государственного архива Оренбургской области Российской Федерации — ГАОрО: Ф. 1 «Оренбургская экспедиция»; Ф. 6 «Канцелярия Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства» [21]; Ф. 167 «Личный фонд историка Оренбургского края С.Н. Севастьянова»; Ф. 169 «Личный фонд Оренбургской учетной комиссии генерал-майора И.В. Чернова».

Собран значительный материал по Тургайской области в Челябинском областном государственном архиве Российской Федерации — ЧОГА РФ: Ф. И-222 «Формулярные списки служебных классовых чиновников и служащих, находящихся в штатах и ведомствах при Троицкой почтовой конторе».

Для решения ряда задач, касающихся историко-географических особенностей формирования и развития Кустанайского уезда, использовались материалы Государственного архива Костанайской области — ГАКО [22] и Костанайского краеведческого музея — ККМ [23].

Приоритетное значение в процессе выявления, сбора и структурного анализа, необходимых историко-географических знаний имеет обследование картографического материала. Картографический материал дает емкую и наглядную информацию о географии края, населенных пунктах, расселении жителей и их миграциях, освоении новых территорий, при изучении экономики края, его политико-административного устройства. Так, до 30-х гг. XIX столетия топографических съемок территории Казахстана не производили и карты степи были составлены или по расспросам, или по маршрутам путешественников. Все эти топографические труды по обширности своей были весьма неточны и частично не верны. Карты второй половины XIX — начала XX в. имеют градусную сетку и масштаб, ориентированы на север и в основе их лежат материалы геодезических съемок, основанных на астрономических опорных пунктах. Но все же часть сведений базировалась еще на слабо проверенных источниках. Размах картографических и топографических работ в Казахстане был связан с активизацией экспедиционной деятельности в крае в 20—30-е гг. XIX в. и созданием отдельного Оренбургского корпуса с квалифицированными военными топографами и геодезистами [24].

В 1808 и 1816 гг. были составлены две рукописные карты, ценные подробным изображением населенных пунктов Оренбургской губернии, а также военных укреплений. В 1816 г. была издана карта под названием «Карта части Средней Азии, содержащая земли киргиз-кайсаков, туркменов, каракалпаков и бухарцев», выполненная в Депо карт и включающая богатую и ценную информацию о расселении народов Средней Азии и Казахстана. В 1825 г. поручиком Поздняковым была подготовлена в Военно-топографическом депо и издана карта, озаглавленная «Генеральная карта Азиатской России». Особо необходимо выделить рукописную карту «Киргиз-кайсацкой степи и Туркестана», составленную в 1831 г. топографом А.К. Тимофеевым и А.И. Левшиным. Составители использовали все рукописные карты, маршруты и съемки многих районов Казахстана

и Средней Азии из архива Оренбургской пограничной комиссии, печатные и рукописные отчеты различных экспедиций. Карта является уникальным географическим источником. На ней представлены важнейшие караванные пути, ведущие на север Казахстана, торговые центры, линии русских укреплений в Казахстане, показано политико-административное деление, проведены границы между казахскими жузами. В 1839 г. была составлена рукописная специальная карта — «Карта путей Оренбургской линии в Хивинское и Бухарское ханства», по которой возможно проследить основные пути, ведущие из России через казахские степи в Среднюю Азию. В 40—60-х гг. XIX в. было составлено несколько карт. Из них наибольшую ценность представляли: «Генеральная карта Оренбургского края и часть Хивинского и Бухарского владений», «Карта Сырдарьинской линии» и «Карта Киргизской степи Оренбургского ведомства и Бухарского, Хивинского и Кокандского владений».

Карты в сочетании с другими источниками позволили проследить эволюцию административного деления в казахских жузах, границы со среднеазиатскими ханствами, картографировать дистанционную систему в Области оренбургских казахов, окружную систему в Области сибирских казахов, точно указать границы Семипалатинской области, Алатауского округа, земель Уральских, Оренбургских и Сибирских казахов, Новолинейного района. Они дают возможность уточнить местоположение целого ряда крупных и мелких населенных пунктов Казахстана, а также определить хозяйственную освоенность территории, расселение народов региона, их торговые и дорожные связи между собой и с Россией [25].

Горные инженеры — исследователи территории Казахстана составляли географические и геологические карты. Среди них необходимо отметить горного инженера Г.Д. Романовского, который составил карту географических образований и полезных ископаемых восточной части киргизской степи в Западной Сибири по естественноисторическим сведениям о Степном крае с 1820 по 1893 г., масштаб 25-верстный [26].

Экспедициями по обследованию казахского землепользования составлялись карты «Киргизского землепользования и пастбищных районов» с указанием границ уезда и всех типов пастбищных угодий. Так, в Акмолинской партии под руководством старшего топографа Акмолинской партии Славецкого была составлена карта по казахскому землепользованию Акмолинского уезда. Масштаб карты — 15 верст в английском дюйме [27].

Ценные данные содержат картосхемы по истории Казахстана, изданные в послеоктябрьский период. Для составляемой исторической карты была использована современная географическая основа. Эскиз карты разрабатывался в черно-белом варианте. Конфигурация крупных морей, озер и рек была выполнена в соответствии с картами первой половины XIX в. На схемах: «Этапы добровольного вхождения Казахстана и Киргизии в состав России в 30—60-х гг. XX в.», «Казахстан в первой половине XX в.», «Административное деление Казахстана и Северной Киргизии в 20—60-х гг. XIX в.» автора Н.Е. Бекмахановой к монографии «Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма» отражены размежевание и эволюция политико-административного деле-

ния. Показаны административные границы с соседними европейскими и сибирскими губерниями, государственные границы со среднеазиатскими ханствами, а также административно-территориальное устройство Области оренбургских казахов (разделение на Западную, Среднюю и Восточную части и 57 дистанций). Для Омской области показано размежевание ее на внутренние и внешние округа, составившие Область сибирских казахов. Уточнена территория Семипалатинской области и Алатавского округа. Уточнены пути сообщения, дорожные и торговые связи между собой внутри региона, а также с Сибирью и Европейской Россией, крупные населенные пункты [28]. На исторической карте «Расселение казахских племен в XIX — начале XX в.» автора М.С. Муканова отражено этническое размещение казахского населения региона [29]. Содержатся карто-схемы, дающие ёмкие представления региональных особенностей ведения казахского хозяйства в работе «Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв. Материалы к историко-этнографическому атласу» под редакцией Г.Ф. Дахшлейгера. Это: «Отрасли животноводства у казахов конец XIX — начало XX в.», «Типы казахского скотоводческого хозяйства конец XIX — начало XX в.», «Направление кочевых путей и типы водопоев», «Сезонные пастбища казахов конец XIX — начало XX в.» и т.д. [30].

Значительный массив картографического материала по данному периоду находится в Центральном государственном архиве Республики Казахстан — Ф. 689 «Коллекция карт» — карты территории Казахстана дореволюционного периода [31].

Собран значительный материал по Тургайской области в Челябинском областном государственном архиве Российской Федерации — ЧОГА РФ: Ф. И 87. — «Коллекция планов и чертежей за 1744—1916 гг.» [32].

Однако архивные материалы содержат информацию отрывочного характера, в которой рядом с действительным географическим описанием региона находятся многочисленные ошибки, различные разночтения, требующие в каждом отдельном случае проверки путем сравнительного анализа с материалами других дел, а также привлечения дополнительных источников и результатов работ дореволюционных, советских и современных исследователей истории и географии края. К тому же практически подавляющее большинство этих архивных дел представляют собой служебную или официальную документацию органов царской системы управления краем, что не могло не отразиться на характере документов. Большинству им присуща узость подходов и оценок, отражавшаяся на уровне достоверности описания событий, фактов и даже статистических, географических данных, что было следствием общей колониальной направленности политики царского правительства в регионе. Для получения объективного конечного результата необходимо привлечение и других источников.

Следовательно, особенность исторической географии состоит в том, что она широко пользуется выводами самых различных дисциплин, таких, как: география, картография, топонимика, геополитика, экономика, историческая демография, историческая статистика, историческая топография, история военного искусства, история градостроительства и т.д.

Таким образом, чтобы исследовать и установить динамику изменений историко-географического развития, нам необходимо привлечь как можно больше источников, что позволит достовернее показать историко-географические характеристики.

Историко-географическое изучение Степного края Казахстана эпохи капитализма дает возможность сопоставить современное размещение производительных сил и развитие экономики региона с прошлым и выяснить коренные отличия происходящих процессов. Изучение исторической географии дореволюционного периода позволяет выяснить вопрос об историческом наследстве, полученном от прошлого в этом регионе, об исторических трудовых навыках населения, важных для развития и строительства независимого Казахстана с учетом перспективы экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дело об установлении границ между землями Оренбургского и Сибирского ведомств // ЦГА РК Ф. 4. Д. 334. Л. 1—219.
2. Доклад областного землемера // ЦГА РК Ф. 15. ОП. 1. Д. 2115. Л. 1—2.
3. Сведения о Тургайском уезде для составления всеподданнейшего губернаторского отчета за 1871 г. // ЦГА РК Ф. 25. ОП. 1. Д. 2212. Л. 48—50.
4. Естественноисторическое описание некоторых волостей Кустанайского уезда в 1910 г. А.Н. Богданова // ЦГА РК Ф. 29. ОП. 1. Д. 97. Л. 426.
5. О проведении гидротехнических работ в Акмолинском районе в 1913 г. // ЦГА РК Ф. 317. Д. 24. Л. 7—18.
6. Сведения уездных начальников для отчета Тургайскому губернатору за 1892 г. // ЦГА РК Ф. 318. ОП. 1. Д. 1. Л. 126 об.—127.
7. Описание Кокпектинского окружного приказа // ЦГА РК Ф. 338. Д. 778. Л. 1—5.
8. Переписка за 1877 г. Комитета по постановке границ в Степных областях // ЦГА РК Ф. 369. ОП. 1. Д. 6990. Л. 3—4 об.
9. Статистические сведения о внешних округах Среднего жуза // ЦГА РК Ф. 374. Д. 2447. Л. 1—5.
10. Сведения о народонаселении, экономике, культуре и других за 1912 г. Акмолинской области // ЦГА РК Ф. 393. ОП. 1. Д. 100. Л. 86.
11. Горное управление // Материалы ГААК РФ Ф. 3. ОП. 1. Д. 282. Л. 4—5 // ОВА МОН АН РК Ф. 11. ОП. 4. Д. 136. СВ. 26. Л. 1.
12. Переселенцы в Степной край и Туржестан // Новое время. — 1907. — №11247, 11248 // РГИА РФ Ф. 1291. ОП. 84. Д. 85. Л. 87—90.
13. Материалы по положению о переселенческом деле в Тургайской области, собранные Канаулиным в 1904 г. // РГИА РФ Ф. 391. Д. 1370. Л. 37—76 об.
14. По рапорту командира Сибирского корпуса генерал-лейтенанта князя Горчакова представлением проекта укреплений при Акмолинском приказе и урочище Джаркани-Агач с обязательной к оным запиской. Передано из канцелярии Военного министерства 02.12.1841 г. // РГВИА РФ Ф. 38. ОП. 5. Д. 378. Л. 1—12 об.
15. По представлению командующего отдельным Сибирским корпусом о возведении укреплений вокруг степи Сибирским ведомством. 19.03.1852 г. // РГВИА РФ Ф. 38. ОП. 8. Д. 17. Л. 1—8.
16. О поездке и осмотре генералом Катениным киргизской степи Оренбургского ведомства // РГВИА РФ Ф. 38. ОП. 8. Д. 32. Л. 1—48.
17. Черновик записки Данзаса. 05.1861 г. // РГВИА РФ Ф. 67. ОП. 1. Д. 29.
18. Правила отвода земли сибирским линейным казакам от 1809 г. // ГАОМО РФ Ф. 2. ОП. 1. Д. 127. Л. 45—45 об.
19. Жалобная записка генерал-губернатора Западной Сибири члену Сибирского комитета управления делами статс-секретарю Буткову от 31.03.1862 г. №277 // ГАОМО РФ Ф. 3. ОП. 1. Д. 5660. Л. 372—401.
20. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. — Омск, 1904. — 45 с.
21. Из докладной записки Оренбургскому генерал-губернатору от 12 марта 1869 г. // ГА ОрО РФ Ф. 6. ОП. 10. Д. 8239. Л. 67—68.
22. Географическое описание Убаганской волости // ГАКО Ф. 1123. ОП. 1. Д. 197. Л. 1—12.

23. Географические и статистические данные по Кустанайскому уезду для включения в Всеподданнический отчет за 1905 г. // ККМ НВФ-11444. Л. 183—193.
24. Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. — СПб, 1865. — Ч. 1. — 288 с.
25. Бекмаханова Н.Е. К характеристике источников «Исторической карты Казахстана первой половины XIX в.» // Проблемы исторической географии России. Вопросы картографии и картографического источниковедения. — М., 1983. — Вып. III. — С. 163—177.
26. Карта «Географических образований и полезных ископаемых восточной части киргизской степи в Западной Сибири» // Составили по естественноисторическим сведениям об этой стране с 1820 по 1893 г. горный инженер Г.Д. Романовский. — СПб, 1902; Масштаб 100 верст // Романовский Г.Д. Краткий очерк исследований Восточной части киргизской степи Западной Сибири в геологическом и горнопромышленном отношении. — СПб, 1903. — 69 с.
27. Карта «Киргизского землепользования и пастбищных районов. Акмолинский уезд» / Составил старший топограф Акмолинской партии Славецкий. Масштаб 15 верст в английском дюйме // Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинский уезд. — СПб, 1907. — 532 с.
28. Схема «Административное деление Казахстана и Северной Киргизии в 20—60-х гг. XIX в.» // Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). — М., 1986. — Карта 3. — С. 242.
29. Карта «Расселение казахских племен в XIX — начале XX в.» // Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII — начале XX в. — Алма-Ата, 1991. — 63 с.
30. Хозяйство казахов на рубеже XIX — XX вв. Материалы к историко-этнографическому атласу под редакцией Г.Ф. Дахшлейгера. — Алма-Ата, 1980. — 256 с.
31. Карта «Западная Сибирь» // ЦГА РК Ф. 689. ОП. 1. Д. 17.
32. Карта «Местности в киргизской степи на пространстве против станции Мариинской и отряда Анненского с обозначением новолинейной дороги» / Составлена: Епанешников // ЧОГА РФ Ф. 87. ОП. 1. Д. 1955.

Первые мечети Семипалатинска: история возведения и архитектурный облик

ШАБЛЕЙ П.С.

Основанный как военно-опорный пункт на казахско-русском пограничье в 1716 г. Семипалатинск во второй половине XVIII в. приобретает важное социально-экономическое и административно-политическое значение. Занимая выгодное экономико-географическое положение на пересечении торговых путей между Россией и Азией, Семипалатинск со второй половины XVIII в. становится крупным центром меновой торговли. Правительственными указами 1731, 1745, 1760 гг. утверждалось право на беспрепятственную торговлю в нем российских татар и среднеазиатских народов [1]. Поэтому рост населения Семипалатинска происходил стихийно и, по данным капитана И. Андреева, в 1789 г. в городе проживало 900 человек. Из них около 100 приходилось на осевших выходцев из Средней Азии (бухарцев, «ташкентцев»)*. Многие мусульмане, размещавшиеся в Семипалатинске, занимались торговлей [2]. Эти обстоятельства влияли не только на изменение статуса Семипалатинска, который с 1782 г. был уже уездным городом, но и на характер его внутреннего благоустройства. Татарская слобода с гостиним двором, казахские юрты, мусульманские мечети предавали восточный облик городу в глазах проезжего обывателя [3].

Первые мечети в Семипалатинске появляются в конце XVIII в. Однако сценарий строительства богослужебных зданий в этом городе отличался от других приграничных регионов Казахстана. В отличие от Петропавловска первые мечети здесь строились не на казенный счет, а в основном на частные средства проживающих в городе по торговым делам мусульманских купцов. В 90-е гг. XVIII в. в Семипалатинске появляются две мечети, возведенные на деньги среднеазиатских народов. Они были построены без разрешения губернского начальства и Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС). Только через 40 лет (в 1834 г.) власти обратили внимание на это обстоятельство. В ходе разбирательства, учитывая, что «ташкентцы и бухарцы самые ревностные мусульмане... и принимая во внимание, что по политическим видам и выгодам торговли, снис-

* В целях более компактного хозяйственно-культурного и исторического очерчивания границ мы используем прежде советское выражение *Средняя Азия* (постсоветские страны: Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Восточный Туркестан и Казахстан) вместо объемного и более политизированного названия региона *Центральная Азия*. «Ташкентцы» — так российская администрация называла не только народы Ташкентского бегства (среднеазиатского государственного образования), но и зачастую многие народы, проживающие за озером Балхаш, например, сартов, узбеков и др. — См.: *История Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней* / Под ред. К.З. Ашрафян. — М., 1989. — С. 387.

хождение к ним в сем отношении может оказаться нужным», мечети сохранили, несмотря на явное нарушение общих правил для их возведения в округе Оренбургского магометанского духовного собрания* [4].

В конце XVIII в. в Татарской слободе Семипалатинска была построена мечеть, удовлетворявшая религиозные потребности не только населения ее восьми кварталов, но и заезжих купцов, размещавшихся в гостином дворе. Из них в 1806—1807 гг. только на долю казанских татар приходилось 36% всех торгующих с российской стороны купцов на Семипалатинской таможне, а в самом городе к концу XVIII в. имелось уже три мечети [5]. Их появление не только символизировало лояльность и расположение российских властей к местным правовым и религиозным традициям, но и выражало надежду на переход местного населения к оседлой жизни, гарантию дружественных отношений России с народами Казахстана и Средней Азии [6]. Также сыграла свою роль и другая, прагматичная, линия международной торговли, которая вынуждала Россию привлекать к торговой деятельности наиболее предприимчивые в это время народы (татаров, бухарцев, «ташкентцев»), обеспечивая им условия их социального и религиозно-бытового благоустройства. В то же время сказался и вакуум законодательства. Указ 1782 г., предусматривающий строительство мечетей «на границах, прилегающих к Средней киргиз-кайсацкой орде», ограничивался только инструкциями для казенных сооружений [7]. Можно, пожалуй, утверждать, что вплоть до 30-х гг. XIX в. законодательно не были разработаны дополнительные нормы строительства богослужебных зданий не только для Казахстана, но и в целом для регионов Российской империи со специфической этноконфессиональной обстановкой (Кавказ, Поволжье, Восточная Сибирь)**. Деятельность ОмДС и губернских властей не была слаженной, и многочисленные злоупотребления, порождаемые ведомственной неразберихой, приводили к долгим бюрократическим проволочкам. Поэтому, не дожидаясь официального разрешения, местное население нередко самостоятельно действовало в вопросах преобразования своего духовного благоустройства. Обнаружившиеся нарушения в конце XVIII и первой трети XIX в. власти часто оставляли без внимания, учитывая конкретные политические соображения и слабость своих административных ресурсов.

Таким образом, в 30-е гг. XIX в. в Семипалатинске функционировало четыре мечети. Повышенное внимание правительства к мусульманскому вопросу заметно повлияло и на рост богослужебных сооружений. Основываясь на официальных предписаниях от 1744, 1756 и 1829 гг., ОмДС должно было расширить практику запретов на ремонт и перенос мечетей, в которых не имелось положенного числа прихожан (200 ревизских душ), а также выступить инициатором закрытия мечетей, построенных без разрешения властей. Инструкции министер-

* 1747 (№9446); 1756 (№10991); 1788 (№16711). — См.: соответствующие тома Полного собрания законов Российской империи: Т. XII, Т. XIV, Т. XXII.

** Первые мечети в Казахстане возводились в основном без соблюдения общих нормативных правил по империи (указы от 1744, 1756, 1788 гг.): определенное число духовных лиц в зависимости от статуса мечети, допустимое для ее открытия количество ревизских душ, высочайше утвержденные образцовые проекты. В 30—50-е гг. XIX в. усиливающийся правительственный контроль общественного богослужения у казахов и политическое преобразование, повысившие роль административных присутственных мест, повлияли на более активное включение конфессиональной жизни мусульман Казахстана в общеимперскую систему государственно-исламских отношений.

ства внутренних дел предписывали губернским властям наблюдать, чтобы «при (мусульманских) приходах, даже впоследствии увеличившихся, новые мечети более не строились, чтобы магометане не строили оных произвольно, но испрашивали позволения от губернского начальства» [8]. В дальнейшем расширилась и практика запретов на возведение мечетей, имеющих неполный штат духовенства. Закон от 9 декабря 1835 г. строго предписывал наличие при соборной мечети не менее трех духовных лиц, а для пятивременной — не менее двух. Все они должны были пройти испытания в ОмДС. Делалось это не только с целью отстранить мулл Средней Азии от религиозной деятельности в Казахстане, но и «для предупреждения беспорядков в отправлении богослужения и треб и для предохранения обществ от содержания слишком большого числа духовных лиц» [9]. Эти положения существенно осложнили религиозную жизнь мусульман Семипалатинска. Так, две мусульманские мечети, построенные без соблюдения необходимых правил в конце XVIII в. и без препятствий со стороны властей, в 1835 г. были закрыты. Решение это самостоятельно приняло ОмДС, «потому что при оных не имеются указные духовные служители», а обслуживают их выбранные из собственной среды имамы. По мнению оренбургского муфтия, произошло нарушение Указа 1788 г., требующего утверждать приходское духовенство только на основании экзамена в Духовном собрании и согласия губернской власти [10]. Подобная же участь ждала и третью мечеть, построенную без соответствующего правительственного разрешения. В 1835 г. эта мечеть пришла в негодность и «ташкентцы», не дожидаясь официального разрешения, приступили к ее ремонту. Рассматривая это действие как нарушение указов 1756 и 1829 гг., ОмДС, добившись согласия от Омского областного правления, приняло решение ее снести. Население, оставшееся без главного места своего религиозного церемониала, должно было, по мнению Духовного собрания, обращаться в мечети российских подданных (татар и среднеазиатцев, принявших российское подданство). При этом категорически возбранялось «без особо уважительных причин строить вновь мечети и отправлять в них одно и то же богомоление» [11]. Эти решения серьезно осложняли религиозную жизнь мусульман Семипалатинска. Учитывая объективные обстоятельства — невозможность организовать иные условия для совершения богослужения, а также и то, что «муфтий действовал без разрешения высшего начальства, перешел границы власти», министр внутренних дел Д.Н. Блудов приказал отменить решение главы мусульман [12]. В этом же году определилась судьба среднеазиатцев, проживавших в Российской империи без принятия подданства. Правительство посчитало, что неопределенность их религиозно-правового положения вела к двойному злоупотреблению: со стороны ОмДС и местной администрации, регламентирующих духовный быт среднеазиатцев как на основе общих правил для мусульман империи, так и путем самостоятельных административных решений. Путаница и взаимонесогласованность порождали ощущение произвольного и безучастного отношения властей к судьбе этих народов. В 1835 г. выходцам из Средней Азии, проживающим в Российской империи без принятия подданства, то есть как иностранцам, было предписано обращаться по вопросам строительства мечетей, выбора мулл и пр. к мест-

ному начальству, которое через генерал-губернатора Западной Сибири испрашивало разрешения в министерстве внутренних дел [13].

В первой половине XIX в. в Семипалатинске появляется еще несколько новых мечетей, построенных на средства татарских и казахских купцов. Некоторые сохранились и в наши дни. Среди них — одноминаретная каменная мечеть, возведенная на средства купцов Мусиных. Она строилась по проекту стамбульского архитектора Габдуллы Эфенди, так как финансовый капитал татарской предпринимательской элиты позволял приглашать на разработку проекта лучших зодчих*. Ее архитектурный облик определяется двухъярусным минаретом круглой формы, больших размеров проемами окон, перекрытыми подковообразными плитами, арками, архитектурным фризом и рустованными пилястрами. Другая мечеть была построена в 30—40-е гг. XIX в. на деньги казахского купца 2-й гильдии Тыныбая Каукунова [14]. Строительство обеих мечетей было осуществлено в соответствии с надлежащими по закону правилами, то есть с согласия ОМДС и губернского начальства, определяющих должное при них количество указного духовенства, наличие не менее 200 ревизских душ и, наконец, обязательства населения обеспечивать за свой счет ее материальное содержание и находящееся при ней духовенство [15]. Так, семипалатинский купец 3-й гильдии М. Усманов, ходатайствуя о дозволении построить в Семипалатинске деревянную мечеть в 1847 г. за свой счет, заявлял, что «обыватели принимают на себя содержание мечети и всех духовных лиц, какие будут к ней определены». Обычно оформленные соответствующим образом прошения не встречали препятствия со стороны ОМДС. Давая свое разрешение, Духовное собрание отправляло документ на рассмотрение в губернское правление, которое, рассмотрев причины и целесообразность возведения мечети, представляло окончательное свое заключение в министерство внутренних дел [16]. Если мечеть строилась на частные средства, решение архитектурно-планировочных вопросов ускорялось, так как в министерстве внутренних дел не требовалось ежегодно утверждать смету годовых расходов, а только план и фасад здания, да и то в случае отсутствия таковых в строительных отделениях губернских правлений [17].

Если в 30-е гг. XIX в. в Семипалатинске было четыре мечети, то к 1858 г., периоду активного экономического развития города и притока населения**, число их достигло уже восьми [18]. Многие из них сооружались по новым «образцовым проектам» 1829 и 1843 гг. По «образцовому проекту» 1829 г. мечеть представляла собой восьмигранное зальное помещение (каждая сторона — 5,5 м). Высота потолка составляла не менее 6,4 м, высота стен — 8,9 м. Высота всего здания с минаретом равнялась 17,80 м [19]. Однако проекты мечетей 1843 г. были рассчитаны для молитвенных собраний малочисленной махалли. С точки зрения планировочного решения они представляли собой прямоугольные двухзальные помещения. Малая комната использовалась как сени, большая предназначалась

* Согласно ведомости объявления купеческих капиталов по Семипалатинску за 1860 г., купцами мусульманского вероисповедания было объявлено 63 капитала с оборотом несколько десятков тысяч рублей в год. — См.: Разгон В.Н. *Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в.* // <http://new.asu.ru>.

** В 1862 г. в городе проживало около шести тысяч человек, при этом доля торговцев-мусульман в общей численности гильдейского купечества составляла 83% (или 63 из 73 семей). — См.: Разгон В.Н. *Указ. соч.*

для общественного богослужения [20]. Примером использования проекта 1843 г. была мечеть №3 в Семипалатинске, построенная во второй половине XIX в., которая «представляла собой здание купольного типа с примыкающей к нему вертикально стройной башней. В образе и внешней форме хорошо отражались мотивы и традиции народного зодчества» [21].

В 1849 г. в Семипалатинске в Татарской слободе произошел сильный пожар. Сгорели не только жилые постройки, но и две мечети, выстроенные на средства «ташкентцев» и татар. Прошения мусульман построить новую мечеть не встретили препятствия со стороны оренбургского муфтия, но выдача разрешения Томским губернским правлением, благодаря вмешательству местного полицмейстера Базиловича, затянулась. Посчитав, что эта мечеть не соответствует архитектурному облику города, он решил остановить ее строительство. Только «солидное вознаграждение» (взятка) смогло продолжить строительство, закончившееся в 1862 г. Все это время прихожане строящейся мечети должны были посещать другой мусульманский приход [22]. Такая ситуация нередко порождала спор между духовными лицами о принадлежности прихожан к мечетям и распределении между ними своих духовных обязанностей [23].

В 1854 г. Семипалатинск становится областным центром. Его новый административный статус и социально-экономическая роль повлияли и на внутреннее благоустройство. К 1 января 1864 г. в городе проживало уже 8 897 человек, то есть население возросло более чем на 30% по сравнению с 1846 г. (5 332 человека).

А.К. Гейнс, посетивший Семипалатинск в 1865 г., оставил в своем дневнике такие записи: «Семипалатинск, самый большой и богатый город в Киргизской степи. <...> Теперь в городе считается 1 500 домов, населенных 9 000 жителями». По впечатлению русскоязычного наблюдателя: Семипалатинск был очень красив и хорошо обстроен, «но город совершенно уже азиатский». Еще бы — ведь больше половины жителей были мусульманами (4 806 человек) [24].

И. Завалишин, побывавший в Семипалатинске в эти же годы, отмечал, что интенсивный приток населения города в 1840—1850-е гг. в основном происходил за счет татар из Вятской, Казанской губерний и из Тюмени, а также благодаря приехавшим из Средней Азии «ташкентцам». Именно мусульмане, живущие в лучшей части города, «придали Семипалатинску восточную физиономию». Впечатляющий восточный колорит города подчеркивался семью мусульманскими мечетями и по одному медресе при каждой из них. Причем лучшим зданием города во второй половине XIX в. считалась двухминаретная мечеть, построенная в 1858—1862 гг. [25]. Она и сегодня является яркой историко-культурной достопримечательностью Семипалатинска и местом для богослужения. Мечеть была построена на средства татарских купцов Сулейманова, Абдешева, Рафикова по турецкому проекту. В мечети имеется 14 окон в виде прямоугольника в сочета-

* Номер мечети соответствовал порядковому числу мусульманских приходов в городе. Многие проекты в то время лишь отдаленно напоминали образцовое. Влияние на них среднеазиатской, турецкой или просто народной архитектуры было следствием самостоятельного согласования нюансов проекта между прихожанами и архитектором. Несомненно, что, в силу определенных обстоятельств, власти могли посчитать такие новшества отклонением от правил и запретить или остановить постройку. Поэтому небольшое количество мечетей дополнялось молитвенными домами, разрешенными по «Уставу о Сибирских киргизах 1822 г.», или просто богослужением на открытом воздухе, а также функцию культового помещения могла выполнять юрта.

нии с полукругом. Портальное помещение оформлено тремя дверями на высоком крыльце и завершается луковичным куполом без барабана. Важную роль в экстерьере играют два минарета, расположенные на углах основного зала в портальной части. Оба минарета также завершаются золочеными полумесяцами. Все здание мечети по периметру от земли до карниза обработано рельефными декоративными поясами [26]. Своей грациозностью и легкостью она поразила даже русских наблюдателей XIX в. [27]. Прихожане трепетно относились к внешнему виду мечети и старались поддерживать ее грациозный облик. Первоначально минареты мечети были деревянными, но в 1893 г., в связи с ее реставрацией, кроме ряда других работ, были отстроены и каменные минареты. Ремонт мечети осуществлялся на средства семипалатинских купцов Ш. Рафикова и Ф. Ахтямова. Техническая часть была поручена другому семипалатинскому купцу М. Хамитову, который должен был принять на себя труд по ремонту и постройке, какие требуется произвести в соборной мечети [28].

В конце XIX в. значительного роста мечетей в Семипалатинске не произошло. В 1888 г. их насчитывалось девять, а население города в 1897 г. составило 26 246 человек [29]. Реформы 1868 и 1891 гг. изменили существовавший порядок открытия новых мусульманских приходов в Казахстане. После того как казахи в 1868 г. были выведены из-под юрисдикции ОМДС, их внутренним профессиональным благоустройством должны были заниматься только гражданские власти. В частности, в Семипалатинской области возведение мечетей стало осуществляться с разрешения генерал-губернатора Степного края. Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях 1868 г. гласило: «По духовным делам киргизы изъеются из ведения Оренбургского магометанского духовного собрания (п. 251). Местное заведование киргизами по делам духовным предоставляется местным муллам, с подчинением их общему гражданскому управлению и через него — министерству внутренних дел» (п. 252) [30]. Сделано это было согласно мнению Комитета министров «... в видах политических с целью возможного ослабления мусульманской пропаганды и разрыва духовной связи магометан, проживающих внутри Империи, с кочевым киргизским населением, где магометанство находится в то время в слабом развитии» [31]. Чтобы как-то регулировать рост мусульманских мечетей, власти обязывались соблюдать статьи 154 и 155 Устава строительного. В них прописывались следующие правила: «1) чтобы при всякой мечети прихожан было не менее двухсот наличных душ мужского пола, 2) чтобы общество, должностное составить новый приход, изъявило надлежащим образом в общественном приговоре согласие свое на доставление средств для обеспечения содержания мечети и нужного при ней духовенства» [32].

Положения 1868 и 1891 гг. не затрагивали религиозную жизнь татар, проживающих в Казахстане, которые по-прежнему должны были решать свои конфессиональные потребности через ОМДС и нормативно-правовые акты общеимперского масштаба [33]. Поэтому в 1903 г. в Семипалатинске сложилась интересная ситуация: имелось восемь мечетей, из которых семь состояли в ведении ОМДС, то есть практически все они были татарскими и только одна была открыта корен-

ным населением в последние годы. Ограничение количества мечетей для коренного населения вынуждало казахов посещать, в целях совершения религиозных треб, татарские мечети. Еще бы — ведь в 1903 г. численность татар и казахов в Семипалатинске была практически одинаковой (5 015 и 4 622 соответственно), а число богослужебных сооружений не шло с ними ни в какое сравнение. Другая проблема — на такое большое количество прихожан приходилось всего восемь мулл* [34]. «Откуда бралось дополнительное духовенство?» — спрашивал себя А.К. Гейнс еще в 60-е гг. XIX в.** По его наблюдениям, муллы имели при себе для исправления обрядов и в роли помощников при школах так называемых частных мулл [35]. Эта категория не входила в официальную религиозную иерархию, признанную в Российской империи, как и старшие ахуны, абызы, но по мере необходимости существование дополнительных религиозных служителей допускалось в первую очередь для совершения богослужения и в исключительных случаях для совершения религиозно-бытовых церемоний. В степных областях Казахстана это допущение было юридически легализовано в положении 1891 г. Документ позволял совершать религиозные обряды и требы лицам, не имевшим официального разрешения, так как, по мнению правительства, обязанности мулл четко не определены и им не придано значение органов управления. Хотя в видах политических такое исключение распространялось только на казахов [36].

Перед Октябрьской революцией 1917 г. в Семипалатинске была одна из самых больших мусульманских общин в Казахстане. Она включала 12 приходов с 12-ю мечетями [37]. Появление дополнительного числа богослужебных сооружений произошло после смягчения правовых норм для их открытия в 1905 г., а также в результате значительного увеличения мусульманского населения Семипалатинска. Закон о веротерпимости от 17 апреля 1917 г. признавал некоторые прежние условия возведения мечетей стеснительными для мусульман округа ОМДС и степных областей Казахстана и призывал их отменить. Это одно из положений Устава строительного, выдвигавшего в качестве условия сооружения мечети отсутствие соблазна для православных перейти в ислам и сложившийся с 1883 г. порядок в Степном крае иметь не более одной мечети на волость [38].

История мусульманских мечетей Семипалатинска — это достойный пример культурного и социально-экономического расцвета Казахстана в XIX — начале XX в. Рост городов, развитие торгово-экономической деятельности, укрепление связей казахских мусульман с народами Волго-Уральского региона и Средней Азии формировали не только условия для социально-экономического благоустройства мусульманской общины в Семипалатинске, но и стандартизации, канонизации мусульманского вероисповедания и образа жизни в полиэтнической

* Термин «мулла» в конце XIX в. применялся в российском законодательстве к различным категориям духовных лиц. К муллам относилось все мусульманское духовенство, за исключением высших (муфтий, члены ОМДС) и низших (азанчей) категорий. — См.: Циркуляр Департамента духовных дел иностранных исповеданий от 20 января 1891 г. за № 3 527 об употреблении термина «мулла». — В кн.: Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. — Казань, 2007. — С. 392.

** По указу от 9 декабря 1835 г. при соборной мечети полагалось иметь не более трех духовных лиц (имам, хатып, азанчей), для пятивременной — не более двух (имам и азанчей). — См.: Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и авт. ев. статьи Д.Ю. Арапов. — М., 2001. — С. 115—116.

среде крупного города. Правительственный курс в области строительства мечетей в Казахстане не был систематическим и исторически подчинялся логике текущих политических стратегий. Поэтому многие дела о построении мечетей решались хаотически как частные случаи или через сложные межведомственные разбирательства, оттягивающие окончательные сроки появления новых мечетей в Казахстане. Это порождало поиск мусульманской общиной самостоятельного благоустройства своего религиозного быта без согласования с высшей властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Памятная книжка Западной Сибири. — Омск, 1881. — С. 105.
2. Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1871. — Т. IV. — С. 34.
3. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. — СПб, 1897. — Т. 1. — С. 69; Завалишин И. Сибирско-киргизская степь // Описание Западной Сибири. — М., 1867. — Т. 3. — С. 351.
4. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и авт. вв. статьи Д.Ю. Арапов. — М., 2001. — С. 111—112.
5. <http://gorodok.spl.kz>; Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в. // <http://new.asu.ru>.
6. Ремнев А.В. Российская империя и ислам в казахской степи (60—80-е гг. XIX в.) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. Вып. 32. — М., 2006. — С. 238—239.
7. Материалы по истории политического строя Казахстана. — Алма-Ата, 1960. — Т. 1. — С. 41.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе. — СПб, 1830. — Т. IV. — №2902; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 9382. Л. 71.
9. Полное собрание законов Российской империи... — СПб, 1836. — Т. X. — №8663.
10. Государственное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (ГУОО «ИАОО»). Ф. 3. Оп. 13. Д. 18007. Л. 10.
11. Там же. Л. 11.
12. Ислам в Российской империи... — С. 112.
13. ПСЗ РИ. Собрание второе. — СПб, 1836. — Т. X. — №7946.
14. Мечети // <http://www.semsk.kz>.
15. ГУОО «ИАОО». Ф. 3. Оп. 3. Д. 4320. Л. 22.
16. ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 12 298. Л. 435.
17. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 338. Оп. 1. Д. 109. Л. 161.
18. ГУОО «ИАОО». Ф. 3. Оп. 3. Д. 4141. Л. 954.
19. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири. — Казань, 2007. — С. 316.
20. Там же. С. 237.
21. Там же. С. 327.
22. Кашляк В. Загадки каменной мечети // Казахстанская правда. — 2006, 24 марта. — №295. — С. 7.
23. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 292. Оп. 3. Д. 5110. Л. 24.
24. Кеппен П.И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России в 1851 г. — СПб, 1857. Приложение; Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. — СПб, 1897. — Т. 1. — С. 69; <http://gorodok.spl.kz>.
25. Завалишин И. Указ. соч.
26. Мечети // <http://www.semsk.kz>.
27. Гейнс А.К. Указ. соч. — С. 69; Завалишин И. Указ. соч.
28. Кашляк В. Указ. соч.
29. ЦГИА РБ. Ф. 292. Оп. 11. Д. 106. Л. 391; История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 3. — Алматы, 2000. — С. 513.
30. Материалы по истории политического строя Казахстана... С. 339; Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. — Оренбург, 1898. — С. 91—92.
31. Ислам в Российской империи... С. 180.

32. Устав строительный (изд. 1857 г.) // Свод законов Российской империи. — СПб, доп. к изд. 1857. — Т. XII. — Часть 1. — Статьи 154, 155. — С. 228.
33. Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Масанов Н.Э. и др. История Казахстана. Народы и культуры. — Алматы, 2000. — С. 236.
34. Насенов Б. Об истории бывшего Абракинского района бывшей Семипалатинской области. Сборник документов и материалов. Т. 1. Кн. 1. — Новосибирск, 2002. — С. 546.
35. Гейнс А.К. Указ. соч. — С. 126.
36. Степные области по положению 25 марта 1891 г. // Ислам в Российской империи. — М., 2001. — С. 185.
37. Мечети // <http://www.semsk.kz>.
38. Закон о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. // Ислам в Российской империи... С. 175.

Рецензия

Мавланов И.Р. Экономическая дипломатия Индии в условиях трансформации мирового порядка. — Ташкент: УМЭД, 2010. — 362 с.

ЛАУМУЛИН М.Т.

Рецензируемое издание демонстрирует, что исследователи в Центральной Азии не замыкаются исключительно на региональных и национальных проблемах, а проводят комплексные и глубокие исследования по другим государствам и регионам. Автор книги «Экономическая дипломатия Индии» Ибрагим Мавлонов (в настоящее время — Университет мировой экономики и дипломатии) не является исключительно академическим ученым. Полтора десятилетия И. Мавлонов посвятил дипломатической службе в Европе и Азии, венцом которой стала его деятельность на посту посла РУ в Индии и Бангладеш. Таким образом, автор не понаслышке пишет о предмете, которому посвящена настоящая книга.

Данная монография является одной из первых попыток комплексного и системного исследования проблем экономической дипломатии на примере сравнительного анализа опыта Индии с ведущими странами в условиях трансформации мирового порядка. Анализируются основные концептуальные понятия экономической дипломатии и исследуются ее наиболее известные объекты в системе международных экономических отношений — привлечение инвестиций, развитие торговли, про-

движение официальной помощи развитию, обеспечение экономической безопасности и национальных интересов. Дается комплексное рассмотрение основных концепций, моделей и практических аспектов двусторонней, многосторонней и региональной экономической дипломатии, призванной реализовывать внешнеэкономическую политику государств, развивать их международные экономические отношения и подходы Индии в этих направлениях.

В этой книге автор исходит из того, что дипломатические преимущества государства, главным образом Индии, на международной арене складываются из комбинации и сочетания возможностей двусторонней, многосторонней и региональной экономической дипломатии, однако при этом особое внимание уделял глубинным источникам преимуществ каждого из направлений дипломатии, анализируя как достижения, так и вызовы и проблемы, с которыми сталкиваются они в современном мире трансформации и глобализации мирового порядка. В монографии подчеркивается тот факт, что самая прочная позиция страны на мировой арене, как правило, складывается в результате кумуляции положительных факторов всех форм и моделей экономической дипломатии в

многочисленных направлениях деятельности — развитии торговли, привлечении инвестиций, содействии развитию и др. Это подтверждается опытом Индии и ведущих мировых держав.

Автор убедительно показал, что экономическая дипломатия Индии стремится сегодня достигнуть уровня и степени развития экономической дипломатии цивилизованных стран посредством своих высоких требований к обеспечению разработки внешнеэкономической стратегии, расширению объектов и субъектов экономической дипломатии и использованию современных форм и методов двусторонней, многосторонней и региональной дипломатии, реализующих основные внешнеэкономические приоритеты страны; а также путем модернизации и усиления институциональных и правовых механизмов, обеспечивающих решение задач экономической дипломатии; совершенствования подходов межведомственной координации разработкой и реализацией внешнеэкономической политики; ежегодного государственного финансирования из бюджета мероприятий экономической дипломатии и привлечения частных источников. Это позволяет всесторонне задействовать государственный и частный потенциал для закрепления и отстаивания национальных экономических интересов на зарубежных рынках средствами экономической дипломатии.

Дипломатическое содействие внешнеэкономической деятельности в Индии со стороны МИД и ее зарубежных диппредставительств в координации с министерством коммерции и промышленности, финансов и других, а также торгово-промышленных палат стало стратегическим направлением продвижения экономических интересов стра-

ны за рубежом. Такая институционализация является достаточно гибкой, хорошо сочетает рыночные механизмы. Решающим в оценке деятельности диппредставительств стало их активное содействие развитию внешней торговли, привлечение и эффективное размещение инвестиций, продвижение национального бизнеса и помощь реализации планов предпринимателей на мировом рынке.

И. Мавлонов приходит к выводу, что развитие экономической дипломатии стало для Индии одной из важнейших стратегий по продвижению своих конкурентных позиций в мировой экономике. Обладая сегодня увеличивающимся международным авторитетом, Индия способна и сама оказывать позитивное содействие развитию других регионов мира, активно участвуя в международных и региональных организациях. Современная экономическая дипломатия Индии опирается на собственный стремительно растущий экономический и научно-технологический потенциал, значительные финансовые и организационные ресурсы и направлена на продвижение своих национальных экономических интересов на мировой арене, выдвигание актуальных вопросов мирового экономического развития, затрагивающих региональные и глобальные проблемы в торгово-экономической, финансово-инвестиционной, рыночной и других областях.

Экономическая дипломатия в вопросах формирования стратегии национальной безопасности Индии сосредоточивает внимание на следующих приоритетных направлениях: развитие энергетической дипломатии; повышение конкурентоспособности индийских товаров посредством привлече-

PEЦЕНЗИЯ

ния инвестирования в новые технологии; государственное содействие частному бизнесу по проникновению на международный рынок, увеличению экспорта индийских товаров, устранению препятствий для развития высокоэффективного индийского бизнеса за рубежом.

Наряду с поддержкой экспорта, значительно активизировалась государственная политика по содействию привлечения иностранных инвестиций, используя широкий арсенал средств экономической дипломатии: меры по улучшению доступа на внутренний рынок, либерализации и упрощению торговли; предоставление различных льгот экспортно-ориентированным предприятиям с участием зарубежного капитала; учреждение специальных экономических зон экспортной переработки с необходимой инфраструктурой и мерами, устраняющих административные барьеры для ведения бизнеса; разработка механизмов защиты интересов зарубежных инвесторов и продвижение проектов с их участием на внутреннем рынке и др. Ключевым элементом деятельности экономической дипломатии по привлечению иностранных инвестиций является глубокий анализ сравнительных и конкурентных преимуществ стран, всесторонне отражающий благоприятный инвестиционный климат, направленный на продвижение позитивного имиджа за рубежом. Последнее широко завоевывает позиции как самостоятельное направление в экономической дипломатии, создавая положительный образ страны в глазах мирового бизнес-сообщества.

Важным достоинством книги является то, что автор показывает, как Индия реализует свои интересы в Цен-

тральной Азии. Он считает, что экономическая дипломатия Индии видит в регионе Центральной Азии перспективный экономический рынок, обладающий стратегическим потенциалом, включая огромный инвестиционный и торговый рынок, где создание совместных предприятий в сфере малого и среднего бизнеса может составить ключевой сектор и дать промышленности и экономике Индии в целом преимущества в долгосрочной перспективе.

Регион ЦА может быть действенным инструментом для Индии в реализации новых транспортно-коммуникационных проектов, которые могут способствовать и быстрому выходу стран Центральной Азии к мировым рынкам; ряд стран ЦА располагают внушительными запасами энергетических ресурсов (нефть, газ, сырье для атомных электростанций); перспективно развитие трубопроводного транспорта; освоение огромных запасов минеральных ресурсов открывает перспективы для проведения их геологической разведки, добычи, переработки и транспортировки; развитые и достаточно оснащенные в техническом отношении страны ЦА позволяют Индии ускоренно развивать сотрудничество во всех сферах экономики на взаимовыгодных условиях; активная политика реформирования экономик в странах ЦА способствует наращиванию притока капиталов и повышению роли региона; народы стран ЦА и Индии хорошо знают продукцию друг друга, и это тоже создает огромный потенциал и действенный стимул для развития их взаимного сотрудничества.

Проведенные автором исследования подтверждают не только наличие стратегических экономических интересов Индии в ЦА, но и свидетельствуют о

практической значимости этого региона в глобальной перспективе и нацеленности внешней политики Индии в данный регион. При этом в работе подчеркивается, что экономической дипломатии Индии отводится большая роль в реализации ее торгово-инвестиционной политики со странами ЦА, которая определяется следующими факторами:

1) страны ЦА обладают немалым экономическим потенциалом и природными ресурсами;

2) регион Центральной Азии становится все более активным не только объектом, но и субъектом геополитики;

3) Индия видит в странах ЦА естественных партнеров по политическому и торгово-экономическому сотрудничеству, а также обеспечению совместной безопасности.

Такой детальный анализ современных моделей многосторонней дипломатии Индии со странами Центральной Азии приводит автора к выводу о том, что одной из возможных тенденций расширения и углубления сотрудничества Индии со странами данного региона, как для укрепления двустороннего формата, так и для перехода и усиления многостороннего формата, может быть создание в недалекой перспективе полноценной институциональной модели формата «Индия — Центральная Азия». Дальнейшим же развитием этой модели в перспективе, как заключает автор, станет биполярная модель межрегионального развития Центральной и Южной Азии. Далее автор исследует возможные последствия глобального финансового кризиса на сотрудничество Индии со странами Центральной Азии.

И. Мавлонов полагает, что Индия будет всемерно развивать свою многостороннюю дипломатию с регионом

ШОС и ЦА, используя существующие и формируя новые модели межрегионального сотрудничества Центральной и Южной Азии. С точки зрения нового видения роли Индии в мировой политике ее присутствие в Центральной Азии становится стратегически важным и нужным не только с позиции необходимости выхода Индии за пределы своей традиционной зоны влияния в Юго-Восточной Азии, Южной Азии и акватории Индийского океана, но и с позиции государства, претендующего на роль нарождающейся державы текущего столетия.

Автор считает, что Индия быстрее других стран Азиатско-Тихоокеанского региона выходит из глобального финансового кризиса. Хотя кризис привел к определенному снижению темпов роста индийской экономики, правительство предприняло действенные меры по диверсификации экспорта, стимулированию внутреннего потребления, увеличению государственных расходов и занятости населения, предоставлению кредитов в производственный сектор и необходимости структурных реформ в экономике, увеличению покупательной способности населения.

И, наконец, прочитав данное издание, можно заключить, что опыт экономической дипломатии Индии служит достаточным примером для государств (например, для Узбекистана и Казахстана), стремящихся продвигать свои национальные экономические интересы на мировой рынок. Основная мысль книги заключается в том, что экономическая дипломатия сегодня, приобретя геоэкономические и геополитические параметры, продвигает трансформационные процессы формирования мирового порядка.

ЖАРКЫНБАЕВА Р.С.

Недавно вышедшая в свет книга «Социальная Европа в XXI веке» (Институт Европы РАН) глубоко и всесторонне рассматривает проблемы социального измерения современной Европы, анализирует социальную политику отдельных европейских стран и Европейского Союза в целом. Как известно, Институт Европы проводит междисциплинарные научные исследования политических, экономических, военно-политических, социальных, информационных и иных проблем Европы и является одним из самых авторитетных и влиятельных научно-исследовательских институтов как среди государственных, так и среди негосударственных учреждений России. В 2007 г., по версии Foreign Policy Research Institute (Филадельфия, США), Институт Европы вошел в число ведущих экспертных организаций региона Россия и стран ЦВЕ.

Авторским коллективом — а это известные российские (Н.М. Антюшина, А.Н. Аринин, В.Б. Белов, Н.В. Говорова, А.А. Громыко, А.А. Канунников, М.В. Каргалова, Е.И. Новоселов, С.М. Федоров, А.Ф. Храпцов, Т.В. Ярыгина), казахстанские (А.Х. Арыстанбекова) и зарубежные (М. Риччери) ученые — представлены различные аспекты, компоненты, точки зрения на проблемы социального измерения современной Европы, особая ценность которых заключается в раз-

нообразии суждений и оценок. Приоритетное внимание в семи главах книги авторами уделено содержанию и воплощению на практике европейской социальной модели.

Монография «Социальная Европа в XXI веке» представляется весьма актуальной и своевременной. Европейская социальная модель всегда считалась одним из наиболее привлекательных проектов развития общества. Исторические и социокультурные традиции европейских государств, их экономические достижения сделали возможным создание особой европейской социальной модели, которая была призвана обеспечить как эффективное функционирование экономики, так и распределение общественного богатства. Причем это не просто возможность, не просто способ решения чисто социальных проблем — это модель развития общества, основанная на принципах уважения человеческого достоинства, социальной справедливости, социально ориентированной экономики при непременном условии бережного сохранения окружающей среды. Следует признать тот факт, что с самого начала европейская социальная модель никогда не рассматривалась как нечто застывшее, напротив, несмотря на существующие проблемы, она до сих пор совершенствуется, реформируется, дополняется, реагирует на все современные вызовы. Также необходимо подчеркнуть

и то, что европейская социальная модель продолжает оставаться неким социальным идеалом, ориентиром, к которому следует стремиться, опираясь на идею, воплотившую в себе традиционные ценности европейской цивилизации и совокупность конечных целей общественного развития.

В книге показано, что в условиях современного серьезного финансового и социально-экономического кризиса следование этому идеалу становится весьма проблематичным, но, как утверждают авторы, только органичное дополнение экономической интеграции интеграцией социальной во многом определяет способность ЕС справиться с текущим кризисом и оказывает большое влияние на перспективы развития Европейского Союза. В работе представлен всесторонний и глубокий анализ социальных проблем, от степени решения которых будет зависеть дальнейшее социально-экономическое развитие Европейского Союза.

Заслугой авторов является попытка проанализировать как теоретические основы, так и международную практику, мировые тенденции в области социальной политики. Большое внимание в первой части монографии «Социальный стержень Европы» (главы 1—3), написанной доктором исторических наук, руководителем Центра социальных исследований Института Европы РАН М.В. Каргаловой, уделено новым параметрам социальных проблем в XXI в., трансформации социальной политики в современном мире, строительству единого социального пространства Европейского Союза. М.В. Каргалова вполне справедливо отмечает, что, несмотря на попытку создать новую модель эффективного механизма

социальной политики ЕС, «...далеко не всегда отдельные детали этого механизма срабатывают так, как хотелось бы руководящим органам Сообщества...». Зачастую приходится преодолевать бюрократические барьеры, национальную ограниченность, предпринимаются попытки не открывать достижения своих систем образования и социальной защиты для партнеров из других государств-членов, не говоря уже о представителях третьих стран или иммигрантах (с. 70). Так, авторы показали очень сложную, порой драматичную картину современного социального развития Европы, которая пытается сохранить свои вековые цивилизационные традиции, при этом адаптируется к новым условиям, находит новые подходы к решению серьезных глобальных проблем и во многом является примером для остальных стран мира.

Процессу становления и перспективам европейской социальной модели, многообразие форм социального развития на Европейском континенте посвящена часть вторая, которая называется «Единство в многообразии» (главы 4—5). Как известно, современная социальная политика зависит от уровня взаимоотношений трех составляющих: государства, социально ответственного бизнеса и гражданского общества. Авторами раздела при обосновании и определении успешного опыта взаимодействия государства и гражданского общества европейских стран акцентируется внимание на том, что «...во многих странах мира все еще остается актуальной задача активного вовлечения граждан, общественных организаций и институтов гражданского общества в процесс выработки и реализации планов правительства в сфере

социальных и экономических реформ» (с. 239). Эксперты, анализируя содержание европейской социальной модели, обращают внимание на различные ее векторы. Так, известный ученый, заместитель директора института по научной работе А.А. Громыко показывает, что для Британии в обозримом будущем наиболее подходящей моделью социального развития будет совмещение континентальной европейской и англосаксонской (американской) модели (с. 342).

Особенный интерес для нас представляет часть третья «Европейская социальная модель как фактор влияния на социальное развитие в мире» (главы 6—7), в которой рассмотрены проблемы и перспективы применения европейской социальной модели вне границ Европейского Союза. В частности, проанализированы особенности американской модели как альтернативы ЕСМ на мировой арене, возможности реализации опыта европейской социальной модели для стран Латинской Америки, «Союза для Средиземноморья», 4 и 5 подразделы посвящены опыту ЕС и решению социальных проблем в странах ЕврАзЭС, в государствах Центральной Азии.

Подраздел 6.5 «Европейская социальная модель как ориентир для совершенствования социальной политики в Казахстане и других странах Центральной Азии» написан нашей соотечественницей доктором исторических наук А.Х. Арыстанбековой. Для новых независимых государств Центральной Азии в настоящее время характерно постоянное обращение к опыту ЕС как к ориентиру в политической, экономической и социальной трансформации своих стран. В частности, Рес-

публика Казахстан считает приоритетным развитие всестороннего сотрудничества с европейскими странами, укрепление исторически сложившихся связей и приобщение к опыту европейской интеграции. В августе 2008 г. в Казахстане была принята Государственная программа «Путь в Европу» на 2009—2011 гг., в которой отмечено, что необходимость ее принятия вызвана важностью решения актуальных задач внутреннего развития страны, разработки национальных приоритетов на европейском направлении, приобщения к опыту европейской интеграции и институционально-правовых реформ, углубления технологического, энергетического, транспортного, торгового, гуманитарного и инвестиционного сотрудничества. Как пишет автор, «...при разработке основных направлений социальной политики Казахстана учитываются основополагающие ценности европейской социальной модели, среди которых — неразрывная связь между экономическим развитием и социальным прогрессом, ключевая роль государства в решении социальных проблем, борьба за занятость и искоренение бедности» (с. 447).

В настоящее время в Центральной Азии накапливаются серьезные проблемы и ресурс относительно стабильного развития без проведения продуманных социальных реформ может постепенно исчерпаться. В этой связи закономерно возрастает потребность как в осмыслении собственного опыта, так и в творческом обобщении зарубежного опыта, и в частности опыта ЕС. Работа носит упреждающий характер с позиций прикладной значимости, поскольку в настоящее время многие социальные проблемы государств регио-

на вышли за рамки узконациональных границ на региональный и глобальный уровень и требуют совместных и адекватных ответов, а для этого необходимо как дальнейшее углубление уровня регионального и международного сотрудничества, так и поиски оптимальной для новых независимых государств Центральной Азии социальной модели.

Можно согласиться с мнением авторов книги, что Европейская социальная модель не является совершенной, но основные принципы, на которых она базируется, и цели, к которым стремится, имеют безусловную ценность для любой страны, стремящейся к экономическому росту и социальному прогрессу. На основе анализа обширного фактологического материала, представленного в книге, можно сделать вывод о том, что все постсоветские страны имеют возможность извлекать уроки из европейского опыта. Так, достижение нового социального контракта между государством, бизнес-сообществом и

гражданским обществом — задача, зафиксированная в европейской социальной модели, актуальна и для нас.

Необходимо отметить то, что в настоящее время внутри государств СНГ традиции научно-гуманитарного сотрудничества постепенно ослабевают и, конечно, выход в свет данной книги, где представлены точки зрения не только российских и зарубежных ученых, но, что для нас особенно важно, и казахстанских ученых, является серьезным, позитивным шагом на пути к межгосударственному сотрудничеству в научной сфере и попыткой всестороннего научного осмысления сути европейской социальной модели.

В целом рецензируемая работа, безусловно, является серьезным вкладом в теорию и практику реализации основных направлений социальной политики и может быть полезной ученым, преподавателям, студентам и всем тем, кто интересуется современными социальными процессами, происходящими в мире.

Summary

2011 Address of President of Republic of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev to People of Kazakhstan: Core Ideologemes

Shaukenova Z.K. — Deputy Director of Kazakhstan Institute for Strategic Studies under President of RK, Doctor of Sociology, Professor

The paper deals with the Presidential Address to the Nation which has broader significance than being a guide for administrative actions. It is considered as a national pact on nation-wide readiness to preserve common achievements. The President articulated the essence of this in his motto "20 years of Peace and Constructiveness" which

is one of the core ideologemes of his 2011 Address to the Nation. The Head of the State urges the people of Kazakhstan to take good care of themselves and their motherland, to understand the complexity of the current situation in which the country has to strive for its development.

Korean Peripetiae for UN Entry

Kum G.N. — Chief Research Fellow, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under President of RK, Doctor of History, Professor

Ospanov N.M. — Junior Research Fellow, Suleimenov Institute for Oriental Studies, Ministry of Science and Education of RK

When the Republic of Korea and the Democratic Republic of Korea were established in 1948 the both states claimed to be the only legit entity of statehood of the Korean nation and then the difficult and complex issue of the UN entry emerged. In

spite of this South Korea has achieved a lot for the last 20 years. The election of former minister of foreign affairs and trade Ban Ki-moon the Secretary General of the United Nations is a good example proving that.

Relations of the SCO and Western Countries

Izimov R.Y. — Research Fellow, Foreign Policy Research Department, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under President of RK

Over the last years international community has become increasingly interested in the Shanghai Cooperation Organization. This interest especially of the western countries rooted in certain concern of the USA and other NATO countries about increasing

role of China in Central Asian region and possibilities for anti-western bias the SCO may acquire. Given the relevance of the issue the paper provides the analysis of the challenges and perspectives of the relations of the SCO member states and the West.

Characteristics of Formation of Caspian Regional Security System **Timofeenko L.A.** — Research Fellow, Foreign Policy Research Department, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under President of RK

The article describes the current situation of the security maintenance in the Caspian region. Taking into account a number of problematic issues resulted from different approaches of the individual Caspian states to preserve their national security the author

outlines the key challenges and threats to stability within the territory of Caspian region and speculates on the perspectives of 5-sided negotiation process among Caspian states on the issue of security.

Cooperation of Kazakhstan with Middle East Countries

Nursultanova L.N. — Head of Department of Contemporary History, Institute of History and Ethnology, Ministry of Science and Education RK, Doctor of History

This article touches upon the development of political, diplomatic, trade, economic and humanitarian relations of Kazakhstan with the countries of the Middle East. The First President of the RK N.A. Nazarbaev has made

great contribution to the Middle-Eastern foreign policy. The countries of this region play a certain role in the world politics; therefore cooperation with them is important both for Kazakhstan and the world community.

Nuclear Non-Proliferation Treaty and Position of Kazakhstan

Aben D.A. — Regional Representative, James Martin Center for Non-proliferation Studies, Monterey Institute of International Studies; Ph.D. Candidate, al-Farabi Kazakh National University

The Nuclear Non-Proliferation Treaty (NPT) is considered the cornerstone of the nuclear nonproliferation regime and one of the key elements of the international security system. The Republic of Kazakhstan has long been an active proponent of the NPT, but since recently it has repeatedly voiced its concern about the inability of the Treaty to meet present-day challenges and put forward a number of proposals on a new agreement on nuclear nonprolifera-

tion and disarmament. This article describes the implementation by Kazakhstan of its obligations under the NPT, traces the evolution of the country's position on the Treaty, examines the NPT's role in the prevention of nuclear proliferation, analyzes the feasibility of Kazakhstan's latest initiatives on a new legal basis for the nonproliferation regime, and discusses possible promising directions of activity in this field for Kazakhstani diplomacy.

2011 Electoral Campaign Technologies

Bokaev S.O. — Deputy Chairman of the Almaty City Branch of the People's Democratic Party 'Nur Otan', PhD in Political Science

The article deals with the case of early presidential elections in Kazakhstan. The author analyzes a number of technological aspects of the recent electoral campaign. The

main argument is that the campaign revealed a complete lack of PR professionals and political consultants as well as any strategic approach in order to win the elections.

Sources for the Study of Historical Geography of the Steppe Areas of Kazakhstan XIX — early XX century

Ksenzhih G.N. — Scientific Secretary of the Kostanay Engineering and Pedagogical University, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

This article covers the sources on historical geography of Steppe areas of Kazakhstan in XX — the beginning of the XX-th centuries. It is possible to carry materials of archives of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation to most major sources. The narrowness of approaches and estimations that was consequence of the general colonial direction of the imperial government policy in region is inherent in the majority of archival materials of the given period.

First Mosques in Semipalatinsk: Construction and Architecture

Shabley P.S. — Senior Lecturer, Kostanay Filiation of Chelyabinsk State University

The first mosques in Semipalatinsk appeared in the end of 19th century. The construction of temples in Semipalatinsk had its special features, for example unlike the other cities such as Petropavlovsk the first mosques were not built at the expense of local budget, but via popular fundraising. The money was mostly provided by the Muslim merchants who lived in the city. The author considers the history of construction of the mosques in Semipalatinsk a perfect example of cultural and socio-economic renaissance of Kazakhstan in the 19th and beginning of the 20th centuries.

Сведения об авторах

Журнал «Казakhstan-Спектр» №2, 2011

Абдилдабекова А.М. — доцент Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби, кандидат исторических наук

Абен Д.А. — региональный представитель Центра Джеймса Мартина по изучению проблем нераспространения при Монтерейском институте международных исследований, докторант PhD КазНУ им. аль-Фараби

Алимгазинов К.Ш. — старший научный сотрудник Института истории и этнологии (ИИЭ) им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, доктор исторических наук, доцент

Бокаев С.О. — заместитель председателя АГФ НДП «Нұр Отан», доктор политологии PhD

Джалилов З.Г. — ведущий научный сотрудник Института востоковедения (ИВ) им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, доктор исторических наук

Додонов В.Ю. — главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор экономических наук

Жаркынбаева Р.С. — профессор Казахской академии транспорта и коммуникаций (КазАТК) им. М. Тынышпаева, доктор исторических наук

Изимов Р.Ю. — научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК

Калыш А.Б. — доцент КазНУ им. аль-Фараби, кандидат исторических наук

Ким Г.Н. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук, профессор

Ксенжик Г.Н. — ученый секретарь Костанайского инженерно-педагогического университета, доктор исторических наук, доцент

Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Мухамеджанова Д.Ш. — ведущий научный сотрудник отдела экономических исследований КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук